

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

16+

2026
ЧАСТЬ VIII

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 20 (623) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Павел Николаевич Яблочков* (1847–1894), русский электротехник, военный инженер, изобретатель и предприниматель.

Павел Николаевич Яблочков родился в селе Жадовка Саратовской губернии в дворянской семье. С самого детства он любил конструировать: придумал угломерный прибор для землемерных работ, устройство для отсчета пути, пройденного телегой.

Яблочков окончил Николаевское инженерное училище в Петербурге, а через некоторое время — Техническое гальваническое заведение в Кронштадте. Тогда это была единственная в России школа, которая готовила специалистов в области электротехники. Там будущий ученый познакомился с новейшими достижениями в области изучения и технического применения электрического тока.

В 1872 году Павел Николаевич переехал в Москву. Именно тогда он начал изобретать, однако успехов на данном поприще достиг лишь в 1874 году, когда создал мастерскую физических приборов, где проводил работы по электротехнике, которые в дальнейшем легли в основу его изобретений в области электрического освещения, гальванических элементов и аккумуляторов.

Весной 1874 года Яблочкову представилась возможность практически применить электрическую дугу для освещения. Из Москвы в Крым должен был следовать правительственный поезд. Впервые в истории железнодорожного транспорта на паровозе установили прожектор с дуговой лампой — регулятором Фуко.

Яблочков был членом кружка электриков-изобретателей при Московском политехническом музее. Здесь он узнал об опытах Александра Лодыгина по освещению улиц и помещений электрическими лампами, после чего решил заняться усовершенствованием существовавших тогда дуговых ламп. К 1875 году относится одно из его главных изобретений — «электрическая свеча».

В том же году Яблочков уехал в Париж, где создал промышленный образец электрической лампы, а через год запатентовал свою «электрическую свечу». Ее первая демонстрация состоялась в 1876 году в Лондоне, и в Париж Павел Николаевич вернулся уже известным изобретателем. Сразу же была создана кампания по эксплуатации его патентов. Специальный завод производил несколько тысяч «свечей» в день. Они получили применение главным образом в уличном освещении.

Также Яблочков разработал и внедрил систему электрического освещения на однофазном переменном токе, разработал способ «дробления света посредством индукции катушек» и др. Система освещения Яблочкова, получившая название «русский свет», пользовалась исключительным успехом. Компании по ее коммерческой эксплуатации были основаны во многих странах мира.

В России первая проба электрического освещения по системе Яблочкова была проведена осенью 1878 года: были освещены казармы и площадь в Кронштадте, а также Большой театр в Петербурге. Ни одно из изобретений в области электротехники не получало столь быстрого и широкого распространения, как «свечи» Яблочкова. Это был подлинный триумф русского инженера, а его изобретение ускорило решение многих насущных технических задач и легло в основу будущей электротехнической промышленности.

После изобретения «свечи» Яблочков очень много работал и в России, и за рубежом. В 1879 году он организовал «Товарищество электрического освещения П. Н. Яблочков-изобретатель и Ко», в числе акционеров которой были промышленники, финансисты, военные. Компания открыла электромеханический завод в Петербурге, производивший осветительные установки для военных судов, заводов военно-морского ведомства и для многих городов России.

С 1880-х годов Павел Николаевич занимался главным образом вопросами генерирования электрической энергии: созданием динамомаши и гальванических элементов. Инженер провел много исследований в области превращения энергии топлива в электрическую энергию. В последующие годы он получил ряд патентов на электрические машины.

Яблочков также был участником электротехнических выставок в России и в Париже, участником Первого международного конгресса электриков, стал одним из инициаторов создания электротехнического отдела Русского технического общества и журнала «Электричество». Он был награжден медалью императорского Русского технического общества и французским орденом Почетного легиона.

Умер талантливый ученый Павел Николаевич Яблочков в 1894 году в Саратове от болезни сердца. Он был похоронен в селе Сапожок Саратовской области в фамильном склепе.

В конце 1930-х годов Михайло-Архангельскую церковь разрушили, при этом пострадал и фамильный склеп Яблочковых. По решению АН СССР 26 октября 1952 года на могиле П. Н. Яблочкова был воздвигнут памятник, который представляет собой каменное изваяние. На лицевой стороне — барельеф с изображением изобретателя, а ниже установлена мемориальная доска, на которой выбиты слова: «Здесь покоится прах Павла Николаевича Яблочкова — выдающегося русского изобретателя в области электротехники (1847–1894 гг.)». По боковым сторонам расположены изображения «свечи» Яблочкова, электрической машины эклипс, гальванических элементов. На памятнике выбиты слова Павла Николаевича: «Электрический ток будет подаваться в дома, как газ или вода».

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Клименко Д. С.

Расследование преступлений, совершенных с использованием технологии deepfake..... 527

Коваленко И. А.

Понятие и правовая природа корпоративных правоотношений..... 529

Коваленко И. А.

К вопросу о правовой природе корпоративного договора 531

Ковальчук А. В., Косолапова М. А.

Субъекты, уполномоченные осуществлять расследование несчастных случаев на производстве 533

Колоколенков А. С., Остапенко А. Д.

К вопросу о защите прав потребителей при автоматическом продлении платных услуг 535

Комардина В. А., Комардин И. С.

Социально-правовое исследование соотношения категорий «конфликт интересов» и «коррупция» 538

Косой Е. Е.

К вопросу о профилактике преступлений против правосудия, проводимой органами прокуратуры..... 540

Краубергер О. В.

Процессуальная самостоятельность следователя: проблематика границ и сущности..... 542

Кулаков Е. В.

Проблемы правового регулирования и финансового обеспечения переселения на другое место жительства как меры государственной защиты свидетелей 545

Кунаева А. К.

Современные методы ДНК-анализа в криминалистике: от ПЦР до NGS..... 547

Куцин И. В.

Правовой механизм заключения договора в гражданском праве: современные проблемы и тенденции развития 549

Ларин А. А.

Генетические исследования ДНК и их применение в криминалистике..... 551

Максименко Д. В.

Использование искусственного интеллекта при совершении преступлений с использованием информационно-коммуникационных технологий: проблемы квалификации и прокурорского предупреждения 553

Махмудов М. К., Пивоваров К. М.

Правовые проблемы внедрения наилучших доступных технологий в промышленности 556

Медведев А. В.

Проблемы квалификации неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения в современных условиях 557

Минахина Я. С.

Влияние городского пространства и дизайна среды на уровень преступности 562

Минахина Я. С.

Новые квалифицирующие признаки по статьям 150 и 151 УК РФ. Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления через интернет 563

Митрофанов В. В.

Трансформация пенитенциарной системы в условиях специальной военной операции: новые механизмы социальной ресоциализации 565

Митрофанов В. В.

Особенности правового регулирования применения физической силы и специальных средств сотрудниками Федеральной службы исполнения наказаний России вне учреждений уголовно-исполнительной системы 568

Михайлова К. Н.

Актуальные проблемы использования заключения эксперта в гражданском процессе..... 571

Михальчук Д. Г.

Объективная сторона массовых беспорядков:
проблемы установления и доказывания 573

Морозова Н. Г.

Проблема нормативно-правового
закрепления понятия «семейно-бытовое
насилие» 575

Мурашко Е. А.

Освобождение несовершеннолетних
от административной ответственности:
дискуссионные аспекты 579

Овдиенко А. Д.

Криминологическая характеристика
преступности несовершеннолетних 581

Павленко Я. А.

Проблемы правового регулирования
и повышения безопасности использования
средств индивидуальной мобильности 583

Павленко М. В.

Общая характеристика личности виновного
в легализации (отмывании) преступных
доходов 585

Пеньков М. Д.

Наследование оружия: правовые
ограничения и порядок оформления 589

Петров В. А.

Цифровизация корпоративного управления
в современной России 592

Петров В. А.

Проблемы правового регулирования
холдинговых структур в Российской
Федерации 593

Пилия Э. Д.

К вопросу о генезисе договора дарения
в советский период 594

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Расследование преступлений, совершенных с использованием технологии deepfake

Клименко Демид Сергеевич, студент

Научный руководитель: Писковатский Данил Александрович, ассистент
Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)

В статье рассматриваются основные проблемы расследования преступлений, совершаемых с применением технологии deepfake, обосновывается необходимость разработки методик и способов повышения эффективности выявления и раскрытия таких преступлений.

Ключевые слова: deepfake, дипфейк, расследование преступлений, искусственный интеллект, технологии.

Технологии постоянно развиваются, что во многом облегчает нашу жизнь, но и расширяет возможности их применения для совершения противоправных действий, так как, к сожалению, не только законодательство и методы расследования не всегда могут действовать «наперед», но и сами люди, особенно старшее поколение, всё чаще становятся жертвами мошенников. Не последнюю роль в этом играет использование искусственного интеллекта. На сегодняшний день, вероятно, большинство из нас или наших близких сталкивалось с теми или иными формами интернет-мошенничества. Особенно часто для этого стали использоваться мессенджеры.

Для начала стоит разобраться что из себя представляет технология: «Технология DeepFake — это способ цифровой обработки информации с использованием технологий искусственного интеллекта в результате которого исходные файлы фото, видео или аудио подвергаются изменению, зачастую фальсифицируются без согласия и даже ведома как правообладателя, так и участников». [1, с. 348]

Работа с ними проходит в несколько этапов:

— Сбор данных таких как: фотографии, изображения, аудиозаписи и другие для их обработки;

— Обучение модели включающее в себя распознавание и воспроизведение индивидуальных особенностей человека (голоса, черт лица);

— Создание контента [2, с. 460].

В. Б. Батоев и А. В. Пучнин выделяют следующие типы дипфейков:

1. подменяющие изображение лица, в целях создания поддельных фото и видео;

2. синхронизирующие движений губ с заранее подготовленной аудиозаписью;

3. имитирующие мимику и движения человека;

4. используемые для реалистичного редактирования и распространения дезинформации с помощью поддельных профилей;

5. дипфейки при которых осуществляется генерирование голоса человека с использованием методов глубокого обучения [3, с. 166].

Несмотря на то, что нейросети препятствуют генерации контента с реальными людьми, это ограничение всё равно удаётся обходить, но даже это не является «спасением». С помощью современных технологий можно создавать реалистичные изображения несуществующего человека, зачастую это используется для ведения в социальных сетях аккаунтов под видом девушек, которые общаются с доверчивыми пользователями в сети и под различными предложениями начинают просить перевести им денежные средства.

На данный момент в России нет единого закона, который бы напрямую регулировал использование ИИ и дипфейк для противоправных целей. Депутатами внесен законопроект № 1133088–8, в котором рассматривалась проблема использования данных технологий и предлагалось дополнить статью 272.1 УК РФ понятием «автоматизированная обработка», которое включало бы в себя действия, направленные алгоритмическую обработку чужих персональных данных, полученных незаконным путем для последующих действий с ними, например — создание дипфейков. Но данный законопроект не был принят. В других странах законодатели уже отреагировали на проблему, примером может служить закон США S.146 — TAKE IT DOWN Act, принятый в 2025 году. Он регулирует сознательное распространение в сети интернет интимных изображений с использованием ис-

кусственного интеллекта. Данный закон содержит определение «Digital forgery», которое можно перевести как «цифровая подделка». Под ним понимается визуальное изображение лица, созданное с помощью программного обеспечения, искусственного интеллекта или других компьютерных средств, при просмотре неотличимое от подлинного. К этому понятию относится и создание подобного контента с использованием технологии дипфейк.

Преступления с использованием искусственного интеллекта характерны тем, что могут нанести репутационный, экономический и психологический ущерб. Для их расследования можно использовать программные средства, и ИИ, которые могут выявить погрешности и изменения в исходном изображении [4, с. 238]. Также стоит помнить, что на данный момент возможно самостоятельно понять, что видео или фото материал был сгенерирован, проявив должную внимательность. Признаками этого является рассинхронизация звука и движения губ, гиперболизированная мимика, специфическая интонация голоса, особенно стоит присмотреться к мелким деталям и заднему фону, предметы на котором могут сливаться друг с другом.

Я. А. Климова предлагает следующую программу расследования преступлений совершенных с использованием технологии дипфейк:

1. установление IP-адреса, места исходного кода программы и нахождения устройства;
2. допрос потерпевшего и свидетелей;
3. осмотр принадлежащего подозреваемому устройства, в ходе которого необходимо определить исходные материалы и программы для создания дипфейка, установить наличие навыков и интересов у подозреваемого, изучив историю браузера и его учетные записи;
4. осмотр мобильного телефона подозреваемого и потерпевшего [5, с. 140].

С этим нельзя не согласиться, но нужно сказать, что часто данные преступления совершаются с использованием мессенджеров и социальных сетей и для их наиболее быстрого и эффективного расследования необходимо сотрудничество с разработчиками приложений.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что преступления, совершаемые с использованием технологии дипфейк представляют угрозу для общества. Существующие на данный момент в России правовые нормы и криминалистические методики недостаточно эффективны. Для их улучшения необходимо усовершенствовать законодательство путем введения понятия «дипфейк», а также разработать методику расследования подобных преступлений с внедрением инструментов обнаружения синтетического контента.

Литература:

1. Евтушенко, И. И. К вопросу об уголовной ответственности за дистанционные хищения, совершенные с использованием технологии «дипфейк» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. — 2024. — Т. 10, № 4. — С. 347–352.
2. Исаева, К. А. Фальсификация доказательств с использованием дипфейк технологий // Аграрное и земельное право. — 2024. — № 12. — С. 460–462.
3. Батоев В. Б., Пучнин А. В. Использование технологии deepfake в преступной деятельности: проблемы противодействия и пути их решения // Вестник ВИ МВД России. — 2023. — № 1. — С. 165–169.
4. Исакова А. Г., Осин А. В. Применение искусственного интеллекта в расследовании преступлений с использованием технологии «дипфейк» // Вестник науки. — 2024. — Т. 3, № 1(70). — С. 235–242.
5. Климова Я. А. Основные положения частной криминалистической методики расследования преступлений, совершенных с использованием технологии дипфейк: от теории к практике киберследаствия // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 10 (179). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-polozheniya-chastnoy-kriminalisticheskoy-metodiki-rassledovaniya-prestupleniy-sovershennyh-s-ispolzovaniem-tehnologii> (дата обращения: 11.05.2026).
6. Проект федерального закона № 1133088–8. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1133088-8> (дата обращения: 11.05.2026).
7. Public Law No. 119–12 (05/19/2025). URL: <https://www.congress.gov/bill/119th-congress/senate-bill/146/text> (дата обращения 12.05.2026).

Понятие и правовая природа корпоративных правоотношений

Коваленко Инна Александровна, студент магистратуры
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

В статье автор исследует правовую природу, основные исторические этапы развития категории «корпоративные правоотношения».

Ключевые слова: гражданское право, корпоративные правоотношения, корпорация.

В современных условиях развития гражданского оборота особое значение приобретает изучение корпоративно-правовых отношений, являющихся основой функционирования хозяйствующих и иных корпоративных субъектов. Динамичное развитие экономических отношений и появление новых форм взаимодействия между участниками рынка обуславливают необходимость постоянного совершенствования правового регулирования в этой области.

Корпоративно-правовые отношения представляют собой сложный комплекс социальных отношений, возникающих между участниками корпоративных организаций, самой корпорацией и третьими лицами. Их специфика заключается в сочетании элементов как имущественных, так и неимущественных отношений, что создает определенные трудности в правовом регулировании и практическом применении корпоративного права.

Актуальность исследования правовой природы корпоративных правоотношений обусловлена несколькими факторами. Предлагаем рассмотреть несколько из них:

- во-первых, это необходимость четкого определения границ корпоративных правоотношений в системе гражданского права;
- во-вторых, потребность в совершенствовании механизмов защиты прав участников корпоративных отношений;
- в-третьих, важность создания эффективной системы корпоративного управления, отвечающей современным экономическим реалиям.

Актуальность темы исследования также подтверждает интерес к данной проблеме со стороны не только законодателя, но и практикующих юристов и ученых. Так, различные подходы в определении правовой природы корпоративных отношений можем наблюдать в работах Д. В. Ломакина [1], Н. В. Козловой [2], Н. Н. Пахомовой [3], В. А. Белова [4] и др.

Проведение исследований по указанной проблеме позволяет унифицировать научные представления о природе корпоративных правоотношений, их особенностях и отличительных признаках, с дальнейшей возможностью использовать полученные результаты для совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

Первый серьезный анализ корпоративных правоотношений был проведен в работах одного из ведущих германистов О. Ф. фон Гирке [5], который рассматривал

корпорацию как союзную личность — субъекта прав и обязанностей, отличную от суммы составляющих ее индивидов. В связи с чем, О.Ф. фон Гирке не только выделял корпоративные правоотношения в отдельный вид правоотношений, но и выделял три составных подгруппы правоотношений с участием корпорации, а именно:

1. Внутренние корпоративные правоотношения, возникающие между корпорацией как союзной личностью и ее участниками (членами). Существование таких правоотношений для конкретного субъекта было обусловлено участием (членством) в корпорации.
2. Правоотношения между корпорацией и государством или иной союзной личностью, в которой участвовала корпорация.
3. Правоотношения, в которых корпорация выступала наряду с иными лицами в качестве обычного участника имущественного оборота.

Идеи О. Ф. фон Гирке нашли поддержку со стороны большинства ученых того времени и легли в основу научных трудов правоведом-потомков, в том числе среди отечественных цивилистов.

Продолжая говорить об изучении корпоративных правоотношений российскими учеными, отметим, что в дореволюционной России значительный интерес вызывало изучение корпоративных правоотношений, формировавшихся в рамках акционерных обществ. Данной проблематикой занимались не только специалисты в области гражданского права, но и исследователи публичного права, особенно административного (полицейского). Подобное внимание было обусловлено спецификой правового регулирования: положение акционерных обществ регламентировалось преимущественно не законодательными нормами, а индивидуальными административными предписаниями. Эти документы издавались для каждого общества отдельно в процессе утверждения его устава. Подобная практика была связана с существовавшим тогда разрешительным порядком учреждения акционерных обществ [11].

Профессор Л. И. Петражицкий отмечал, что подобные административные предписания фактически сформировали особую систему, которая существовала параллельно с действующим законодательством и нередко противоречила ему [6].

Уже в тот период развития корпоративного права исследователи подчеркивали уникальный характер корпоративных правоотношений. Так, И. Т. Тарасов [7] указывал

на необходимость осторожного применения традиционных юридических конструкций к правовым отношениям в акционерных компаниях, поскольку новые формы хозяйствования порождали и новые правовые связи.

Особенности правового регулирования того периода определялись преобладанием административного контроля над законодательным регулированием, индивидуальным подходом к каждому акционерному обществу, разрешительным порядком создания компаний и формированием особой системы административных предписаний.

Несмотря на существующие противоречия, отсутствия должного законодательного регулирования деятельности корпораций, именно в данном периоде были заложены основы понимания специфики корпоративных отношений, которые впоследствии развивались и совершенствовались. Отдельно хотелось бы отметить, что именно в дореволюционном периоде среди отечественных цивилистов был сформирован особый подход к пониманию корпоративных правоотношений, который учитывал как частноправовые, так и публично-правовые аспекты их регулирования.

После революционных событий 1917 года научное осмысление правовых связей в коммерческих структурах не прекратилось, а получило новое развитие в эпоху новой экономической политики.

Даже в период господства командно-административной системы, сменившей НЭП, вопросы, связанные с корпоративными отношениями, находили косвенное отражение в научных трудах. Исследования проводились преимущественно через призму членских отношений в различных организациях — сельскохозяйственных кооперативах (колхозах), жилищно-строительных объединениях, общественных формированиях.

Однако в тех условиях, когда сфера изучаемых отношений была ограничена исключительно связями внутри указанных организаций, формирование целостной теории корпоративных правоотношений в отечественной цивилистике было невозможно. Существовали следующие ограничивающие факторы: дефицит практического материала для полноценного анализа, идеологические установки, препятствующие развитию теории, позиция профессора С. Н. Братуся, утверждавшего, что выделение корпоративных отношений характерно только для законодательства капиталистических государств [8].

Новый виток интереса к проблематике корпоративных правоотношений пришелся на эпоху перестройки. Этот период характеризуется возобновлением публикаций фундаментальных исследований зарубежного гражданского права, появлением первых работ по анализу корпо-

ративных отношений в отдельных видах корпораций, необходимостью совершенствования законодательной базы.

Впоследствии возникла потребность в законодательных изменениях, направленных на создание эффективного механизма правового регулирования корпоративных отношений. Эти изменения нашли отражение в соответствующих разделах Концепции развития гражданского законодательства РФ, касающихся общих положений гражданского права, юридических лиц и обязательств.

Таким образом, развитие научных представлений о корпоративных правоотношениях прошло сложный путь трансформации от ограниченного изучения отдельных аспектов до формирования целостной теории в современных условиях.

Наконец, в настоящее время корпоративные отношения прямо названы законодателем в качестве составной части предмета гражданско-правового регулирования и определены как отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими (п. 1 ст. 2 ГК РФ) [9]. Соответственно, корпоративные правоотношения являются результатом такого регулирования.

Из приведенной выше легальной дефиниции следует, что корпоративные отношения в самом общем виде в настоящее время можно разделить на два основных блока — социальные связи, возникающие по поводу создания и участия в юридических лицах, имеющих корпоративную структуру, а также по поводу управления такими юридическими лицами [10].

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод, что корпоративные отношения представляют собой уникальное явление, относительно новое в историко-правовом контексте. Их уникальность заключается в сложной природе, которая не позволяет отнести их к традиционным социальным отношениям: они сочетают в себе как имущественные, так и долговые элементы. Эти отношения особенно специфичны из-за наличия как относительных социальных связей между участниками и корпорацией, так и специфических отношений, связанных с правами собственности на долю в уставном капитале или на активы юридического лица. Современная правовая доктрина классифицирует корпоративные отношения как особую категорию социальных отношений с отчетливой организационной составляющей, представляющую собой целостную систему взаимосвязанных имущественных и неимущественных прав, объединенных в рамках единого, сложного юридического лица. Это обуславливает необходимость дальнейшего развития и совершенствования правового регулирования в этой области с учетом ее многогранного характера и специфики.

Литература:

1. Ломакин, Д. В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах / Д. В. Ломакин. — М.: Статут, 2008. — 509 с. — Текст: непосредственный.
2. Козлова, Н. В. Правосубъектность юридического лица / Н. В. Козлова. — М.: Статут, 2005. — 474 с. — Текст: непосредственный.

3. Пахомова, Н. Н. Основы теории корпоративных отношений (правовой аспект): монография / Н. Н. Пахомова. — Екатеринбург: Налоги и финансовое право, 2004. — 208 с. — Текст: непосредственный.
4. Белов, В. А. Гражданское право в 2 т. Том 1. Общая часть: учебник для вузов / В. А. Белов. — М.: Издательство Юрайт, 2026. — 451 с. — Текст: непосредственный.
5. Суворов, Н. С. О юридических лицах по римскому праву / Н. С. Суворов. — Текст: непосредственный — М., 2000. — С. 97–109.
6. Петражицкий, Л. И. Акционерная компания. Акционерные злоупотребления и роль акционерных компаний в народном хозяйстве / Л. И. Петражицкий. — СПб., 1898. — 3 с. — Текст: непосредственный.
7. Тарасов, И. Т. Учение об акционерных компаниях / И. Т. Тарасов. — М., 2000. — 412 с. — Текст: непосредственный.
8. Братусь, С. Н. Предмет и система советского гражданского права / С. Н. Братусь. — М., 1963. — 108 с. — Текст: непосредственный.
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51ФЗ (ред. от [актуальная дата редакции]): принят Государственной Думой 21 октября 1994 года // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
10. Дерхо, Д. С. Корпоративные отношения / Д. С. Дерхо. — Текст: электронный // СПС КонсультантПлюс: [сайт]. (дата обращения: 11.05.2026).
11. Афанасьева, Е. Г. Корпоративное право: учебный курс: в 2 т. Т. 1 / Е. Г. Афанасьева, В. А. Вайпан, А. В. Габов. — М.: Статут, 2017. — 976 с. — Текст: непосредственный.

К вопросу о правовой природе корпоративного договора

Коваленко Инна Александровна, студент магистратуры
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

В статье автор исследует подходы, сложившиеся среди ученых-цивилистов по вопросу определения правовой природы корпоративного договора.

Ключевые слова: корпоративный договор, обязательственный подход, фидуциарный подход, организационный подход, корпоративный подход, смешанный подход.

В условиях динамичного развития рыночных отношений и усложнения структуры корпоративных взаимодействий институт корпоративного договора приобретает все большую практическую и теоретическую значимость. Этот правовой инструмент позволяет участникам хозяйственных обществ гибко регулировать свои взаимоотношения, заранее согласовывая порядок реализации корпоративных прав, что способствует предотвращению потенциальных конфликтов и обеспечивает стабильность управления организацией.

Обобщенное понятие корпоративного договора дано в статье 67.2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [1], согласно которой под корпоративным договором понимается заключенный между всеми или некоторыми участниками хозяйственного общества договор об осуществлении своих корпоративных прав, в соответствии с которым они обязуются осуществлять эти права определенным образом или воздерживаться (отказаться) от их осуществления. Корпоративный договор может заключаться как в публичных, так и в непубличных обществах.

В соответствии с законодательством, регулирующим деятельность акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью, формально выделяют два

вида корпоративного договора: акционерное соглашение и договор об осуществлении прав участников общества с ограниченной ответственностью.

Несмотря на наличие легальной дефиниции, правовая природа корпоративного договора остается предметом оживленных дискуссий в научной среде. Исследователи спорят о его месте в системе гражданско-правовых договоров, соотношении с уставом общества и пределах свободы договорного регулирования в корпоративных отношениях.

Так, среди отечественных ученых преобладает позиция, в соответствии с которой корпоративный договор признается гражданско-правовым обязательством, хотя и со спецификой (обязательственный подход). Например, А. И. Масляев определял корпоративный договор как «общецелевой, предпринимательский гражданско-правовой договор, по которому стороны (участники данного акционерного общества) обязуются согласованно осуществлять принадлежащие им имущественные и неимущественно-организационные права на акции, а также права, удостоверяемые этими акциями, в целях удовлетворения их общего интереса в управлении обществом» [2].

Однако, несмотря на большую поддержку среди ученых-цивилистов, у данного подхода есть ряд недостатков,

среди которых игнорирование специфики корпоративных отношений, их особого субъектного состава (участников корпораций). Игнорирование данных особенностей может приводить к недочетам в регулировании.

В свою очередь, В. С. Гурьев отмечал, что корпоративные договоры имеют доверительный (фидуциарный) характер [3]. По его мнению, в случае, когда корпоративным договором нарушается принцип пропорциональности объема корпоративной правоспособности и доли участия в уставном капитале хозяйственного общества, можно говорить о заключении соглашений «из существующих между ними личных, доверительных отношений, учитывают личный вклад каждого из них в инвестирование и управление обществом».

В настоящее время в отечественном законодательстве отсутствует четкое легальное определение фидуциарных обязанностей участников корпораций. Из данного фактора вытекают сложности с доказыванием нарушений в рамках судебного разбирательства, риск избыточного нарушения судом и отсутствие единой судебной практики. В связи с чем использование данного подхода к определению корпоративного договора может нести юридические риски при защите интересов сторон корпоративного договора.

О. А. Красавчиков разработал концепцию гражданско-правовых организационных отношений (организационный подход), которые построены на началах координации и субординации социальных связей и направлены на упорядочение иных общественных отношений или формирование социальных образований [4]. Объектом организационно-корпоративных правоотношений из корпоративных договоров будут действия участников в рамках организуемых правоотношений, например, при голосовании на общем собрании акционеров.

Однако данный подход также не нашел полного подтверждения среди отечественных цивилистов. Так Д. А. Ломакин указывал, что корпоративные договоры могут регламентировать процедуру осуществления корпоративных прав, но не могут порождать новые корпоративные права, не предусмотренные законом или уставом общества [5].

Что, в свою очередь, может привести к ограниченности в создании новых прав участников корпоративных отношений.

Также к конфликтам и неопределенности в правоприменении может привести определение корпоративного договора в соответствии с корпоративным подходом, предполагающим сопоставление с уставом или решением общего собрания.

Из приведенного анализа различных подходов к определению понятия корпоративного договора, сложившихся в юридической науке, следует, что на данный момент среди ученых нет единого мнения о правовой природе данной юридической категории, а в каждом подходе выявляются как преимущества, так и недостатки, затрагивающие основные вопросы взаимодействия внутри корпораций.

С учетом вышеизложенного, принимая во внимание легальное определение корпоративного договора, данного законодателем в ГК РФ, предлагаем рассматривать корпоративный договор как гражданско-правовой договор, усложненный корпоративным элементом (смешанный подход). В таком случае, это соглашение, являющееся договорным по своей форме и создающее обязательства корпоративного содержания [6].

Схожих взглядов придерживается А. В. Асосков, отмечая двойственную природу корпоративного договора. Он согласен с тем, что хоть в отечественной концепции превалирует обязательственно-правовая модель, но в то же время некоторые положения могут влиять на корпоративные отношения [7].

Данный подход сочетает в себе достоинства, как обязательственно-правового, так и корпоративного подхода, поэтому позволит устранить неоднозначность подходов судов к оценке допустимости тех или иных договорных условий и последствий их нарушения, унифицировав судебную практику, а также использовать привычные механизмы обеспечения исполнения обязательств с учетом специфики корпоративных отношений.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от [актуальная дата редакции]): принят Государственной Думой 21 октября 1994 года // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Масляев, А. И. Акционерное соглашение в международном частном праве: автореферат на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Масляев А. И.. — М., 2010. — 18 с. — Текст: непосредственный.
3. Гурьев, В. С. Акционерные соглашения как группа корпоративных договоров: автореферат на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Гурьев В. С.. — М., 2012. — 22 с. — Текст: непосредственный.
4. Красавчиков, О. А. Организационные гражданско-правовые отношения / О. А. Красавчиков. — Текст: непосредственный // Антология уральской цивилистики. 1925–1989: Сб. статей. — М.: Статут, 2001. — С. 489.
5. Ломакин, Д. В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах / Д. В. Ломакин. — М.: Статут, 2008. — 512 с. — Текст: непосредственный.
6. Макеев, А. К. К вопросу о правовой природе корпоративного договора / А. К. Макеев. — Текст: непосредственный // Скиф. — 2022. — № 5 (69).
7. Асосков, А. В. Коллизионное регулирование договоров об осуществлении корпоративных прав (корпоративных договоров) / А. В. Асосков. — Текст: непосредственный // Закон. — 2014. — № 8. — С. 15.

Субъекты, уполномоченные осуществлять расследование несчастных случаев на производстве

Ковальчук Анастасия Викторовна, студент;

Косолапова Мария Андреевна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В данной статье авторы рассматривают систему субъектов, наделенных полномочиями по расследованию несчастных случаев на производстве. Подробно анализируется роль и обязанности работодателя как основного субъекта, ответственного за организацию расследования. Особое внимание уделяется составу и задачам комиссии по расследованию, которая формируется в зависимости от тяжести инцидента, а также личной ответственности ее членов за объективность и соблюдение сроков. Отдельно рассматриваются полномочия государственного инспектора труда, его роль в надзоре за соблюдением процедуры расследования, право на проведение дополнительных проверок и пересмотр актов о несчастных случаях. В заключении делается вывод о том, что государственная инспекция труда является единственным органом, осуществляющим государственный надзор за расследованием производственных травм и гибели людей на рабочих местах.

Ключевые слова: несчастный случай на производстве, профсоюз, работодатель, государственная инспекция труда, охрана труда, комиссия по расследованию.

В сфере расследования производственных несчастных случаев ключевую роль играет работодатель, поскольку именно на него законом возложена ответственность за создание и поддержание безопасных условий труда. В соответствии с положениями статьи 228 Трудового кодекса РФ при возникновении несчастного случая работодатель обязан выполнить ряд неотложных действий:

- оперативно оказать пострадавшему первую помощь, а если ситуация требует — организовать его транспортировку в медицинское учреждение;
- предпринять неотложные меры, чтобы не допустить ухудшения ситуации и защитить остальных сотрудников от возможного травмирующего воздействия;
- по возможности сохранить обстановку на месте происшествия в неизменном виде до начала расследования, если это не создает угрозы для жизни и здоровья людей или иную чрезвычайную ситуацию. Если же сохранить обстановку невозможно, необходимо зафиксировать ее текущее состояние — например, составить схемы, сделать фотографии или видеозаписи, провести другие необходимые мероприятия;
- в регламентированные сроки уведомить о происшествии соответствующие органы и организации, определенные законодательством РФ, а в случае тяжелого несчастного случая или гибели человека — также проинформировать его родственников;
- обеспечить все необходимые условия для тщательного и оперативного расследования инцидента, а также должным образом оформить всю сопутствующую документацию [1].

Работодатель имеет прямой интерес в выяснении причин несчастного случая. Первоочередная задача — определить, что привело к происшествию: несоблюдение работником правил техники безопасности или недостаточный уровень обеспечения безопасных условий труда со стороны работодателя. Если вина будет возло-

жена на сотрудника, работодатель не понесет за это ответственность.

Однако если будет доказано, что причиной несчастного случая стала халатность работодателя, ему может грозить как уголовная, так и административная ответственность — в зависимости от тяжести последствий. Так, согласно ст. 143 УК РФ, если нарушение требований охраны труда, совершенное лицом, обязанным их соблюдать, по неосторожности привело к тяжкому вреду здоровью человека, предусмотрены следующие виды наказания: штраф, обязательные работы, исправительные работы и принудительные работы [2].

Статья 5.27.1 КоАП РФ предусматривает для работодателя только штраф за несоблюдение государственных нормативных требований охраны труда, закрепленных в федеральных законах и других нормативно-правовых актах РФ [3].

Таким образом, ответственность работодателя за нарушения в сфере охраны труда носит публичный характер: он отвечает перед государством, даже если его непосредственные интересы не были затронуты.

Согласно Приказу Минтруда России № 223н, именно на работодателе лежит ответственность за своевременное и качественное расследование, оформление, регистрацию и учет производственных несчастных случаев, а также за реализацию мер по устранению их причин [4].

Контроль за тем, как работодатели соблюдают порядок расследования, оформления и учета несчастных случаев, осуществляют федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления, профессиональные союзы и их инспекторы труда — в организациях, где есть первичные органы этих профсоюзов.

Не менее важную роль в расследовании несчастных случаев на производстве играет комиссия, которую работодатель формирует в составе не менее трех человек.

Состав комиссии варьируется в зависимости от тяжести происшествия. Обычно в нее входят: специалист по охране труда или лицо, которое приказом работодателя назначено ответственным за организацию работы по охране труда; представители работодателя; представители выборного органа первичной профсоюзной организации или другого уполномоченного представительного органа работников; уполномоченный по охране труда. В случае возникновения тяжелого или смертельного несчастного случая состав комиссии расширяется. В него включаются: государственный инспектор труда; представители органов исполнительной власти субъекта РФ, отвечающие за вопросы охраны труда, или органы местного самоуправления, а также представитель территориального объединения профсоюзов. Если речь идет о застрахованных лицах, то к расследованию привлекаются и представители Социального фонда [5]. Важно отметить, что лица, ответственные за соблюдение требований охраны труда на месте происшествия, в состав комиссии не входят.

Изучая Трудовой Кодекс РФ, можно выделить ряд ключевых задач, стоящих перед комиссией:

- проведение детального осмотра места происшествия и оформление соответствующего протокола;
- получение объяснений от пострадавшего работника и подготовка акта на основе полученной информации;
- выявление и опрос потенциальных свидетелей происшествия, а также ответственных лиц, с последующим оформлением протоколов опроса;
- информирование пострадавших и их близких обо всех мероприятиях, связанных с расследованием, включая заседания комиссии;
- изучение локальных нормативных актов и организационно-распорядительных документов работодателя, таких как приказы и распоряжения;
- организация встреч с пострадавшими для ознакомления их с итогами расследования, разъяснения порядка возмещения ущерба, нанесенного здоровью, и оказания юридической помощи в решении связанных вопросов;
- формирование полного пакета документов, отражающих результаты проведенного расследования.

Согласно пункту 33 Приказа Минтруда России от 20.04.2022 № 223н, все члены комиссии, в том числе ее

председатель, несут персональную ответственность за соблюдение сроков расследования, качественное выполнение своих обязанностей, а также за объективность выводов и решений, которые будут приняты по итогам проведенной работы.

Еще одним важным субъектом, уполномоченным проводить расследование производственных несчастных случаев, является государственный инспектор труда. Инспектор может возглавлять комиссию при изучении тяжелых групповых и смертельных случаев, проводить дополнительные расследования самостоятельное или инициировать собственное расследование. По своему правовому статусу полномочия инспектора и комиссии, созданной работодателем, во многом схожи.

Однако у государственного инспектора есть особое право — он может обязать работодателя составить новый акт о несчастном случае, если существующий документ оформлен с нарушениями или не соответствует материалам расследования. В таком случае первоначальный акт теряет силу на основании решения работодателя или самого инспектора.

Государственная инспекция труда выполняет ряд функций, связанных с контролем соблюдения трудового законодательства: проводит проверки, выдает предписания для устранения нарушений, рассматривает административные дела, участвует в расследованиях серьезных несчастных случаев, проводит дополнительные расследования, работает с обращениями граждан. Для эффективного выполнения своих обязанностей сотрудники инспекции имеют право:

- в любое время посещать предприятия и организации;
- запрашивать необходимые документы и информацию;
- отстранять от работы лиц, не прошедших необходимое обучение, медицинские осмотры и психиатрическое освидетельствование;
- запрещать использование средств индивидуальной защиты, не соответствующих требованиям.

Таким образом, государственная инспекция труда является единственным органом, который осуществляет государственный надзор за расследованием несчастных случаев на производстве.

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.12.2025, с изм. от 06.02.2026) // СПС КонсультантПлюс.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // СПС КонсультантПлюс.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 09.04.2026, с изм. от 29.04.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.05.2026) // СПС КонсультантПлюс.
4. Приказ Минтруда России от 20.04.2022 № 223н (ред. от 25.04.2024) «Об утверждении Положения об особенностях расследования несчастных случаев на производстве в отдельных отраслях и организациях, форм документов, соответствующих классификаторов, необходимых для расследования несчастных случаев на производстве» (Зарегистрировано в Минюсте России 01.06.2022 № 68673) // СПС КонсультантПлюс.
5. Несчастные случаи, производственный травматизм и профессиональные заболевания: учебное пособие — Персиановский: Донской ГАУ, 2021. С. 96.

К вопросу о защите прав потребителей при автоматическом продлении платных услуг

Колоколенков Антон Сергеевич, студент;

Остапенко Алексей Дмитриевич, студент

Научный руководитель: Мичурина Елена Александровна, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

Статья посвящена рассмотрению вопроса о защите прав потребителей при автоматическом продлении платных услуг. В статье анализируется действующее законодательство и выявляются актуальные проблемы регулирования защиты прав потребителей при автоматическом продлении платных услуг. Кроме того, в статье приводится судебная практика, подтверждающая существование выявленных проблем.

Ключевые слова: онлайн-подписка, потребитель, сервис, абонентский договор, банковский счет, платежи.

На современном этапе становится все больше онлайн-сервисов, которые предоставляют большой объем онлайн-услуг для потребителей. Согласно статистическим данным Frank RG, в России в 2025 году мультисервисными подписками воспользовались 62 млн человек. За год доля пользующихся подписками на сервисах выросла до 66 %, а среднее число подписок на одного пользователя достигло 1,87 % [1]. Приобретение онлайн-подписок становится распространенным явлением, которое обусловлено современными экономическими, социальными, геополитическими и технологическими тенденциями.

«Онлайн-подписки представляют собой особый вид взаимодействия с сервисом, в рамках которого клиент получает доступ к определенному контенту или услугам на условиях периодических платежей» [2, с. 254]. Оформление онлайн-подписки влечет за собой заключение абонентского договора. Согласно п. 1 ст. 429.4 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), «договором с исполнением по требованию (абонентским договором) признается договор, предусматривающий внесение одной из сторон (абонентом) определенных, в том числе периодических, платежей или иного предоставление предусмотренного договором исполнения в затребованных количестве или объеме либо на иных условиях, определяемых абонентом» [3]. Для пользования соответствующей подпиской необходимо вносить платежи, которые предоставляют клиенту услуги на определенный период. Главным условием подключения подписки является явное согласие пользователя. Преимуществом онлайн-подписки выступает функция автоматического продления платных услуг, что в свою очередь обеспечивает бесперебойный доступ к сервисам. Вместе с этим, указанная функция может приводить к «нежелательным списаниям» и возникновению противоречий между потребителями и сервисами, предоставляющими онлайн-услуги. В связи с этим, вопрос о защите прав потребителей в онлайн-среде приобретает особое значение.

Защита прав потребителей при автоматическом продлении платных услуг обеспечивается рядом нормативно-правовых актов (далее — НПА). Специализированным НПА является Закон Российской Федерации от 7 февраля

1992 № 2300–1 «О защите прав потребителей» (далее — Закон № 2300–1) [4], который направлен на урегулирование вопросов защиты прав потребителей, в том числе в онлайн-среде. Закон № 2300–1 определяет права потребителя, возможность возврата денежных средств за подписку, взаимоотношения между потребителем и исполнителем услуг и др. В соответствии со ст. 32 Закона № 2300–1 потребитель вправе отказаться от исполнения договора об оказании услуг в любое время при условии оплаты исполнителю фактически понесенных им расходов, связанных с исполнением обязательств по данному договору [4]. Право отказа от договора оказания услуг в одностороннем порядке установлено также в п. 1 ст. 782 ГК РФ [3]. Кроме того, ГК РФ устанавливает правовое регулирование заключения и прекращения абонентского договора. Важным шагом в усовершенствовании действующего законодательства стало принятие Федерального закона от 15 октября 2025 № 376-ФЗ «О внесении изменения в статью 16.1 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей», вступившего в силу 1 марта 2026 года (далее — ФЗ № 376-ФЗ) [5]. Федеральный закон ввел запрет на автопродлонгацию платных подписок без согласия потребителя. Законодатель дополнил ст. 16.1 Закона № 2300–1 п. 4.2., который предусматривает: «при оплате услуг, оказываемых на основании абонентского договора в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» с использованием сайта и (или) информационной системы, и (или) программы для электронных вычислительных машин, исполнителю запрещено использовать для получения периодических платежей реквизиты банковского счета потребителя или данные о его электронных средствах платежа, которые потребитель предоставил ранее и в отношении которых выразил исполнителю отказ от использования при расчетах с ним. Исполнитель обязан обеспечить прием отказа потребителя от использования при расчетах с потребителем ранее предоставленных потребителем реквизитов банковского счета или данных о его электронных средствах платежа, в том числе в электронной форме» [4].

Норма, вступившая в силу с 1 марта 2026 года, устанавливает ключевые гарантии: 1) запрет на автоматическое

списание денежных средств за последующего продления подписки без согласия потребителя; 2) обязанность онлайн-сервиса принять отказ потребителя от использования ранее предоставленных банковских реквизитов; 3) обязанность сервиса включать в договоры полную достоверную информацию об онлайн-подписки, в том числе об отказе от нее. Потребитель может в любое время удалить информацию о своих банковских счетах в личном кабинете сервиса или иным образом подтвердить о своем нежелании продлевать подписку. Данное обстоятельство будет свидетельствовать об отказе продления онлайн-подписки.

Положение российского закона согласуется с рамочными требованиями Единых правил в области защиты прав потребителей Союзного государства, утвержденных Декретом Высшего Государственного Совета Союзного государства № 6 от 6 декабря 2024 г. (далее — Декрет № 6) [7], которые направлены на сближение национальных законодательств государств-участников в сфере защиты прав потребителей, в том числе в отношении цифровых продуктов. П. 3 ст. 43 Декрета № 6 устанавливает: «Если цифровой продукт предполагает периодическое внесение (списание) абонентской платы, продавец (агрегатор) обязан не менее чем за три дня до очередного внесения (списания) абонентской платы уведомить потребителя о предстоящем внесении (списании). Уведомление о предстоящем внесении (списании) абонентской платы должно содержать информацию о порядке отказа от цифрового продукта и прекращения внесения (списания) абонентской платы» [7].

Таким образом, п. 4.2 ст. 16.1 Закона № 2300–1 и ст. 43 Декрета № 6 взаимно дополняют друг друга. Российский закон вводит запрет на использование отозванных платежных реквизитов, а международные нормы устанавливают обязательное предварительное информирование потребителя (не менее 3 дней) и обязанность предоставить удобный механизм отказа.

Несмотря на законодательное регулирование соответствующего института в настоящее время существует ряд проблем.

Действующее законодательство не предусматривает единого общедоступного сервиса или онлайн-портала, в котором потребитель смог бы отследить и верифицировать все свои платные онлайн-услуги. Пользователь должен отдельно проверять информацию о своих подписках в каждом сервисе. Кроме того, пользователь может быть, не осведомлен о подключенной подписке, что создает дополнительные сложности для потребителя. Законодательство не предусматривает нормы об ответственности за незаконное списание денежных средств онлайн-сервисами. В результате этого потребитель теряет свою правовую защищенность.

Одной из распространенных проблем остается активное использование сервисами темных паттернов — специальных приемов дизайна пользовательского интерфейса, направленных на манипулирование поведением потребителя в интересах компании, а не самого пользо-

вателя. Темные паттерны определяются как «пользовательский интерфейс, который подталкивает пользователя к действиям, связанным, скорее всего, к извлечению выгоды от него, как от клиента того или иного продукта, приложения и даже банка» [6, с. 1071]. Они основаны на эксплуатации психологических особенностей человека и когнитивных искажений, затрудняя реализацию права на односторонний отказ от договора и способствуя «нежелательным списаниям».

В сфере онлайн-подписок и платных услуг наиболее распространены следующие виды темных паттернов: 1) Скрытые или труднодоступные опции отмены, когда кнопка «отменить подписку» намеренно спрятана в глубоких настройках, требует прохождения нескольких этапов или оформлена менее заметно, чем кнопки продолжения. «Вид называется тараканьим мотелем. Такое название обусловлено тем, что клиент очень легко попадает в ситуацию, однако вопреки ожиданиям, выходить из нее приходится с трудом» [6, с. 1075] 2) Манипулятивные формулировки и эмоциональное давление, когда вместо нейтрального «отказаться от подписки» пользователю предлагают варианты «Нет, я не хочу экономить», «Продолжить терять доступ» или письмо с изображением «грустного» персонажа бренда [7]. 3) Манипуляции срочностью и дефицитом [7].

По данным Европейской комиссии и партнерских организаций, в 2023 году анализ 399 онлайн-магазинов показал, что 40 % из них используют как минимум один из трех наиболее распространенных темных паттернов [9]. В отчете Международной сети по защите и обеспечению прав потребителей за 2024 год указано, что 76 % проанализированных сайтов и приложений содержат темные паттерны [9].

В Европейском Союзе с февраля 2024 года действует Регламент (ЕС) 2022/2065 Европейского парламента и Совета от 19 октября 2022 года о едином рынке цифровых услуг и внесении изменений в Директиву 2000/31/EC (Закон о цифровых услугах / Digital Services Act, DSA), который запрещает проектирование интерфейсов, вводящих пользователей в заблуждение или манипулирующих ими [10].

В США Федеральная торговая комиссия (FTS) в октябре 2024 года приняла правило «Click-to-Cancel», которое обязывает компании делать отмену подписки такой же легкой, как и ее оформление [11].

Влияние темных паттернов на конечный выбор потребителя особенно опасно в контексте абонентских договоров, так как они ухудшают способность потребителя принимать свободное и осознанное решение об отказе от услуги, что противоречит принципам ст. 10 и ст. 16 Закона № 2300–1.

Примером, подтверждающим существование данной проблемы и ставшим одной из причин принятия ФЗ № 376-ФЗ, является дело, рассмотренное по иску Управления Роспотребнадзора по г. Москва. Управление обратилось в суд в интересах неопределенного круга потре-

бителей к ООО «Внешнийкод» — владельцу платного онлайн-сервиса графического редактора. Поводом явилась жалоба гражданки, которая оформила подписку с бесплатным пробным периодом, а после его окончания сервис без какого-либо уведомления списал с ее карты 4 590 рублей за годовую подписку. Требования о возврате денежных средств были отклонены сервисом. Судом было установлено, что сервис не предоставлял потребителям полную и достоверную информацию о порядке отказа от подписки. Решением Хорошевского районного суда г. Москвы исковые требования Управления Роспотребнадзора удовлетворены в полном объеме. Действия ООО «Внешнийкод» признаны противоправными, компанию обязали прекратить нарушение прав потребителей и опубликовать решение суда на своем официальном сайте [12].

Судебная практика подтверждает наличие системных проблем в защите прав потребителей при автоматическом продлении платных услуг. Несмотря на введение ФЗ № 376-ФЗ, действующее правовое регулирование все еще

не в полной мере обеспечивает эффективную защиту интересов граждан в цифровой среде.

Для решения выявленных проблем представляется целесообразным реализовать следующие меры:

1. Необходимо создать единый федеральный онлайн-реестр (портал) платных подписок, где потребитель сможет увидеть все свои активные подписки, отменить, а также получать уведомления о предстоящих списаниях.

2. Стоит законодательно ввести запрет на использование темных паттернов в интерфейсах цифровых сервисов на уровне федерального закона с установлением административных штрафов.

3. Законодательно закрепить обязательные стандарты «простой отмены» подписок.

Реализация предложенных мер позволит повысить уровень защиты прав потребителей в цифровой среде, уменьшить количество «нежелательных списаний» и способствует развитию добросовестной конкуренции на рынке онлайн-услуг.

Литература:

1. Почему подписки перестанут быть автоматическими платежами. — Текст: электронный // FRANK MEDIA: [сайт]. — URL: <https://frankmedia.ru/> (дата обращения: 11.05.2026).
2. Харунжа, В. В. Онлайн-подписки и защита прав потребителей: новые вызовы для гражданского права / В. В. Харунжа. — Текст: непосредственный // Вопросы российской юстиции.. — 2024. — № 34. — С. 253–262.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 11.05.2026).
4. Закон РФ от 07.02.1992 N 2300–1 (ред. от 28.12.2025, с изм. от 17.02.2026) «О защите прав потребителей» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2026). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 11.05.2026).
5. Федеральный закон от 15.10.2025 N 376-ФЗ «О внесении изменения в статью 16.1 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей». — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 11.05.2026).
6. Бородин, А. В. Влияние темных паттернов на конечный выбор потребителя / А. В. Бородин. — Текст: непосредственный // Вестник науки. — 2024. — № 6 (75). — С. 1071–1079.
7. Князев, Е. Темные паттерны в интерфейсах: отменить, изменить, удалить / Е. Князев. — Текст: электронный // Skillbox: [сайт]. — URL: <https://skillbox.ru/media/design/dark-patterns-in-products/> (дата обращения: 12.05.2026).
8. Декрет Высшего Государственного Совета Союзного государства N 6 «О единых правилах в области защиты прав потребителей» (принят в г. Минске 06.12.2024). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 11.05.2026).
9. Корж, Д. В. Темные паттерны в эпоху post-cookie: как регулирование интерфейсов меняет цифровую рекламу в ЕС и США. Том 6, № 2 (2025) / Д. В. Корж. — Текст: электронный // digital law journal: [сайт]. — URL: https://www.digitallawjournal.org/jour/article/view/295?locale=ru_RU (дата обращения: 12.05.2026).
10. Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2022/2065 от 19 октября 2022 г. о едином рынке цифровых услуг и о внесении изменений в Директиву 2000/31/ЕС (Акт о цифровых услугах). — Текст: электронный // ГАРАНТ. РУ: [сайт]. — URL: <https://base.garant.ru/406644997/> (дата обращения: 12.05.2026).
11. Bringing Dark Patterns to Light: Staff Report / Federal Trade Commission. — Текст: электронный // Federal Trade Commission: [официальный сайт]. — URL: <https://www.ftc.gov/reports/bringing-dark-patterns-light> (дата обращения: 11.05.2026).
12. Управление добилось справедливости для неопределенного круга пользователей платного онлайн-сервиса, столкнувшихся с навязчивыми автоплатежами. — Текст: электронный // Управление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Красноярскому краю: [сайт]. — URL: <https://24.rospotrebnadzor.ru/content/1525/173934/> (дата обращения: 12.05.2026).

Социально-правовое исследование соотношения категорий «конфликт интересов» и «коррупция»

Комардина Валентина Александровна, студент магистратуры;

Комардин Иван Сергеевич, студент магистратуры

Челябинский государственный университет

В статье рассматриваются социально-правовые аспекты соотношения конфликта интересов и коррупции в системе государственной службы. Актуальность исследования обусловлена острой необходимостью в обеспечении баланса взаимодействия между публичными и частными интересами лиц, а также в повышении эффективности механизмов профилактики коррупции. Также проводится анализ понятий «коррупция» и «конфликт интересов» в соответствии с законодательством. Уделяется особое внимание личной заинтересованности должностного лица, как определяющий фактор, который провоцирует возникновение такого явления, как «конфликт интересов». Рассматриваются основные причины и условия его возникновения на государственной службе и правовые механизмы предупреждения и урегулирования. Делается вывод о том, что конфликт интересов выступает фактором риска и потенциальной предпосылкой коррупционных правонарушений, тогда как коррупция является непосредственным проявлением злоупотребления служебным положением в личных интересах.

Ключевые слова: конфликт интересов, коррупция, государственная служба, противодействие коррупции, личная заинтересованность, публичные и частные интересы, злоупотребление служебным положением, правовое регулирование, предупреждение конфликта интересов, урегулирование конфликта интересов, антикоррупционная политика.

Social and legal study of the correlation between the categories “conflict of interest” and “corruption”

Komardina Valentina Aleksandrovna, master's student;

Komardin Ivan Sergeevich, master's student

Chelyabinsk State University

The article examines the socio-legal aspects of the relationship between conflict of interest and corruption in the public service system. The relevance of the study is due to the urgent need to ensure a balance of interaction between public and private interests of individuals, as well as to increase the effectiveness of corruption prevention mechanisms. The concepts of «corruption» and «conflict of interests» are also analyzed in accordance with the legislation. Special attention is paid to the personal interest of an official as a determining factor that provokes the emergence of such a phenomenon as a «conflict of interests». The main causes and conditions of its occurrence in the civil service and the legal mechanisms of prevention and regulation are considered. It is concluded that conflict of interest is a risk factor and a potential prerequisite for corruption offenses, whereas corruption is a direct manifestation of abuse of official position in personal interests.

Keywords: conflict of interests, corruption, civil service, anti-corruption, personal interest, public and private interests, abuse of office, legal regulation, conflict of interest prevention, conflict of interest resolution, anti-corruption policy.

В современном обществе особое значение приобретает проблема обеспечения стабильности между публичными и частными интересами. В условиях формирования и изменения правового государства и усиления институтов государственной службы, большое значение приобретают профилактика коррупции, а также эффективное регулирование возникающих конфликтов интересов, как ключевых элементов прозрачности, легитимности государственного управления. Данные категории тесно взаимосвязаны, поскольку конфликт интересов нередко выступает предпосылкой возникновения коррупционных проявлений. Вместе с тем, данные понятия не являются тождественными и требуют самостоятельного социально-правового анализа, позволяющего определить их содержание, границы и характер взаимодействия.

Актуальность исследования конфликта интересов обусловлена его разнообразием форм проявления, неоднородностью содержания и отсутствием единых критериев оценки такого явления, что затрудняет правовое понимание и регулирование.

Необходимо рассмотреть формирование современного поведенческого механизма в процессе развития стадий конфликта интересов, что должно способствовать обеспечению гармоничного сочетания частных и публичных интересов. Исследование соотношения категорий «конфликт интересов» и «коррупция» позволяет более полно понять их взаимосвязь и значение в системе правового регулирования.

В статье 1 Федерального закона № 273-ФЗ от 25.12.2008 года коррупция определена, как «злоупотребление служебным положением, дачу и (или) получение взятки, ком-

мерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды (денег, ценностей, услуг) для себя или третьих лиц».

Одним из ключевых факторов, способствующих возникновению коррупционных проявлений, выступает конфликт интересов. В большинстве случаев коррупционные действия возникают в ситуациях, когда личная заинтересованность должностного лица оказывает неправомерное влияние на принимаемые им решения или результаты служебной деятельности. В связи с этим предупреждение и урегулирование конфликта интересов следует рассматривать как важный элемент комплексной государственной политики по противодействию коррупции.

В соответствии со статьей 10 ФЗ Федерального закона № 273-ФЗ от 25.12.2008 года, конфликт интересов — это ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных обязанностей или осуществление полномочий. Необходимо обозначить, что такое несоответствие может затрагивать не только деятельность самого государственного служащего, но и интересы граждан, организаций, общества и государства в целом [2].

Особое значение в данной категории имеет понятие личной заинтересованности. Под ней понимается возможность получения доходов в виде денег, иного имущества, в том числе имущественных прав, услуг имущественного характера, результатов выполненных работ или каких-либо выгод лицом, указанным в части 1 настоящей статьи, и (или) состоящими с ним в близком родстве или свойстве лицами (родителями, супругами, детьми, братьями, сестрами, а также братьями, сестрами, родителями, детьми супругов и супругами детей), гражданами или организациями, с которыми лицо, указанное в части 1 настоящей статьи, и (или) лица, состоящие с ним в близком родстве или свойстве, связаны имущественными, корпоративными или иными близкими отношениями.

Такая выгода может выражаться в денежной или натуральной форме и предоставляться как самому служащему, так и членам его семьи, родственникам либо связанным с ним физическим и юридическим лицам. Наличие финансовых или иных обязательств в равной мере могут создавать обстоятельства, приводящие к конфликту интересов.

Конфликты интересов на государственной службе могут возникать по различным причинам. К основным из них относятся:

- 1) нарушение норм служебной этики и поведения государственных служащих;
- 2) неисполнение или ненадлежащее исполнение должностных обязанностей;

3) игнорирование прав и законных интересов граждан и организаций;

4) несоблюдение установленных законодательством о государственной службе и противодействии коррупции ограничений и запретов.

Конфликты интересов на государственной службе часто возникают не только из-за личных действий, а также вследствие системных проблем: нечеткое разделение полномочий, дублирование функций, отсутствие прозрачности в работе органов власти, а также пробелов и противоречий в законодательстве, которые создают условия для столкновения частных и публичных интересов.

Законодательство предусматривает ряд механизмов урегулирования конфликта интересов на государственной службе: изменение служебного положения, временное отстранение от исполнения обязанностей, отказ от льгот, ставших причиной конфликта, а также применение процедуры самоотвода или отвода от должности в случаях, установленных законом.

Так, в соответствии со статьей 32 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» представитель нанимателя вправе временно отстранить гражданского служащего от исполнения должностных обязанностей на период урегулирования конфликта интересов. При этом за служащим сохраняется денежное содержание на весь период такого отстранения [3].

Дополнительной мерой предотвращения конфликта интересов является обязанность государственных служащих передавать принадлежащие им ценные бумаги, акции или доли участия в уставных капиталах организаций в доверительное управление. Данное требование закреплено в законодательстве о противодействии коррупции и направлено на исключение возможности использования служебного положения в личных имущественных интересах.

Вместе с тем в нормативных актах, регулирующих государственную службу и противодействие коррупции, существуют определенные различия в подходах к данной обязанности. Закон о противодействии коррупции устанавливает необходимость передачи активов в доверительное управление в целях предотвращения конфликта интересов без дополнительных условий, тогда как законодательство о гражданской службе связывает такую обязанность с наличием риска возникновения конфликта интересов. Учитывая более поздний характер и специальную направленность закона о противодействии коррупции, в правоприменительной практике приоритет отдается его положениям.

Так, на основании вышеуказанного и полноценного анализа правовых норм и социально-правовой природы, можно заключить, что конфликт интересов и коррупция тесно взаимосвязаны, поскольку конфликт интересов выступает важным индикатором и потенциальным источником проявления коррупционных действий. Конфликт интересов — это ситуация, когда личные или финансовые интересы должностного лица могут повлиять на объек-

тивность его служебных решений. Даже если должностное лицо имеет незначительный интерес к получению взятки, такая предпосылка может стать прямым действием к ее получению и впоследствии привести к коррупционному правонарушению.

Таким образом, конфликт интересов выступает как основной риск и основа для коррупции, в то же время, как сама коррупция является непосредственным проявле-

нием злоупотребления служебным положением в личных интересах.

Своевременное выявление и профессиональное, эффективное урегулирование конфликтов интересов являются необходимым условием для повышения прозрачности работы и деятельности органов государственной власти, а также усиления эффективности, укрепления антикоррупционных механизмов.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/;
2. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 N 273-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/;
3. Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 N 79-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/;
4. Н. А. Пименов. Обеспечение противодействия коррупции: учебник / Н. А. Пименов. — Москва: КноРус, 2022. — 294 с. — ISBN 978-5-406-08857-9. — URL: <https://book.ru/book/946230> (дата обращения: 12.01.2026). — Текст: электронный;
5. Проблема коррупции в России. Взгляд молодежи. Материалы IV Всероссийской антикоррупционной конференции: сборник статей / под ред. Н. Л. Красюковой, С. А. Зуденковой, О. В. Паниной, Коллектив авторов. — Москва: Русайнс, 2023. — 66 с. — ISBN 978-5-466-02424-1. — URL: <https://book.ru/book/950495> (дата обращения: 12.02.2026). — Текст: электронный.

К вопросу о профилактике преступлений против правосудия, проводимой органами прокуратуры

Косой Евгений Евгеньевич, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматриваются роль и основные направления деятельности органов прокуратуры Российской Федерации по профилактике преступлений против правосудия. Анализируются правовые основы, формы и методы предупредительной работы, выделяются наиболее значимые проблемы и предлагаются пути их решения.

Преступления против правосудия, указанные в главе 31 УК РФ [1], посягают на нормальную деятельность суда, органов расследования и прокуратуры, подрывая доверие к правоохранительной системе. Число осуждённых по таким делам остаётся немалым: только за первую половину 2025 года к ответственности привлечено более 4,4 тыс. человек [2, с. 422]. Это определяет необходимость активной профилактической работы, в которой органы прокуратуры занимают ведущее место благодаря надзорным и координационным полномочиям.

Правовую базу профилактической деятельности прокуратуры составляют Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1 [3], Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23.06.2016 № 182-ФЗ [4] и Приказ Генпрокуратуры России от 05.03.2018 № 119 «Об организации в органах прокуратуры Российской

Федерации работы по исполнению требований Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [5]. Согласно ст. 9 Закона № 182 прокуратура осуществляет профилактику прежде всего через надзор за исполнением законов иными субъектами, а ч. 3 ст. 6 этого же Закона закрепляет за её должностными лицами право применять специальные меры профилактического характера [4].

Профилактическая работа прокуратуры в сфере правосудия реализуется по трём ключевым направлениям:

- надзорная деятельность — обеспечение законности на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, предупреждение нарушений прав граждан и процессуальных ошибок, способных перерасти в преступления против правосудия;
- координационная деятельность — согласование усилий правоохранительных органов, проведение меж-

ведомственных совещаний и совместное планирование борьбы с преступностью [3];

- аналитическая и просветительская работа — сбор и обобщение информации о состоянии законности, выявление причин и условий правонарушений, правовое информирование граждан.

В рамках указанных направлений прокурор применяет следующие предусмотренные законом меры:

- представление об устранении нарушений закона, их причин и условий;
- предостережение о недопустимости нарушения закона при наличии сведений о готовящихся противоправных деяниях;
- протест на незаконные правовые акты;
- участие в судебном разбирательстве — поддержание государственного обвинения способствует вынесению законного и обоснованного решения, выполняя функцию общей превенции;
- надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и следствия, который позволяет выявлять и пресекать фальсификацию доказательств, незаконное привлечение к ответственности и иные преступления против нормального порядка правосудия, совершаемые должностными лицами [1].

Эти средства реализуются в постоянном мониторинге состояния законности, предусмотренном ст. 23 Федерального закона № 182 [4].

Значительное число преступлений против правосудия совершается должностными лицами (незаконное задержание, фальсификация доказательств, вынесение неправосудных актов). В отношении них прокурорский надзор приобретает особое значение, дополняя внутриведомственный контроль. Эффективность здесь зависит от системной работы с жалобами граждан и качества проверок процессуальных решений [6].

Несмотря на развернутую правовую базу, остаются нерешённые вопросы. Например, законодательство не раскрывает конкретного содержания специальных мер профилактики, что порождает неопределённость в их применении [7]. Также существуют коллизии между Законом № 182 и Законом о прокуратуре, требующие устранения: ч.1 ст.9 ФЗ № 182 ограничивает круг поднадзорных объектов, относя к ним лишь федеральные и региональные органы власти и органы местного самоуправления, упуская из виду иных возможных нарушителей закона, например, коммерческие организации [4]; ст.9 ФЗ № 182 определяет профилактическую деятельность прокуратуры через надзор за исполнением законов, что фактически приравнивает надзорную функцию к профилактической и сужает возможности органов прокуратуры [4]. Вместе с этим стоит отметить, что недостаточно развита научно-методическая база и отсутствует единая система оценки эффективности профилактических мероприятий.

Для повышения результативности целесообразно: конкретизировать в Федеральном законе № 182 перечень и содержание профилактических мер; расширить в этом же Законе круг поднадзорных объектов; разработать методические рекомендации по отдельным направлениям надзора; усовершенствовать ведомственную статистическую отчётность и активизировать научные исследования в области ранней профилактики преступлений.

Таким образом, органы прокуратуры играют системообразующую роль в предупреждении преступлений против правосудия, совмещая надзорные, координационные и аналитические функции. Совершенствование правового регулирования и методического обеспечения, усиление межведомственного взаимодействия и постоянный мониторинг причин правонарушений позволят значительно снизить уровень преступных посягательств в сфере правосудия.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание Законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Вавилов, А. Д. Криминологическая характеристика преступлений против правосудия: статистические тенденции, типология личности / А. Д. Вавилов. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2026. — № 18 (621). — С. 422–423. — URL: <https://moluch.ru/archive/621/135991> (дата обращения 08.05.2026)
3. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 8. Ст. 366.
4. Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Собрание Законодательства РФ. 2016. № 26 (ч. I). Ст. 3851.
5. Приказ Генпрокуратуры России от 05.03.2018 № 119 «Об организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по исполнению требований Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ» // Законность. 2018. № 5.
6. Гамазина И. В. Преступления против правосудия, совершаемые лицами, осуществляющими предварительное расследование // Право: теория и практика. 2021. № 3. С. 56–62.
7. Каширина О. Н. Прокуратура России — субъект предупреждения преступлений // Законность. 2017. № 11. С. 31–32.

Процессуальная самостоятельность следователя: проблематика границ и сущности

Краубергер Ольга Владимировна, студент

Научный руководитель: Сергеева Юлия Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент
Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова

В статье исследуется системный кризис института процессуальной самостоятельности следователя, который в современных условиях трансформировался из независимого субъекта в технического исполнителя под жестким ведомственным контролем. Авторы анализируют влияние цифровизации на следственную деятельность и предлагают комплекс мер по реформированию уголовно-процессуального законодательства, включая переход к модели «судебного следователя» для восстановления баланса и объективности досудебного производства.

Ключевые слова: процессуальная самостоятельность, следователь.

В современном уголовно-процессуальном праве России фигура следователя занимает центральное место в механизме досудебного судопроизводства. Статья 38 Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ) провозглашает его должностным лицом, уполномоченным осуществлять предварительное следствие и самостоятельно принимать решения о направлении расследования и производстве следственных действий. Однако анализ правоприменительной практики и научных позиций последних лет свидетельствует о наличии ряда фундаментальных проблем института процессуальной самостоятельности, которая все чаще воспринимается как декларативная норма, не имеющая реального механизма реализации [9].

Актуальность темы обусловлена тем, что фактическое положение следователя в системе правоохранительных органов трансформировалось из статуса независимого «арбитра факта» в роль технического исполнителя воли руководителя следственного органа (РСО) [3]. Сложившаяся модель «вертикального» управления процессом производства по уголовному делу, где каждое решение следователя требует согласования, ведет к размыванию персональной ответственности. Если следователь лишен права на самостоятельное волевое решение и профессиональный «выбор», он неизбежно утрачивает личную инициативу, что напрямую сказывается на качестве и полноте расследования преступлений [7, с. 39].

Проблема заключается не только в несовершенстве законодательных формулировок, но и в сущностном понимании самостоятельности. В доктрине уголовно-процессуального права долгое время велись споры, является ли она правом или обязанностью. Современные исследования позволяют взглянуть на этот вопрос шире: самостоятельность — это функциональный императив. Без нее невозможно достижение назначения уголовного судопроизводства, поскольку подмена внутреннего убеждения следователя указаниями сверху превращает следствие в формализованный бюрократический процесс [4, с. 4-10]. В данной статье предпринимается попытка проанализировать причины деградации этого института и выдвинуть гипотезы по его восстановлению в условиях цифровой трансформации и реформирования правоохранительной системы.

Понимание процессуальной самостоятельности в отечественной науке

Рассмотрение природы процессуальной самостоятельности требует обращения к истории ее становления. Как отмечает А. Н. Огородов, данный институт в отечественном праве прошел сложный путь — от модели судебного следователя, обладавшего широкой автономией, до современного участника судебного процесса со стороны обвинения, чьи действия жестко ограничены ведомственными интересами [4, с. 14-15]. Историческая ретроспектива показывает, что ослабление автономии следователя всегда сопровождалось усилением административного контроля, что неизменно приводило к формализации предварительного следствия.

В современной научной мысли сложилось несколько подходов к пониманию сущности самостоятельности. В. В. Уланов, например, предлагает рассматривать ее через призму единства процессуальных функций: исследования обстоятельств дела, обвинения, защиты и разрешения дела [7, с. 39]. Однако такой широкий подход вступает в противоречие с текущим легальным статусом следователя как «обвинителя». В свою очередь, А. А. Клейн подчеркивает, что сущность самостоятельности заключается в способности следователя принимать решения исключительно на основании закона и своего внутреннего убеждения.

Важной вехой в научной дискуссии стало положение о том, что самостоятельность не является и не должна являться привилегией должностного лица. Исследуя этот вопрос, А. Н. Огородов приходит к принципиальному выводу: процессуальная самостоятельность — это не столько право, сколько процессуальная обязанность следователя [4, с. 20]. Автор аргументирует это тем, что ст. 38 УПК РФ не просто разрешает, а предписывает следователю принимать решения. Следовательно, отказ от самостоятельного усмотрения в пользу молчаливого согласия с руководством является нарушением профессионального долга.

Трансформация процессуальной самостоятельности из права в обязанность радикально меняет и взгляд на ответственность следователя. Если рассматривать ее как обязанность, то любые попытки «переложить» от-

ветственность на руководителя следственного органа через систему ведомственных согласований становятся юридически несостоятельными. Как справедливо замечают А. С. Фархутдинова, это «право (и обязанность) неразрывно связано с персональной ответственностью за соблюдение прав участников процесса» [8]. Таким образом, самостоятельность выступает единственным надежным фильтром против следственных ошибок, поскольку именно личное убеждение следователя, а не административный регламент, должно лежать в основе каждого процессуального акта.

Ограничение процессуальной самостоятельности следователя

Центральным противоречием современного досудебного производства является конфликт между процессуальной самостоятельностью следователя (ст. 38 УПК РФ) и широкими властными полномочиями руководителя следственного органа (ст. 39 УПК РФ). Как отмечает С. В. Корнакова, реформирование законодательства привело к возникновению так называемой «чрезмерной опеки» над следователем, что выражается в тотальном ведомственном контроле [3]. В результате следователь зачастую лишен возможности самостоятельно определять тактику и направленность расследования, становясь лишь исполнителем, ожидающим указаний сверху.

Особое внимание юристов-теоретиков привлекает право руководителя следственного органа давать обязательные для исполнения письменные указания о направлении расследования и производстве конкретных следственных действий. В. Ю. Голубовский подчеркивает, что на практике такая модель превращает следователя в «технического исполнителя, чья активность ограничивается выполнением поручений руководства» [9]. Это ведет к деградации понятия «тактического риска»: если каждое действие согласовано с руководителем, следователь перестает брать на себя любую ответственность за возможные негативные последствия или ошибки, перекладывая их на контролирующее лицо.

Проблема усугубляется тем, что процедура обжалования указаний руководителя следственного органа, предусмотренная ч. 3 ст. 39 УПК РФ, является достаточно сложной. Как указывает А. Н. Огородов, перечень решений, исполнение которых следователь может приостановить при несогласии, весьма ограничен. Во всех остальных случаях следователь обязан исполнить указание, даже если оно противоречит его внутреннему убеждению, что фактически исключает его самостоятельность [4, с. 78-80].

И. В. Копейкина справедливо замечает, что «вертикаль власти» внутри следственного органа создает условия, при которых личная инициатива становится наказуемой или даже нецелесообразной [2, с. 53]. В такой системе управления следователь стремится не к установлению истины, а к соблюдению ведомственных регламентов и сроков,

установленных руководством. В. В. Уланов дополняет эту мысль: умаление независимости следователя в любой форме служит основанием для снижения личной ответственности за исход дела в целом [7, с. 40]. Таким образом, современная модель ведомственного контроля подавляет интеллектуальный потенциал следователя в рамках его деятельности, подменяя расследование «по существу» формализованными действиями «по образцу».

Полагаем, что для восстановления баланса необходимо четко разграничить административные полномочия руководителя (например, организация работы, материальное обеспечение и прочие) и его границы процессуального вмешательства. Вмешательство в тактику и методы расследования должно быть допустимым лишь в исключительных случаях, при явном нарушении следователем процессуальных норм

Влияние цифровизации на процессуальную самостоятельность следователя: возможности и риски

Внедрение цифровых технологий в уголовное судопроизводство открывает новые горизонты для повышения эффективности следственной деятельности, однако одновременно создает специфические вызовы для института процессуальной самостоятельности. Как отмечает А. В. Васечкина, технико-криминалистическое обеспечение и использование современных приемов фиксации информации становятся фундаментом формирования доказательственной базы [10]. В условиях «цифровой трансформации» самостоятельность следователя приобретает новое измерение, находится между технологическими возможностями и административными рисками.

Возможности, которые предоставляет цифровизация, прежде всего связаны с оптимизацией временных затрат. В. Ю. Голубовский подчеркивает, что соблюдение «разумного срока» является ключевым критерием качества расследования [9]. Использование систем автоматизированного документооборота и электронных баз данных позволяет следователю минимизировать рутинную техническую работу. Это создает условия для реализации интеллектуального аспекта самостоятельности: высвободившийся ресурс времени может быть направлен на более глубокий анализ следственных ситуаций, выдвижение версий и разработку сложных гипотез, что в конечном итоге укрепляет независимость следователя при принятии ключевых решений.

Однако технологический прогресс несет в себе и существенные риски. Одной из главных опасностей является «алгоритмизация» внутреннего убеждения. Если следователь в своей деятельности начинает чрезмерно полагаться на типовые шаблоны или автоматизированные рекомендации систем поддержки принятия решений, его персональная ответственность и самостоятельность в оценке доказательств могут стать формальными. И. П. Попова справедливо указывает, что именно следователь форму-

лирует обвинение на основе совокупности собранных данных [6, с. 124]. В условиях цифровизации возникает риск подмены уникального аналитического процесса следователя усредненными выводами программных комплексов.

Другим риском выступают «технические недостатки» фиксации результатов расследования. По мнению А. В. Васечкиной, ошибки в применении технических средств могут привести к утрате доказательственного значения полученной информации [10, с. 357]. В контексте самостоятельности это означает, что следователь может стать «заложником» исправности техники или качества программного обеспечения.

Полагаем, что процессуальная самостоятельность следователя в цифровую эпоху должна включать право следователя на мотивированный отказ от использования автоматизированных выводов, если они противоречат обстоятельствам дела. Как отмечал А. Н. Огородов, сущность самостоятельности заключается в принятии решений на основе закона и личного убеждения [5]. Следовательно, цифровые инструменты должны оставаться лишь вспомогательными средствами, не подавляя автономность и самостоятельность следователя в его выводах.

Совершенствование процессуальной самостоятельности следователя

Существующий кризис процессуальной самостоятельности невозможно преодолеть формальными поправками в ведомственные инструкции. Очевидно, что пока следователь находится в жесткой административной зависимости от руководства, где «самостоятельность» находится в балансе с «зависимостью», а мнение о необходимости полной независимости следователя считается юридической фикцией. С. В. Корнакова справедливо констатирует, что сложившаяся система «чрезмерной опеки» со стороны ведомственного контроля парализует расследование, превращая его в процесс непрерывного согласования [3]. Для укрепления института процессуальной самостоятельности необходимы глубокие и качественные изменения Уголовно-процессуального кодекса РФ, способствующие разрыву установившейся чрезмерной зависимости следователя от следственного органа.

Во-первых, необходимо пересмотреть механизм применения ст. 39 УПК РФ, регламентирующей полномочия руководителя следственного органа. Как указывает И. В. Копейкина, текущая процедура обжалования следователем указаний руководства (предоставление письменных возражений) зачастую не приостанавливает их исполнение на практике, вынуждая следователя действовать вопреки внутреннему убеждению [2]. Опираясь на выводы А. Н. Огородова о том, что невозможность приостановления исполнения указаний фактически обнуляет самостоятельность [4, с. 78-80], мы предлагаем расширить перечень исключений, предусмотренных ч. 3 ст. 39 УПК РФ. Предлагаем закрепить императивное правило: обжа-

лование следователем любых письменных указаний, касающихся квалификации преступления, объема обвинения, оценки ключевых доказательств или изменения меры пресечения, автоматически приостанавливает их исполнение до вынесения решения вышестоящим руководителем или надзирающим прокурором.

Во-вторых, признание процессуальной самостоятельности не только правом, но и фундаментальной обязанностью требует введения симметричной ответственности [4, с. 92]. Если следователь системно уклоняется от принятия самостоятельных решений в сложных следственных ситуациях, предпочитая перекладывать бремя ответственности на руководителя следственного органа, это должно квалифицироваться как профессиональная непригодность. Предлагается дополнить законодательство нормой о персональной дисциплинарной ответственности следователя за отказ от реализации процессуального усмотрения, если такой отказ привел к необоснованному затягиванию сроков расследования или утрате доказательств.

В-третьих, логичным продолжением изложенных предложений, способным положительно повлиять на укрепление института процессуальной самостоятельности, является поэтапный переход к институту, близкому по своей сути к «судебному следователю». Исторический анализ генезиса данного института, убедительно доказывает, что максимальная объективность и всестороннее качественное расследование уголовного дела достигаются лишь при обеспечении достаточной самостоятельности и независимости следователя [3]. В. Ю. Голубовский также подчеркивает острую необходимость официального признания и реального наделения следователя самостоятельными полномочиями на всех стадиях досудебного производства [9]. Трансформация статуса следователя в сторону независимого процессуального лица (с особым порядком назначения, подчиняющегося исключительно закону и суду, позволит отделить функцию объективного исследования доказательств от административных рамок.

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию, необходимо констатировать, что институт процессуальной самостоятельности следователя в современном российском уголовном судопроизводстве не лишен недостатков. Являясь ключевым звеном механизма предварительного расследования, от которого зависит первоначальная квалификация деяния и зачастую результаты судебного разбирательства [1], следователь фактически часто оказывается в зависимости от ведомственного руководства и контрольно-надзорных инстанций.

Проведенный анализ доказывает, что умаление независимости следователя наносит прямой ущерб качеству правосудия. Как верно акцентирует внимание В. В. Уланов, подавление самостоятельности служит главным фактором снижения личной инициативы и ответственности следователя за исход расследования уголовного дела в целом [7,

с. 42]. В связи с этим мы приходим к выводу о том, что процессуальную самостоятельность следует трактовать не как право, которым можно пренебречь, а исключительно как строгую обязанность.

Преодоление сложившейся тенденции на декларативное закрепление самостоятельности, и фактического развития зависимости следователя в его решениях, требует изменений. Для обеспечения законного и справедливого решения по уголовному делу необходимо реальное, а не формальное обеспечение независимого статуса следователя на всех этапах досудебного производства [9]. Это обуславливает безальтернативную необходимость внесения изменений в действующий УПК РФ. В первую очередь это касается переработки статьи 39 УПК РФ в части расширения перечня случаев, при которых обжалование

указаний руководителя следственного органа приостанавливает их исполнение, поскольку текущий порядок зачастую не гарантирует защиту внутреннему убеждению следователя.

Резюмируя вышеизложенное, мы утверждаем, что укрепление процессуального положения следователя и укрепление его автономности являются фундаментальными условиями успешного расследования. Возвращение следователю большей независимости, сопряженной с высокой персональной ответственностью, позволит укрепить статус следователя как должностного лица, мыслящего самостоятельно и принимающего решения объективно, что поспособствует более эффективному установлению истины в рамках досудебного судопроизводства.

Литература:

1. Гаврюшина Ю. В., Корнев А. С. Роль и функции следователя в современном российском уголовном процессе // Вестник науки. — 2024. — № 6 (75). — С. 541–546.
2. Копейкина И. В. Следователь и его процессуальная самостоятельность // Форум молодых ученых. — 2024. — № 1(89). — С. 52–57.
3. Корнакова С. В. Процессуальная самостоятельность следователя: проблемы реализации // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2018. — № 1 (43). — С. 113–121.
4. Огородов А. Н. Процессуальная самостоятельность следователя в уголовном судопроизводстве: Дис.... канд. юрид. наук. Москва, 2017. 251 с.
5. Огородов А. Н. Процессуальная самостоятельность следователя: понятие и сущность // Сибирский юридический вестник. — 2015. — № 3. — С. 92–96.
6. Попова И. П. Функции следователя в механизме уголовно-процессуального регулирования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2021. — № 4. — С. 123–139.
7. Уланов В. В. Самостоятельность и независимость следователя при осуществлении процессуальных полномочий в уголовном судопроизводстве // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2012. — № 2. — С. 38–43.
8. Фархутдинова А. С., Галимова А. У. Процессуальная самостоятельность следователя // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2023. — № 5–5 (80). — С. 169–172.
9. Голубовский В.Ю. Процессуальная самостоятельность следователя: теория и практика // Oeconomia et Jus. 2025. № 3. С. 54–55.
10. Васечкина А. В. Недостатки технических приемов фиксации хода и результатов осмотра места происшествия следователем // Научное обеспечение агропромышленного комплекса. 2017. С. 626.

Проблемы правового регулирования и финансового обеспечения переселения на другое место жительства как меры государственной защиты свидетелей

Кулаков Евгений Вячеславович, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

Ключевые слова: государственная защита, участники уголовного судопроизводства, свидетель, федеральный закон, переселение на другое место жительства.

Обеспечение безопасности свидетеля в рамках уголовного судопроизводства выступает гарантией дачи им правдивых показаний. В связи с этим предусмотрен комплекс уголовно-процессуальных и государственных мер

защиты. Однако реализация некоторых из них, является затратным. Это ставит вопрос о необходимости соблюдения баланса между гарантиями безопасности свидетеля и экономическими возможностями государства. Целью

данной статьи является анализ правового регулирования применения мер государственной защиты, в частности переселение на другое место жительства, а также определение финансовых проблем, возникающих при реализации данной меры защиты.

Помимо уголовно-процессуальных мер безопасности, указанных в ч. 3 ст. 11 УПК РФ, в данной статье отражена ссылка на «иные меры безопасности, предусмотренные законодательством Российской Федерации». К таким мерам безопасности относятся меры государственной защиты, указанные в Федеральном законе от 20.08.2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [2]. Данный нормативно-правовой акт определяет систему мер государственной защиты участников уголовного судопроизводства, а также порядок и основания применения указанных мер.

Данный комплекс мер работает во взаимосвязи с уголовно-процессуальными мерами и способен дополнять их.

В рамках ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 20.08.2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» государственной защите помимо свидетелей подлежат: потерпевший, частный обвинитель подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, защитники, законные представители, осужденный, оправданный, эксперт, специалист, переводчик, понятой, педагог, психолог, гражданский истец, гражданский ответчик, а также лицо в отношении, которого уголовное дело либо уголовное преследование было прекращено.

Таким образом, в ч. 1 ст. 2 Федерального закона № 119-ФЗ установлен расширенный перечень субъектов, подлежащих государственной защите, включающий в себя всех почти всех участников уголовного судопроизводства, что указывает на комплексный подход к защите участников уголовного судопроизводства.

К непосредственным мерам государственной защиты указанных лиц, в ч. 1 ст. 6 Федерального закона № 119-ФЗ относится: личная охрана, охрана жилища и имущества; выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности; обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице; переселение на другое место жительства; замена документов; изменение внешности; изменение места работы (службы) или учебы; временное помещение в безопасное место; применение дополнительных мер безопасности в отношении защищаемого лица, содержащегося под стражей или находящегося в месте отбывания наказания, в том числе перевод из одного места содержания под стражей или отбывания наказания.

Постановлением Правительства РФ от 06.09.2023 № 1454-47 № Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2024–2028 годы» [4]. В рамках данного документа указано на то, что в период с 2006 по 2022 год число защи-

щаемых лиц превысило 39 000 (тридцать девять тысяч) человек и применено в отношении их более 94 000 (девятьсот сорок тысяч) мероприятий по защите мер по защите.

Проведение определённых мероприятий по государственной защите свидетеля и иных лиц, безусловно является затратным. В частности, это касается меры защиты свидетеля, как переселения защищаемого лица на другое место жительства (п. 4, ч. 1 ст. 6 Федерального закона № 119-ФЗ).

Данная мера защиты регламентирована Постановлением Правительства РФ от 21.09.2012 № 953 (ред. от 07.08.2017) «Об утверждении Правил применения меры безопасности в виде переселения защищаемого лица на другое место жительства в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [5] (далее — Правила).

В подтверждении затратности реализации данной меры защиты нами был следующий примерный расчет. Предположим, по обстоятельствам уголовного дела в целях защиты необходимо переселить свидетеля из одного города в другой.

Необходимое количество денежных средств для переселения из Тюмени в Екатеринбург на постоянное место жительства сроком на 12 месяцев, составляет 632 170,06 (шестьсот тридцать две тысячи сто семьдесят) рублей 6 копеек.

Данная сумма складывается из расходов, которые возмещаются из федерального бюджета (ст. 2 Правил), таких как:

- стоимость железнодорожного билета (купейный вагон) для свидетеля по маршруту Тюмень — Екатеринбург (п.11, 12 Правил) составляет 2998 (две тысячи девятьсот девять) рублей 00 копеек (РЖД: официальный сайт. URL: <https://ticket.rzd.ru> (дата обращения: 06.04.2026)).

- стоимость перевозки 200 кг багажа свидетеля, составляет 1002 (тысяча два) рубля 06 копеек [7].

- материальная помощь в соответствии с п. 18 Правил: в первые 3 месяца с даты прибытия — 4-кратный прожиточный минимум, в последующий период — в размере 2-кратного прожиточного минимума. В соответствии с п. 4 ст. 8 Федерального закона от 28.11.2025 № 426-ФЗ «О федеральном бюджете на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов» [3] прожиточный минимум на душу населения равен 18 939,00 рублей (Восемнадцать тысяч девятьсот тридцать девять) 00 копеек. В таком случае материальная помощь составляет 568 170 (Пятьсот шестьдесят восемь тысяч сто семьдесят рублей) 00 копеек.

- оплата расходов, связанных с обязанностью защищаемого лица по внесению платы за ранее занимаемое и неиспользуемое им жилое помещение независимо от формы собственности, а также коммунальных услуг на период действия договора (п. 9 Правил). В таком случае, оплата коммунальных услуг из расчёта 5000 рублей в месяц на 12 месяцев составляет 60 000 (шестьдесят тысяч) рублей 00 копеек.

В расчет не вошла сумма предоставления защищаемому лицу по договору безвозмездного пользования жилого помещения, так по окончании меры государственной защиты, лицо обязано освободить жилого помещения с соответствии с п. 15, 23 Правил.

Как отмечают некоторые авторы «применение на практике таких мер безопасности как перемена места жительства, изменение документов, внешности, места работы и учебы, являются наиболее финансово затратными по сравнению с личной охраной защищаемых, обеспечением их средствами защиты и оповещения об опасности. Именно это обстоятельство существенно влияет на выбор таких мер, которые в настоящий момент применяются в исключительных случаях» [1].

Соответственно, осуществление переселения на другое место жительства в отношении одного свидетеля, влечёт значительные расходы для федерального бюджета.

Многие авторы предлагают способ решения дороговизны данного мероприятия, а именно «создание специа-

лизированного фонда, который бы пополнялся за счет денежных средств, полученных преступным путем, конфискованных судом или добровольно переданных участниками программы в обмен на безопасность» [6].

Таким образом, Федеральный закон № 119 — ФЗ регламентирует систему мер государственной защиты участников уголовного судопроизводства. Однако применение такой меры защиты, как переселение на другое место жительства, требует значительных финансовых средств. Приведенный расчёт подтверждает позицию ученых о том, что финансово-затратные меры защиты применяются в исключительных случаях, что, порождает риск формального подхода к обеспечению безопасности.

Полагаем, что необходимо согласиться с авторами, предлагающие создать специализированные фонда, счёта которых, будут пополняться с преступных доходов и добровольных взносов. Подобное предложение выглядит рациональным, однако требует более детальной проработки механизмов работы данной системы.

Литература:

1. Волосова Н. Ю., Журкина О. В. Сколько стоит жизнь под псевдонимом: критический взгляд на программу защиты свидетелей // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11, № 1. С. 162–171.
2. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ: (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 34. Ст. 3535.
3. О федеральном бюджете на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов: Федеральный закон от 28.11.2025 № 426-ФЗ // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_520057/ (дата обращения: 05.05.2026).
4. Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2024–2028 годы»: постановление Правительства РФ от 06.09.2023 № 1454–47 // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=457062#ihkPjIVvDfivffD1> (дата обращения: 05.05.2026).
5. Об утверждении Правил применения меры безопасности в виде переселения защищаемого лица на другое место жительства в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: постановление Правительства РФ от 21.09.2012 № 953: (ред. от 07.08.2017) // Консультант Плюс: сайт. URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=222508#TqBgNJVCea73wRoX1> (дата обращения: 12.05.2026).
6. Юсупов Ш. М. О проблеме обеспечения безопасности свидетеля в уголовном процессе // Закон и право. 2019. № 7. С. 127–128.
7. РЖД: официальный сайт / ОАО «Российские железные дороги». — Москва. — URL: <https://www.rzd.ru> (дата обращения: 12.05.2026).

Современные методы ДНКанализа в криминалистике: от ПЦР до NGS

Кунаева Анастасия Константиновна, студент

Научный руководитель: Овчаренко Игорь Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент

Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)

Статья посвящена исследованию эволюции методов ДНКанализа, применяемых в криминалистической практике, — от классической полимеразной цепной реакции (ПЦР) до передовых технологий секвенирования следующего поколения (NGS, или масштабного параллельного секвенирования — МПС). Особое внимание уделено перспективам применения NGS в сложных случаях: при анализе сильно деградированных образцов, смешанных следов и низкокопийной ДНК. Сделан

вывод о том, что постепенная интеграция NGS в криминалистику позволит существенно повысить эффективность расследования преступлений, расширить доказательную базу и решить ряд задач, недоступных для традиционных методов.

Ключевые слова: ДНК-анализ, ПЦР, секвенирование, идентификация личности, судебная экспертиза.

В настоящее время в Российской Федерации регистрируется значительное количество преступлений против жизни и здоровья, а также против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Обнаружение на месте их совершения даже небольшого количество биологических следов позволяет проводить молекулярно-генетические исследования, способствующие установлению личности преступника или неопознанного трупа [4].

За последние десятилетия технологии ДНК-анализа прошли значительный путь развития — от первых попыток типирования генетического материала до высокоавтоматизированных систем, способных работать с микроколичествами и деградированными образцами. Ключевым прорывом стала разработка полимеразной цепной реакции (ПЦР), позволившей амплифицировать даже следовые количества ДНК. На её основе сформировался «золотой стандарт» криминалистической генетики — анализ коротких tandemных повторов (STR), обеспечивающий высокую дискриминационную способность при идентификации личности.

Однако традиционные методы имеют ограничения: они малоэффективны при работе с сильно деградированной ДНК, смешанными следами или образцами низкого качества. В таких случаях возрастает потребность в более чувствительных и информативных подходах. Одним из перспективных решений стало внедрение технологий секвенирования следующего поколения (NGS, или масштабного параллельного секвенирования — МПС).

Технология NGS будут иметь решающее значение для идентификации людей по ДНК в случае массовых катастроф или других событий, когда образцы для судебно-медицинской экспертизы повреждаются или приходят в негодность. С помощью NGS можно будет одновре-

менно анализировать стандартную аутосомную ДНК (STR и SNP), митохондриальную ДНК, а также маркеры X и Y хромосом [3].

Одновременно с развитием инновационных криминалистических направлений, таких как анализ микробиома для определения посмертного интервала и индивидуальной идентификации, а также геногеографические методы на основе NGS-секвенирования, позволяющие сужать круг подозреваемых по этническому и региональному происхождению без использования коммерческих генеалогических баз, возрастает и потенциал Экспертно-криминалистического центра МВД России. Однако такие инновации ставят перед правовым регулированием ряд вопросов, касающихся баланса между интересами расследования и защитой биометрических персональных данных, управления рисками ложных совпадений и этических аспектов работы с генетической информацией [2].

Таким образом, можно сказать, что метод ДНК-анализа является одним из самых технологичных криминалистических методов идентификации личности. Преимущества ДНК-генотипоскопии перед традиционным методом дактилоскопии очевидны: возможность установления родства, этнической принадлежности, анализа при минимальных биологических образцах, а также идентификации лиц даже спустя десятилетия [1].

Постепенная интеграция NGS в криминалистическую практику способна кардинально изменить подход к расследованию преступлений. Технология позволяет решать задачи, недоступные для традиционных методов, — от идентификации жертв массовых катастроф до установления фенотипических характеристик неизвестных подозреваемых. Несмотря на текущие ограничения, NGS обладает огромным потенциалом для повышения эффективности судебной экспертизы.

Литература:

1. Свирин О. Д. Актуальные перспективы использования ДНК при идентификации личности // Парадигма. 2025. № 5–5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-perspektivy-ispolzovaniya-dnk-pri-identifikatsii-lichnosti> (дата обращения: 09.05.2026).
2. Дерябина А. М., Мерешко А. В. Перспективные направления ДНК-исследований в раскрытии преступлений и проблемы их реализации // Мировая наука. 2026. № 1 (106). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivnye-napravleniya-dnk-issledovaniy-v-raskrytii-prestupleniy-i-problemy-ih-realizatsii> (дата обращения: 09.05.2026).
3. Alvarez-Cubero MJ, Saiz M, Martínez-García B, Sayalero SM, Entrala C, Lorente JA, Martinez-Gonzalez LJ. Next generation sequencing: an application in forensic sciences? Ann Hum Biol. 2017. [Электронный ресурс] URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/28948844/>
4. Кубанов В. В., Шарова Ю. А. Молекулярно-генетическая экспертиза и ее роль в расследовании преступлений // Вестник Самарского юридического института. 2022. № 5 (51). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molekulyarno-geneticheskaya-ekspertiza-i-ee-rol-v-rassledovanii-prestupleniy> (дата обращения: 09.05.2026).

Правовой механизм заключения договора в гражданском праве: современные проблемы и тенденции развития

Куцин Игорь Васильевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Шелепина Елена Александровна, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой Северо-Западный институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Вологда)

В статье проводится анализ правового механизма заключения договора в гражданском праве с учётом актуальных проблем и современных тенденций его развития. Рассматриваются вопросы формирования договорных отношений, включая определение акцепта, в том числе через совершение конклюдентных действий, а также особенности преддоговорной стадии. Особое внимание уделяется трудностям, связанным с применением преддоговорной ответственности, которые обусловлены оценочным характером понятия «добросовестность», сложностью доказывания недобросовестного поведения и установления причинно-следственной связи между действиями сторон на переговорах и возникшими убытками.

Ключевые слова: заключение договора, акцепт, недобросовестное поведение, переговоры о заключении договора, убытки.

Legal mechanism of contracting in civil law: current problems and development trends

The article analyzes the legal mechanism of concluding a contract in civil law, taking into account current issues and modern trends in its development. It examines the formation of contractual relations, including the definition of acceptance, including through the performance of conclusive actions, as well as the specifics of the pre-contractual stage. Special attention is paid to the difficulties associated with the application of pre-contractual liability, which are caused by the evaluative nature of the concept of «good faith», the complexity of proving unconscionable behavior, and establishing a causal relationship between the parties' actions during negotiations and the resulting losses.

Keywords: conclusion of a contract, acceptance, unfair conduct, negotiations on the conclusion of a contract, and losses.

На современном этапе развития гражданского оборота наблюдается усложнение процедур заключения договоров. Это связано как с цифровизацией экономики, так и с повышением значимости честного поведения участников гражданских отношений. Несмотря на то, что нормы гражданского законодательства, регулирующие порядок заключения договоров, формально чётко сформулированы, их применение на практике выявляет множество пробелов и противоречий. Особенно остро эти проблемы проявляются при оценке действий сторон и распределении рисков на этапе, предшествующем заключению договора. Всё это требует более глубокого анализа правовых механизмов заключения договоров с учётом современных тенденций в развитии права и судебной практики.

Глава 28 Гражданского кодекса Российской Федерации [2] (далее — ГК РФ) регламентирует правовой механизм заключения договора, который представляет собой совокупность юридических инструментов, которые обеспечивают достижение согласия между сторонами и возникновение между ними обязательственных отношений. Основу этого механизма составляют оферта и акцепт, а также преддоговорные переговоры, которые служат этапом формирования воли сторон на заключение договора. Д. Н. Кархалев отмечает, что в современных условиях процедура заключения договора становится всё более сложной и многосоставной [2]. Она сочетает в себе как традиционные правовые схемы, так и новые способы взаимодействия сторон, которые появились благодаря развитию цифровых технологий.

Одной из важнейших проблем остаётся отсутствие единого подхода к определению акцепта, особенно когда речь идёт о совершении конклюдентных действий. Основная проблема состоит в отсутствии чётких критериев, которые бы позволяли однозначно определить, какие действия можно считать акцептом. Курбатова А. Я. отмечает, что законодатель оперирует оценочными понятиями, не уточняя признаки, по которым можно было бы отличить акцепт от других форм поведения сторон [4 с.210]. В результате остаются нерешёнными вопросы: достаточно ли частичного исполнения обязательства для признания акцепта, какое значение имеет молчание стороны, а также как учитывать предшествующие переговоры при установлении факта заключения договора.

Судебная практика по этим вопросам отличается разнообразием подходов. Например, в решении Арбитражного суда Москвы по делу № А40-А40-168297/2022 суд посчитал договор заключённым, поскольку одна из сторон оплатила и приняла товар, расценив эти действия как согласие с условиями оферты [7]. Суд фактически исходил из совокупного применения положений п. 3 ст. 438 ГК РФ о конклюдентном акцепте и п. 3 ст. 432 ГК РФ, закрепляющего правило эстоппеля. Прежде всего, суд расценил оплату товара и его принятие как совершение действий по исполнению условий оферты, что в силу п. 3 ст. 438 ГК РФ признаётся акцептом. В то же время в некоторых судебных делах применяется более строгий, формализованный подход. Так, в Постановлении Тринадцатого арбитражного апелляционного суда по делу № А56-66636/2022

суд указал, что отдельные действия стороны не могут рассматриваться как заключение договора, если не были согласованы его существенные условия [6]. Следовательно, даже фактическое исполнение обязательств не всегда признаётся судами достаточным для вывода о наличии акцепта.

В. В. Витрянский рассматривает изменения, внесённые Федеральным законом от 08.03.2015 № 42-ФЗ, включая появление п. 3 ст. 432 ГК РФ. В. В. Витрянский считает такую тенденцию опасной, потому что она размывает значение требований о форме сделки и фактически подменяет формальные требования ссылкой на добросовестность сторон [1, с. 92]. Согласимся с мнением автора, что форма договора должна пониматься строго как установленный законом способ согласования воли сторон (единый документ, обмен офертой и акцептом и т. д.), а не заменяться последующим поведением сторон.

Д. Н. Кархалев отмечает, что нечёткость критериев акцепта связана с попыткой законодателя найти компромисс между формализмом и гибкостью правового регулирования [3, с.66]. Тем не менее, отсутствие единых стандартов для оценки действий сторон снижает правовую определённость и приводит к росту числа споров о том, заключён ли договор.

Данная проблема становится особенно значимой в условиях цифровизации, когда акцепт всё чаще выражается через электронные действия — например, нажатие кнопки, онлайн-оплату или отправку электронного сообщения. В такой ситуации различие между акцептом и другими юридически значимыми действиями становится ещё менее очевидным, что требует более чёткого нормативного регулирования.

Таким образом, нечёткость критериев акцепта является системной проблемой современного гражданского права. Она связана с использованием оценочных понятий и отсутствием единообразной судебной практики. Разные подходы к определению, какие действия считать акцептом, приводят к снижению правовой определённости и повышают риски для участников гражданского оборота. Решением выявленной проблемы может послужить конкретизация на законодательном уровне признаком конклюдентных действий, которые признаются акцептом, также установить критерии при которых исполнение считается достаточным для признания договора заключённым и разработать специальные нормы, регулирующие особенности электронных форм акцепта.

Еще одной немаловажной проблемой выступает сложность применения преддоговорной ответственности в гражданском праве. Так, согласно ст. 434.1 ГК РФ [2], участники переговоров о заключении договора должны действовать добросовестно. Это означает, что они не должны вступать в переговоры без реального намерения заключить соглашение, предоставлять ложную информацию или внезапно и без веских причин прекращать общение. Однако на практике применение этой нормы

сталкивается с серьёзными трудностями, что свидетельствует о наличии системной проблемы в её реализации.

Основной трудностью при применении преддоговорной ответственности является оценочный характер понятия «недобросовестность». Закон не даёт чёткого определения этого термина, а лишь приводит примеры отдельных форм недобросовестного поведения. В результате суды вынуждены самостоятельно вырабатывать критерии добросовестности, опираясь на обстоятельства каждого конкретного дела.

Кроме того, серьёзной проблемой остаётся и сложность доказывания недобросовестного поведения, а также наличия причинно-следственной связи между действиями стороны и возникшими убытками. Как правило, истцу требуется подтвердить, что контрагент с самого начала не собирался заключать договор или же намеренно ввёл его в заблуждение. Однако подобные обстоятельства носят субъективный характер и крайне редко подтверждаются прямыми доказательствами. Это проявляется в судебной практике в виде большого количества отказов в удовлетворении подобных исков. Так, в Постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 сентября 2022 г. по делу № А40–285659/2021 суд отметил, что истец не смог доказать, что ответчик вступил в переговоры без намерения заключить договор. В связи с этим суд не нашёл оснований для взыскания убытков [5].

Всё это приводит к тому, что статья 434.1 ГК РФ [2] применяется довольно редко и не может в полной мере выполнять свою превентивную функцию. Для повышения эффективности правового регулирования предлагается дополнить ст. 434.1 ГК РФ следующими положениями: «Поведение стороны в ходе переговоров считается недобросовестным, если она:

- вступила в переговоры или продолжила их, не имея намерения заключить договор;
- предоставила недостоверные сведения или уклонилась от раскрытия важных обстоятельств;
- прекратила переговоры после того, как были согласованы существенные условия договора, либо когда у другой стороны были обоснованные ожидания его заключения, не объяснив причин, не зависящих от её воли.

Причинно-следственная связь между недобросовестным поведением и возникшими убытками предполагается, если эти убытки выразились в расходах, которые другая сторона понесла в связи с участием в переговорах и подготовкой к заключению договора».

Наиболее действенным способом преодоления сложностей с применением преддоговорной ответственности представляется не дальнейшая детализация оценочных понятий, а изменение самого механизма доказывания. Введение презумпций недобросовестности и причинно-следственной связи, наряду с ограничением круга возмещаемых убытков, способно превратить преддоговорную ответственность из оценочного института в чётко структурированный правовой механизм. Такой подход обеспечивает баланс между свободой договора и защитой доб-

росовестной стороны, одновременно уменьшая степень судебного усмотрения и делая правоприменение более предсказуемым.

В связи с изложенным, можно сделать вывод о необходимости дальнейшего совершенствования гражданского законодательства по ряду направлений. В частности, требуется выработать единые критерии признания акцепта, в том числе при совершении конклюдентных действий, а также уточнить содержание принципа добросовест-

ности на этапе переговоров. Кроме того, целесообразно ввести презумпции недобросовестного поведения и причинно-следственной связи, а также ограничить размер возмещаемых убытков только фактически понесёнными расходами. Реализация этих мер позволит повысить правовую определённость, обеспечить единообразие судебной практики и создать сбалансированный механизм заключения договоров, отвечающий современным реалиям гражданского оборота.

Литература:

1. Василий Витрянский: «Надеюсь, после принятия всех отдельных законов в рамках реформы гражданского законодательства появится возможность очистить текст ГК РФ от всех «теневых» поправок». — URL: <https://www.garant.ru/interview/1459034/?ysclid=mox38h07hu802701463> (дата обращения: 10.05.2026).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
3. Кархалев Д. Н. Заключение гражданско-правового договора / Д. Н. Кархалев, Н. Ф. Качур // Современное право. — 2021. — № 12. — С. 66–71.
4. Курбатов, А. Я. Предпринимательское право: учебник для вузов / А. Я. Курбатов; под общей редакцией А. Я. Курбатова, А. Е. Кирпичева. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 697 с. — ISBN 978–5–534–18607–9.
5. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 сентября 2022 г. № 09АП-56251/22 по делу № А40–285659/2021. — URL: <https://base.garant.ru/65242436/> (дата обращения: 04.05.2026).
6. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 15 июня 2023 г. № 13АП-11598/23 по делу № А56–66636/2022. — URL: https://base.garant.ru/65697478/?utm_source (дата обращения: 04.05.2026).
7. Решение Арбитражного суда города Москвы (АС города Москвы) от 14 апреля 2023 г. по делу № А40–168297/2022. — URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/4ZuY4PGeeLUv/?utm_source (дата обращения: 04.05.2026).

Генетические исследования ДНК и их применение в криминалистике

Ларин Александр Александрович, студент

Научный руководитель: Овчаренко Игорь Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)

В настоящее время генетические исследования обладают широкой распространенностью, например, они производятся для диагностики и профилактики наследственных заболеваний, подбора эффективных лекарственных препаратов, кроме того, геномные технологии используются в сельском хозяйстве, антропологии, а также в судебно-медицинской экспертизе и криминалистике.

Методы и способы проведения генетической идентификации используются для расследования и раскрытия преступления, установления виновного лица, причем, основой проведения такого рода идентификации является ДНК, содержащаяся в фрагментах слюны, крови, пота, волос, кожного эпителия.

В чем же кроется успех генетических исследований в рамках криминалистики?

Во-первых, тот самый пресловутый ДНК — дезоксирибонуклеиновая кислота характеризуется особой исключительностью, то есть анализируемый генетический код отличается индивидуальностью, неповторимостью.

Во-вторых, генетическому материалу присуще такое специфическое свойство как неизменяемость, что придает стабильность ДНК на протяжении всей жизни.

В-третьих, предмет геномных сведений, другими словами, носитель, может обладать различным характером, для исследования имеет значение лишь количество и качество биологического материала. Качественные и количественные характеристики напрямую связаны с тем, каким образом происходило выявление и изъятие генома.

Л. С. Ненашева дополняет перечисленные аргументы рядом дополнительных характеристик, в том числе: автоматизированность процессов ДНК-анализа; эффективная система качества проводимых исследований; высокий уровень точности и надежности результатов. [1]

ДНК-дактилоскопию как метод криминалистического исследования отличает такие особенности, как работа с минимальным количеством генетического материала и точность полученного результата, которая при соблюдении обязательных условий может превышать даже 99 %.

Основой анализируемого метода составляет выделенная ДНК из биологических тканей и выделений — останки костей, волосные луковицы и т. д. Сам процесс выделения происходит в рамках лаборатории, а не на месте совершения преступления.

На сегодняшний день для нужд криминалистики, как правило, используется две технологии ДНК-анализа — это ДНК-дактилоскопия и ДНК-фенотипирование, при этом оба метода отличаются высокой степенью достоверности. Как пишет Е. В. Воробьева, ДНК-анализ является неоспоримым и самым совершенным инструментом российской криминалистики, более того, данный метод настолько «укоренился» в системе расследования общественно опасных деяний, что львиная доля изымаемых биологических следов подвергается исследованию с точки зрения генома. [2]

Сам процесс выделения ДНК происходит в рамках лаборатории, а не на месте совершения преступления. Затем эксперт должен определиться с методом, который будет использован для реализации процедуры ДНК-дактилоскопии. Обычно речь идет о трех методах:

1. исследование числа tandemных повторов в геноме, указанные действия еще называются как STR-анализ. В данном случае исследователь анализирует повторяющиеся последовательности ДНК, при этом следует принять во внимание, что длины участков ДНК уникальны для каждого индивида. Результатом STR-анализа станет создание генетического профиля конкретного человека. Обозначим, что указанный метод ДНК-дактилоскопии отличается весьма приемлемой стоимостью;

2. секвенирование (определение последовательности нуклеотидов) по Сэнгеру. Суть секвенирования заключается в считывании последовательности нуклеотидов и применяется в криминалистике для анализа митохондриальной части ДНК;

3. нанопоровое секвенирование, представляет собой инновационный метод ДНК-дактилоскопии. Указанный метод позволяет подвергать анализу не только митохондриальные части, но и ядерные участки, и как итог представляет возможным идентифицировать генетический материал даже однояйцевых близнецов, совпадающий на 99,9 %.

На сегодня федеральная система генетической идентификации «Ксенон-2» содержит уже более одного миллиона объектов ДНК. В приговорах судов достаточно часто ссылаются на сведения, содержащиеся в «Ксенон-2». Так, например, в соответствии с приговором районного суда доказательством вины гражданина стало заключение о соответствии изъятых ДНК с информацией о генетическом материале, содержащейся в «Ксенон-2», из чего был сделан вывод о принадлежности изъятых с места совершения преступления эпителиальных клеток осужденному. [3]

Обозначим, что ДНК-дактилоскопии присущи некоторые проблемы, к числу которых относятся фальсификация результатов, которая обуславливается челове-

ским фактором, как умышленным, так и неосторожным. Кроме того, нельзя отрицать воздействие технологического фактора — загрязнение генетического материала другим чужеродным явлением. Следует обозначить проблему применения некачественных материалов и реактивов при проведении исследования, потребности в современном оборудовании, полагаем, что корень данных сложностей кроется в недостаточном финансировании.

Следующей технологией ДНК-анализа является ДНК-фенотипирование, что также олицетворяет собой новейшее достижение биотехнологии, способствующее эффективному решению задач, стоящих перед криминалистикой. В юридической литературе можно встретить высказывания о «генетическом» или «молекулярном» фотороботе, который образуется в результате проведения ДНК-фенотипирования. Для реализации указанной технологии также используется изъятый генетический материал, с помощью которого представляется возможным воссоздать внешний облик человека. К примеру, фенотипом индивида является национальность, цвет кожи, разрез глаз, цвет волос и т. д. Более того, в отдельных случаях эксперты могут утверждать о наличии хронических заболеваний у носителя анализируемого генетического материала.

Определенной проблемой ДНК-фенотипирования является его доказательственное значение, поскольку при отсутствии в базах данных совпадающего с анализируемым ДНК генетического материала не возможно установить виновное лицо, а значит результат фенотипирования будет носить лишь описательный характер. Также ДНК-фенотипированию предстоит преодолеть ряд проблемных аспектов, связанных с точностью, ограниченными данными и высокой стоимостью проводимых исследований. Кроме того, имеются проблемы этического характера.

Важно, что проведение ДНК-фенотипирования происходит в соответствии с федеральным законодательством, а именно согласно положениям Федерального закона «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» целью такой регистрации является идентификация конкретной личности. [4] Российский законодатель предусмотрел добровольную регистрацию, в соответствии с которой каждый человек, вне зависимости от гражданско-правовой связи, может обратиться в соответствующее подразделение органов внутренних дел с просьбой внести о нем информацию в федеральную базу данных, а также имеется обязательная регистрация, распространяющее свое воздействие на отдельных лиц, поименованных в федеральном законе. К числу таких лиц относятся неопознанные трупы; близкие родственники лица, которое пропало без вести; лица, в отношении которых вступил в силу обвинительный приговор и которые отбывают уголовное наказание и т. д.

Между тем, продолжаются дискуссии о необходимости расширения списка лиц, в отношении которых должна производиться обязательная геномная регистрация, в том

числе за счет генетического материала всех лиц, состоящих в статусе подозреваемых в совершении преступления. [5]

Таким образом, генетические исследования в криминалистической деятельности характеризуются высокой степенью разработанности и точности, позволяющей выявлять личность и ее индивидуальные характеристики, необходимые для расследования преступлений. ДНК-анализ является инновационным и в полной мере соот-

ветствующем современному технологическому этапу развития общества и преступности. Вместе с тем, даже столь эффективный метод ДНК-анализа не лишен насущных проблем, присущих практически каждому криминалистическому исследованию — фальсификация результатов, высокая стоимость, применение некачественных реактивов, использование оборудования, не отвечающего современным требованиям.

Литература:

1. Ненашева, Л. С. Генетическая идентификация в криминалистике // Санкт-Петербургский международный криминалистический форум. — 2024. — С. 922.
2. Воробьева, Е. В. ДНК-идентификация в криминалистике // Криминалистические чтения на Байкале — 2025. Материалы международной научно-практической конференции. — 2025. — С. 53.
3. Приговор Железнодорожного районного суда г. Барнаула № 1–183/2025 от 9 марта 2025 г. по делу № 1–183/2025 // [Электронный ресурс]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/owukDnKrCTYW/>. — (Дата обращения: 21.04.2026).
4. Федеральный закон от 03.12.2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» // [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.consultant.ru>. — (Дата обращения: 21.04.2026).
5. Миролюбов, С. Л. Современное состояние и перспективы развития ДНК-исследований в криминалистике // Вестник Сибирского юридического института МВД России. — 2023. — № 4. — С. 148.

Использование искусственного интеллекта при совершении преступлений с использованием информационно-коммуникационных технологий: проблемы квалификации и прокурорского предупреждения

Максименко Денис Владиславович, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматривается использование искусственного интеллекта при совершении преступлений с применением информационно-коммуникационных технологий. Показано, что искусственный интеллект не является самостоятельным субъектом преступления, однако может выступать средством, способом, условием или инструментом сокрытия преступной деятельности. Особое внимание уделяется дипфейкам, автоматизации социальной инженерии, созданию фишинговых сообщений, обработке персональных данных и использованию нейросетей при создании вредоносных программ. Раскрываются проблемы квалификации, доказывания и прокурорского предупреждения таких преступлений.

Ключевые слова: искусственный интеллект, киберпреступность, информационно-коммуникационные технологии, дипфейк, социальная инженерия, цифровые доказательства, прокурорский надзор.

Развитие искусственного интеллекта стало одним из наиболее заметных проявлений современной цифровизации. Его возможности применяются в образовании, медицине, банковской сфере, государственном управлении, связи и повседневном общении. Вместе с тем любая технология, которая облегчает законную деятельность человека, может быть использована и в преступных целях. Искусственный интеллект позволяет создавать тексты, изображения, голосовые сообщения, видео, программный код и поддельные документы, которые внешне выглядят достоверно. В результате преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий, получают новые формы, а уже известные способы обмана становятся более убедительными.

В уголовно-правовом смысле искусственный интеллект не следует рассматривать как самостоятельного преступника. Он не обладает волей, сознанием, возрастом уголовной ответственности и не может быть субъектом преступления. Ответственность должно нести лицо, которое использовало соответствующую технологию, подготовило исходные данные, сформировало запрос, распространило полученный материал или применило его в преступной схеме. Поэтому значение имеет не сам факт применения нейросети, а ее роль в механизме преступления. Такой подход соответствует общим положениям уголовного закона о виновной ответственности физического лица [1].

Искусственный интеллект может использоваться как средство обмана, способ маскировки личности, инстру-

мент обработки персональных данных, средство создания вредоносного кода, источник поддельного контента или элемент сокрытия следов. Если нейросеть применена для создания изображения без преступной цели, уголовно-правовая оценка отсутствует. Если же с ее помощью создан поддельный голос родственника для хищения денег, сфабриковано видео для вымогательства или подготовлено фишинговое письмо от имени банка, искусственный интеллект становится юридически значимым элементом преступного поведения.

В научной литературе уже обращается внимание на то, что искусственный интеллект осложняет привычные представления уголовного права. И. Н. Мосечкин отмечает, что такие технологии могут рассматриваться как предмет преступления, средство, способ или условие совершения преступления, но признание искусственного интеллекта самостоятельным субъектом уголовной ответственности противоречит основам уголовного права [6, с. 18]. Е. А. Ерахтина и В. А. Тирранен связывают преступления с использованием искусственного интеллекта с проблемами квалификации и расследования, поскольку такие технологии затрудняют установление роли конкретного лица [8, с. 36].

Одной из наиболее опасных форм преступного применения искусственного интеллекта являются дипфейк-технологии. Дипфейк позволяет создать поддельное изображение, видео или голос, имитирующие реального человека. В обычной ситуации потерпевший может настороженно отнестись к текстовому сообщению от неизвестного лица, однако голос руководителя, родственника, знакомого или представителя организации вызывает больше доверия. М. М. Долгиева обоснованно выделяет дипфейк-мошенничество как отдельную проблему квалификации, поскольку искусственно созданный образ может стать ключевым способом введения лица в заблуждение [9, с. 106].

Другим направлением является автоматизация фишинга. Ранее фишинговые письма часто можно было распознать по ошибкам, шаблонности и неестественному стилю. Генеративные системы позволяют создавать грамотные и персонализированные тексты, имитирующие деловую переписку, сообщение банка, уведомление государственного органа или просьбу руководителя. Такие сообщения могут учитывать должность потерпевшего, сферу его деятельности, открытые сведения из социальных сетей и привычный стиль общения. Вследствие этого фишинг становится менее заметным и более адресным.

Искусственный интеллект также может использоваться для обработки персональных данных. В открытом доступе нередко находятся сведения о месте работы человека, его круге общения, интересах, фотографиях, явлениях, учебе и профессиональной деятельности. Нейросетевые инструменты позволяют сопоставлять такие сведения, выделять уязвимости и готовить сценарии обмана. Потерпевшему могут сообщаться детали, созда-

ющие ощущение достоверности, хотя они были собраны из цифровых следов.

Отдельного внимания заслуживает использование искусственного интеллекта при создании или изменении вредоносных программ. Глава 28 УК РФ предусматривает ответственность за преступления в сфере компьютерной информации, включая неправомерный доступ, создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ, нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации, а также воздействие на критическую информационную инфраструктуру [1]. Применение искусственного интеллекта в этой сфере может выражаться в генерации фрагментов кода, поиске уязвимостей, автоматизации атак или обходе средств защиты.

Проблема квалификации таких преступлений состоит в том, что искусственный интеллект пока не образует самостоятельного универсального квалифицирующего признака. Правовая оценка должна строиться исходя из объекта посягательства и фактической роли технологии. Если с помощью искусственного интеллекта совершено хищение денежных средств, основное значение получают нормы о преступлениях против собственности. Если сгенерированный материал используется для шантажа, угрозы или распространения сведений о частной жизни, анализ должен строиться вокруг преступлений против личности и конституционных прав граждан. Если технология применяется для неправомерного доступа или создания вредоносной программы, значение приобретают нормы главы 28 УК РФ.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 г. № 37 имеет важное значение для данной темы, поскольку в нем разграничиваются преступления в сфере компьютерной информации и иные преступления, совершенные с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» [4]. Этот подход применим и к преступлениям с использованием искусственного интеллекта. В каждом случае необходимо определить, является ли технология предметом посягательства, способом совершения преступления или лишь вспомогательным элементом.

Особенно сложным является вопрос о моменте окончания преступления. Создание дипфейка само по себе не всегда образует оконченное преступление. Оно может быть подготовительным действием, если материал еще не использован для обмана, угрозы или распространения. Если же поддельный голос был направлен потерпевшему и стал средством склонения к переводу денег, он уже входит в объективную сторону преступления. Поэтому оцениваться должен не технический факт генерации, а связь созданного материала с преступным результатом.

Не менее важна причинная связь. При преступлениях с использованием искусственного интеллекта необходимо доказать, что сгенерированный материал, поддельный голос, фальшивое видео, автоматически созданное письмо или иной цифровой объект действительно повлияли на

поведение потерпевшего либо на работу информационной системы. Если поддельный цифровой объект стал ключевым способом обмана, он должен учитываться при описании объективной стороны и общественной опасности содеянного.

Доказательственная сторона таких дел также является сложной. Цифровой материал может быть создан одним лицом, изменен другим, размещен третьим, а использован для хищения четвертым. Поэтому необходимо устанавливать всю цепочку действий: кто загрузил исходные данные, кто сформировал запрос, через какой сервис была создана запись, где она хранилась, кому передавалась и кто получил преступный результат. Проблема цифровых доказательств осложняется тем, что действующий УПК РФ не выделяет их в самостоятельный вид доказательств, а статьи 74 и 81 УПК РФ позволяют использовать цифровую информацию через уже существующие процессуальные формы [2].

Вследствие этого особенно важной становится правильная фиксация цифровых следов. Если не установлено, откуда был получен файл, каким способом он копировался, кто имел доступ к аккаунту, где находились исходные материалы и изменялись ли данные после изъятия, возникают сомнения в достоверности и допустимости доказательств. Ошибки на первоначальном этапе могут иметь решающее значение, поскольку цифровые данные быстро удаляются, перезаписываются, шифруются или переносятся на зарубежные серверы.

Роль органов прокуратуры в предупреждении преступлений с использованием искусственного интеллекта должна рассматриваться с учетом цифровой природы таких деяний. В соответствии со статьей 8 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» проку-

ратуры координируют деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступностью [3]. Это особенно важно для киберпреступности, поскольку преступления с использованием искусственного интеллекта редко могут быть предупреждены усилиями одного ведомства.

Прокурорское предупреждение в данной сфере проявляется в координации работы правоохранительных органов, банков, операторов связи, образовательных организаций, владельцев цифровых платформ и иных субъектов профилактики. Искусственный интеллект используется преступниками там, где есть слабые места: доверчивость граждан, низкая цифровая грамотность, утечки персональных данных, отсутствие проверки голосовых поручений, слабая защита аккаунтов, привычка переводить деньги после сообщения в мессенджере.

В итоге использование искусственного интеллекта при совершении преступлений с применением ИКТ следует понимать как новый этап развития цифровой преступности, а не как полностью самостоятельное явление, оторванное от действующего уголовного закона. Искусственный интеллект усиливает социальную инженерию, фишинг, дистанционное мошенничество, вымогательство, неправомерный доступ, распространение запрещенной информации и создание вредоносных программ. Уголовно-правовая квалификация таких деяний должна строиться вокруг конкретного состава преступления и фактической роли технологии. Прокурорское предупреждение приобретает особое значение, поскольку именно прокуратура способна обеспечить координацию правоохранительных органов, надзор за законностью расследования, защиту прав граждан и устранение условий, способствующих преступному использованию искусственного интеллекта.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть “Интернет”» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Бегишев И. Р., Хисамова З. И. Искусственный интеллект и уголовный закон: монография. М.: Проспект, 2021.
6. Мосечкин И. Н. Искусственный интеллект в уголовном праве: перспективы совершенствования охраны и регулирования: монография. Киров, 2020.
7. Суходолов А. П., Бычкова А. М. Искусственный интеллект в противодействии преступности, ее прогнозировании, предупреждении и эволюции // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 6. С. 753–766.
8. Ерахтина Е. А., Тирранен В. А. Преступления, совершаемые с использованием искусственного интеллекта: проблемы квалификации и расследования // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 2. С. 36–41.
9. Долгиева М. М. Квалификация дипфейк-мошенничества и киберпохищения человека // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 11. С. 106–113.

Правовые проблемы внедрения наилучших доступных технологий в промышленности

Махмудов Мурад Камильевич, студент;

Пивоваров Кирилл Максимович, студент

Научный руководитель: Плотникова Юлия Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматриваются актуальные проблемы правового регулирования внедрения наилучших доступных технологий в российской промышленности. Обосновывается значение института НДТ как одного из основных механизмов экологизации производства и реализации принципов устойчивого развития. Анализируются законодательное закрепление понятия НДТ, особенности их определения через информационно-технические справочники, а также правоприменительные сложности, возникающие в процессе идентификации и актуализации соответствующих технологий. Особое внимание уделяется комплексному экологическому разрешению как центральному элементу механизма внедрения НДТ, административным барьерам при его получении, а также недостаточной эффективности действующих мер экономического стимулирования предприятий. Рассматриваются отдельные вопросы юридической ответственности за нарушение требований законодательства в области применения НДТ. Делается вывод о необходимости дальнейшего совершенствования правового регулирования в части уточнения критериев НДТ, упрощения административных процедур, развития стимулирующих механизмов и повышения эффективности мер ответственности.

Ключевые слова: наилучшие доступные технологии, НДТ, экологическое право, охрана окружающей среды, промышленность, комплексное экологическое разрешение, КЭР, экологизация производства, правовое регулирование, административная ответственность, экономическое стимулирование, устойчивое развитие.

Актуальность темы обусловлена необходимостью модернизации российской промышленности в соответствии с принципами «зелёной экономики» и устойчивого развития. Институт наилучших доступных технологий (далее — НДТ) является ключевым инструментом экологизации производства, однако его практическая реализация сопряжена с рядом правовых проблем, требующих научного осмысления и законодательного совершенствования [1, с. 22].

Понятие НДТ закреплено в ст. 1 Федерального закона «Об охране окружающей среды» (далее — Закон об охране окружающей среды) как технология производства продукции, основанная на современных достижениях науки и техники, направленная на снижение негативного воздействия на окружающую среду и имеющая установленный срок практического применения. Критерии отнесения технологий к НДТ утверждаются Правительством РФ и детализируются в информационно-технических справочниках (ИТС) [2]. Однако, как справедливо отмечает И. А. Игнатьева, используемые в законодательстве формулировки носят оценочный характер, что создает сложности для правоприменителя при идентификации конкретной технологии в качестве наилучшей доступной [3, с. 45]. Кроме того, процесс актуализации ИТС является длительным, вследствие чего они могут не отражать последние технологические инновации.

Центральным элементом механизма внедрения НДТ выступает комплексное экологическое разрешение (КЭР), введение которого предусмотрено ст. 31.1 Закона об охране окружающей среды. Объекты, оказывающие значительное негативное воздействие (I категория), обя-

заны получить КЭР, подтверждающее соответствие применяемых технологий НДТ. На практике процедура получения КЭР сталкивается с серьезными административными барьерами. Исследователи указывают на избыточность документов, требуемых для получения разрешения, и отсутствие четких сроков рассмотрения заявок территориальными органами Росприроднадзора [4, с. 112]. Это порождает риски приостановки деятельности предприятий на период оформления КЭР.

Еще одной проблемой является недостаточная эффективность мер экономического стимулирования перехода на НДТ. Действующее законодательство предусматривает льготы в виде инвестиционного налогового кредита, ускоренной амортизации, а также возможность зачета затрат на внедрение НДТ в счет платы за негативное воздействие [5]. Однако, как показывает анализ правоприменения, механизмы реализации данных льгот сложны и малопривлекательны для бизнеса. Г. В. Выпханова отмечает, что отсутствие прямой корреляции между расходами на экологическую модернизацию и получаемыми преференциями снижает заинтересованность промышленников в добровольном переходе на НДТ [6, с. 28].

Особого внимания заслуживает вопрос юридической ответственности за нарушение требований в области НДТ. Кодекс об административных правонарушениях РФ содержит ряд составов (ст. 8.5, 8.21, 8.46), однако размеры штрафов зачастую несоразмерны масштабам экономики предприятий, продолжающих использовать устаревшие технологии [7]. Проблематичным остается и привлечение к ответственности за несвоевременное получение КЭР, так как законодательство предусматривает переходный

период, окончание которого для многих объектов наступает лишь в 2025 году, что создает «правовой вакуум» в части применения санкций [4, с. 115].

Таким образом, правовое регулирование внедрения НДТ в промышленности требует дальнейшего совершенствования. Представляется необходимым уточнить кри-

терии НДТ на законодательном уровне, упростить административные процедуры получения КЭР, разработать реально действующие механизмы экономического стимулирования и дифференцировать меры ответственности с учетом фактического перехода предприятий на новые технологические стандарты.

Литература:

1. Бринчук М.М. «Экологическое право: учебник» (4-е изд.) — Москва: Эксмо, 2010—668 страниц. ISBN 978–5–699–35837–3 (в пер.).
2. Об охране окружающей среды: Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 2. — Ст. 133.
3. Игнатьева И. А. Правовое регулирование наилучших доступных технологий: проблемы формирования и применения // Экологическое право. — 2022. — № 3. — С. 42–48. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-nailuchshih-dostupnyh-tehnologiy> (дата обращения: 07.03.2026).
4. Выпханова Г. В. Юридические проблемы перехода на наилучшие доступные технологии // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. — 2023. — № 4. — С. 110–118. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskie-problemy-perehoda-na-nailuchshie-dostupnye-tehnologii> (дата обращения: 07.03.2026).
5. О применении наилучших доступных технологий: Постановление Правительства РФ от 23.12.2014 № 1458 // Собрание законодательства РФ. — 2015. — № 2. — Ст. 478.
6. Жаворонкова Н. Г., Выпханова Г. В. «Правовые проблемы государственной политики и стратегического планирования управления земельными ресурсами» // Lex Russica. — 2021. — № 2. — С. 50–63.
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.03.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.

Проблемы квалификации неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения в современных условиях

Медведев Алексей Витальевич, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

В статье рассматриваются актуальные проблемы уголовной ответственности за неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения, предусмотренное ст. 166 УК РФ. Особое внимание уделяется вопросам разграничения угона и хищения, определению непосредственного объекта преступления, квалификации деяний, связанных с современными средствами индивидуальной мобильности, а также значению цели и мотива виновного при установлении состава преступления. На основе анализа уголовного законодательства, разъяснений Верховного Суда Российской Федерации, научных подходов и статистических данных МВД России формулируются предложения по оптимизации правоприменительной практики.

Ключевые слова: *угон, неправомерное завладение транспортным средством, ст. 166 УК РФ, транспортное средство, хищение, квалификация преступлений, средства индивидуальной мобильности, уголовная ответственность.*

Problems of qualification of unlawful taking of a car or other vehicle without intent to steal in modern conditions

Medvedev Alexey Vitalievich, master's student
Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation (St. Petersburg)

The article examines current problems of criminal liability for unlawful taking of a car or other vehicle without intent to steal under Article 166 of the Criminal Code of the Russian Federation. Special attention is paid to distinguishing vehicle hijacking from theft, defining the direct object of the crime, qualifying acts involving modern personal mobility devices, and determining the role of purpose and motive in establishing the elements of the crime. Based on the analysis of criminal legislation, explanations of the

Supreme Court of the Russian Federation, scientific approaches and statistical data of the Ministry of Internal Affairs of Russia, the article formulates proposals aimed at improving law enforcement practice.

Keywords: vehicle hijacking, unlawful taking of a vehicle, Article 166 of the Criminal Code of the Russian Federation, vehicle, theft, qualification of crimes, personal mobility devices, criminal liability.

Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения относится к числу преступлений, при квалификации которых особое значение имеют не только объективные признаки совершенного деяния, но и направленность умысла виновного. На первый взгляд, диспозиция ст. 166 УК РФ представляется достаточно определенной: уголовная ответственность наступает за неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения [1]. Однако правоприменительная практика показывает, что именно отсутствие цели хищения является наиболее сложным для доказывания признаком, поскольку внешне угон может быть сходен с кражей, грабежом, разбоем или иными преступлениями против собственности.

Актуальность исследования обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, угон транспортных средств продолжает сохранять криминологическую значимость, несмотря на общее снижение числа зарегистрированных преступлений данной категории. Так, по данным МВД России, в 2024 г. было зарегистрировано 10 731 преступление, предусмотренное ст. 166 УК РФ, что на 13,0 % меньше по сравнению с аналогичным периодом 2023 г. [2]. За январь — июль 2025 г. зарегистрировано 5570 фактов неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения, что на 9,2 % ниже показателя аналогичного периода прошлого года [3]. Указанные данные свидетельствуют о снижении зарегистрированной преступности по данному составу, однако не устраняют потребности в совершенствовании квалификации и профилактики данных деяний.

Во-вторых, современные формы использования транспортных средств, развитие каршеринга, аренды электро-самокатов, распространение средств индивидуальной мобильности и цифровых сервисов доступа к транспорту порождают новые вопросы для уголовно-правовой оценки. Законодательная конструкция ст. 166 УК РФ была сформирована применительно к более традиционным видам транспортных средств, однако в современных условиях фактическое владение транспортом может осуществляться через электронные приложения, цифровые ключи, аккаунты пользователей и иные способы доступа. Это усложняет определение момента завладения, характера умысла и предмета преступления.

В-третьих, проблема квалификации угона имеет практическое значение для разграничения смежных преступлений. Ошибка в установлении цели виновного может повлечь как необоснованное смягчение ответственности, если хищение ошибочно квалифицировано как угон, так и чрезмерную криминализацию поведения, если вре-

менное неправомерное использование транспортного средства квалифицировано как хищение.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25 разъясняется, что под неправомерным завладением транспортным средством без цели хищения следует понимать завладение чужим автомобилем или иным транспортным средством и поездку на нем без намерения присвоить его целиком или по частям [4]. Данное разъяснение имеет принципиальное значение, поскольку позволяет отделить угон от преступлений, связанных с окончательным изъятием имущества из владения собственника.

Вместе с тем в практической деятельности нередко возникают ситуации, когда последующее поведение виновного не позволяет однозначно установить первоначальную направленность умысла. Например, транспортное средство может быть оставлено в другом районе города, повреждено, частично разукomплектовано либо использовано для совершения другого преступления. В таких случаях вопрос о наличии или отсутствии цели хищения должен решаться не формально, а на основании совокупности обстоятельств дела.

К числу обстоятельств, указывающих на отсутствие цели хищения, можно отнести кратковременность использования транспортного средства, оставление его в доступном для обнаружения месте, отсутствие действий по сокрытию, продаже, разборке или изменению идентификационных признаков, а также объяснения виновного, подтверждаемые иными доказательствами. Напротив, о цели хищения могут свидетельствовать попытки реализации транспортного средства, демонтаж его частей, изменение государственных регистрационных знаков, сокрытие транспортного средства в гараже или ином закрытом помещении, а также иные действия, направленные на извлечение имущественной выгоды.

Одной из дискуссионных проблем является определение непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 166 УК РФ. В юридической литературе высказываются различные подходы. Согласно первому подходу, непосредственным объектом угона являются отношения собственности, поскольку виновный противоправно нарушает правомочия собственника по владению и пользованию транспортным средством. Согласно второму подходу, объектом выступает также установленный порядок безопасной эксплуатации транспорта. Представляется, что более обоснованным является комплексный подход, при котором угон рассматривается как преступление, посягающее не только на отношения собственности, но и на общественную безопасность в сфере эксплуатации транспортных средств.

Такой вывод обусловлен спецификой предмета преступления. Автомобиль или иное транспортное средство является источником повышенной опасности. Неправомерное завладение им создает угрозу не только имущественным интересам собственника, но и жизни, здоровью неопределенного круга лиц, безопасности дорожного движения, нормальному функционированию транспортной инфраструктуры. Особенно это проявляется в случаях, когда угон совершается лицом, не имеющим навыков управления транспортом, находящимся в состоянии опьянения либо использующим транспортное средство для опасного передвижения.

Особого внимания заслуживает вопрос о предмете преступления. Если понятие автомобиля обычно не вызывает затруднений, то категория «иное транспортное средство» требует более четкого толкования. В условиях развития современных средств передвижения возникает вопрос: могут ли электросамокаты, моноколеса, сегвеи, гироскутеры и иные средства индивидуальной мобильности рассматриваться в качестве предмета преступления, предусмотренного ст. 166 УК РФ?

С одной стороны, не всякое средство индивидуальной мобильности по уровню общественной опасности сопоставимо с автомобилем или мотоциклом. С другой стороны, отдельные высокомоментные устройства способны развивать значительную скорость, имеют высокую стоимость, используются в городском движении и при неправомерном завладении могут причинять существенный имущественный вред. Поэтому полное исключение таких средств из сферы уголовно-правовой охраны представляется неоправданным.

Проблема состоит в том, что действующее законодательство не содержит достаточно ясного критерия, позволяющего определить, какие именно современные средства передвижения могут быть отнесены к «иным транспортным средствам» в контексте ст. 166 УК РФ. В результате сходные ситуации могут получать различную правовую оценку: в одних случаях содеянное квалифицируется как угон, в других — как кража, самоуправство или административное правонарушение. Такая неопределенность снижает единообразие судебной практики.

Представляется целесообразным закрепить в уголовном законодательстве или в разъяснениях Верховного Суда РФ дополнительные критерии отнесения современных средств передвижения к предмету преступления, предусмотренного ст. 166 УК РФ. Такими критериями могут быть: наличие двигателя, конструктивная способность к самостоятельному движению, максимальная скорость, мощность двигателя, стоимость устройства, возможность участия в дорожном движении, а также степень общественной опасности его неправомерного использования.

При этом важно избежать чрезмерного расширения уголовной ответственности. Не каждое неправомерное использование маломощного электросамоката должно автоматически рассматриваться как угон. Уголовно-правовая оценка должна применяться лишь в тех случаях, когда

средство передвижения по своим техническим и эксплуатационным характеристикам действительно сопоставимо с транспортным средством и его неправомерное использование создает повышенную опасность.

Следующей важной проблемой является разграничение угона и хищения. Хищение предполагает корыстную цель и направленность умысла на безвозмездное изъятие и обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц. Угон же характеризуется отсутствием цели хищения. Однако на практике мотивы виновного могут быть различными: желание «покататься», доехать до определенного места, совершить хулиганские действия, временно воспользоваться транспортом без согласия владельца. Эти мотивы не исключают уголовной ответственности, но влияют на квалификацию.

В юридической литературе справедливо отмечается, что криминологическая характеристика преступлений, связанных с транспортными средствами, требует учета не только способа совершения деяния, но и последующего поведения виновного [5]. Именно последующее поведение лица нередко позволяет сделать вывод о том, стремилось ли оно временно использовать транспортное средство либо имело намерение обратить его в свою пользу или пользу третьих лиц.

Следует учитывать, что отсутствие цели хищения не означает отсутствие вреда. Даже кратковременное завладение автомобилем нарушает права собственника, лишает его возможности пользоваться транспортным средством, может повлечь материальный ущерб, повреждение имущества, расходы на восстановление, эвакуацию или поиск автомобиля. Кроме того, сам факт угона нередко причиняет потерпевшему значительные организационные и психологические неудобства.

Важное значение имеет и вопрос о моменте окончания преступления. Угон считается оконченным с момента начала движения транспортного средства либо его перемещения с места нахождения. При этом не имеет решающего значения продолжительность поездки и расстояние, на которое перемещено транспортное средство. Такой подход соответствует повышенной общественной опасности неправомерного завладения транспортом, поскольку уже сам факт начала движения создает угрозу охраняемым общественным отношениям.

Вместе с тем применительно к современным цифровым сервисам владения и пользования транспортными средствами требуется более детальная оценка. Например, если лицо неправомерно получило доступ к аккаунту каршеринга, разблокировало автомобиль, но не начало движение, возникает вопрос о квалификации содеянного как покушения на угон либо иного преступления. В подобных ситуациях правоприменитель должен учитывать, были ли совершены действия, непосредственно направленные на завладение транспортным средством, и имелась ли реальная возможность начала его использования.

Современная криминологическая обстановка показывает, что преступность трансформируется под влиянием

цифровизации. В исследованиях О. В. Харченко отмечается резкий рост преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, а также необходимость повышения эффективности мер противодействия таким деяниям [6]. Хотя угон транспортного средства не всегда относится к ИКТ-преступлениям, цифровая среда все чаще выступает способом доступа к транспортному средству: через мобильные приложения, электронные ключи, системы удаленного запуска, аккаунты аренды и иные технологии. Поэтому уголовно-правовое исследование ст. 166 УК РФ не может игнорировать технологический фактор.

При этом преступления, связанные с транспортными средствами, следует рассматривать в общем контексте преступлений имущественной и экономической направленности, поскольку они затрагивают как интересы конкретного собственника, так и стабильность гражданского оборота. В научной литературе подчеркивается, что криминологический анализ преступлений экономической направленности имеет значение для оценки состояния экономической безопасности и эффективности правоприменительных мер [7]. Данный подход может быть использован и при анализе угонов, поскольку транспортное средство является значимым имущественным объектом, а его неправомерное использование способно повлечь не только индивидуальный, но и более широкий социальный вред.

В этом контексте необходимо развивать не только уголовно-правовые, но и криминологические меры предупреждения. К ним можно отнести совершенствование технических средств защиты транспортных средств, повышение безопасности цифровых сервисов аренды, усиление контроля за идентификацией пользователей, развитие систем видеонаблюдения и фиксации перемещения транспортных средств, а также оперативный обмен информацией между правоохранительными органами и организациями, предоставляющими транспортные услуги. Вопросы предупреждения преступлений, связанных с транспортными средствами, также рассматриваются через призму организационных, технических и правовых мер профилактики [8].

Однако профилактика не должна подменять собой уголовно-правовую квалификацию. Наличие технической возможности завладеть транспортным средством не освобождает виновного от ответственности, но и не должно приводить к автоматическому отнесению любого нарушения правил пользования транспортом к составу преступления. Например, спор между пользователем и сервисом аренды о нарушении условий договора не всегда образует состав угона. Для уголовной ответственности необходимо установить именно неправомерное завладение, то есть отсутствие законного основания для использования транспортного средства и наличие прямого умысла на такое использование.

Отдельного рассмотрения заслуживают квалифицированные составы ст. 166 УК РФ. Повышенная ответ-

ственность наступает, в частности, за совершение угона группой лиц по предварительному сговору, с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой его применения, а также за деяния, совершенные организованной группой или причинившие особо крупный ущерб [1]. В этих случаях общественная опасность преступления существенно возрастает, поскольку посягательство выходит за пределы временного нарушения правомочий собственника и затрагивает дополнительные объекты уголовно-правовой охраны.

Особенно сложным является разграничение угона с применением насилия от грабежа и разбоя. Если насилие применяется для завладения транспортным средством, но виновный не имеет цели хищения, содеянное может квалифицироваться по соответствующей части ст. 166 УК РФ. Если же насилие используется для изъятия транспортного средства с целью его присвоения, продажи или иного имущественного обращения, квалификация должна осуществляться по статьям о хищении, в том числе с учетом признаков грабежа или разбоя. Следовательно, решающее значение вновь приобретает установление цели виновного.

Для повышения единообразия правоприменительной практики целесообразно закрепить более четкие критерии доказывания отсутствия цели хищения. Предлагается возможным предложить следующие ориентиры: учитывать поведение виновного до завладения транспортным средством, включая наличие предварительной подготовки, поиск покупателя, средств сокрытия или изменения идентификационных признаков; оценивать способ завладения и характер последующего использования транспортного средства; устанавливать продолжительность владения и место оставления транспортного средства; анализировать наличие или отсутствие попыток извлечения имущественной выгоды; учитывать повреждение транспортного средства, демонтаж деталей, изменение номеров, попытки сокрытия следов; сопоставлять показания виновного с объективными доказательствами, включая видеозаписи, данные навигации, сведения операторов сервисов аренды и иные материалы дела.

Такие критерии не должны иметь исчерпывающий характер, поскольку каждое уголовное дело требует индивидуальной оценки. Однако их закрепление в разъяснениях Верховного Суда РФ могло бы снизить количество судебнo-следственных ошибок и обеспечить более предсказуемое применение ст. 166 УК РФ.

Необходимо также обратить внимание на статистический аспект. Снижение числа зарегистрированных угонов не всегда означает полное решение проблемы. Оно может быть связано как с объективным уменьшением преступности, так и с развитием технических средств защиты, изменением способов противоправного поведения, перераспределением преступной активности в сферу хищений, мошенничества или цифровых способов доступа к имуществу. Поэтому статистические данные должны анализироваться не изолированно, а в связи с общей динамикой

преступности против собственности, транспортной преступности и преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий.

Уголовная ответственность за угон должна выполнять не только карательную, но и предупредительную функцию. При этом эффективность противодействия зависит от комплексного подхода: точной квалификации, своевременного раскрытия преступлений, возмещения вреда потерпевшим, профилактики повторных преступлений, а также устранения правовой неопределенности в отношении новых видов транспортных средств.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы.

Во-первых, ст. 166 УК РФ сохраняет важное значение в системе уголовно-правовой охраны отношений собственности и общественной безопасности. Несмотря на снижение числа зарегистрированных угонов, данное преступление продолжает представлять существенную опасность, поскольку связано с неправомерным использованием источника повышенной опасности.

Во-вторых, главным квалификационным признаком угона является отсутствие цели хищения. Именно этот признак позволяет разграничить ст. 166 УК РФ и преступления против собственности, связанные с корыстным

изъятием имущества. При этом цель виновного должна устанавливаться на основе совокупности объективных и субъективных обстоятельств дела.

В-третьих, понятие «иное транспортное средство» нуждается в дополнительном уточнении. Развитие средств индивидуальной мобильности и цифровых сервисов доступа к транспорту требует выработки критериев, позволяющих определить, какие современные устройства могут рассматриваться в качестве предмета угона.

В-четвертых, для минимизации ошибок квалификации целесообразно дополнить судебные разъяснения критериями доказывания умысла на неправомерное временное завладение транспортным средством без цели хищения. Это позволит обеспечить единообразие правоприменительной практики и более эффективную защиту прав потерпевших.

Таким образом, дальнейшее совершенствование уголовно-правового регулирования ответственности за неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения должно быть направлено на уточнение предмета преступления, развитие критериев разграничения угона и хищения, а также учет современных технологических способов доступа к транспортным средствам.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации. — М., 2025.
2. Состояние преступности в России за январь — декабрь 2024 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации. — URL: <https://мвд.рф>.
3. Состояние преступности в России за январь — июль 2025 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации. — М.: ФКУ «Главный информационно-аналитический центр МВД России», 2025.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25, ред. от 25.06.2024, «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2009. — № 2.
5. Теохаров, А. К., Урусов, А. А. Криминологическая характеристика краж транспортных средств // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2023. — Т. 20. — № 4. — С. 83–92.
6. Харченко, О. В. Криминологическая характеристика противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий: современное состояние и тенденции // Проблемы уголовной политики и практики. — 2025.
7. Харченко, О. В. О проблемах противодействия преступлениям против добросовестной конкуренции в сфере экономической деятельности: криминологический анализ // Право и государство: теория и практика. — 2025. — № 2. — С. 590–592.
8. Кураков, Д. В. Некоторые вопросы предотвращения и предупреждения хищений транспортных средств // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. — 2023. — № 1 (94). — С. 237–246.

Влияние городского пространства и дизайна среды на уровень преступности

Минахина Яна Сергеевна, студент

Научный руководитель: Филиппова Елена Олеговна, кандидат педагогических наук, доцент
Оренбургский государственный университет имени В. А. Бондаренко

Архитектурная (энвайронментальная) криминология представляет собой направление криминологической науки, изучающее влияние физической среды и организации городского пространства на уровень преступности и поведение людей. В отличие от традиционных подходов, акцентирующих внимание на личности преступника или социальных факторах, данное направление рассматривает окружающую среду как активный фактор, способный как провоцировать, так и предотвращать правонарушения. Особое внимание уделяется теории «разбитых окон», как практическому инструменту профилактики преступности посредством грамотного архитектурного и планировочного решения городской среды.

Ключевые слова: энвайронментальная криминология, архитектурная криминология, теория «разбитых окон», CPTED, предотвращение преступности через дизайн среды, городское пространство, естественное наблюдение, территориальность.

Архитектурная, или энвайронментальная, криминология представляет собой самостоятельное направление криминологической науки, изучающее влияние пространственно-средовых факторов на формирование преступного поведения. В центре внимания данного подхода находится не только личность правонарушителя или социально-экономические условия, но и физическая организация пространства, которая рассматривается как активный элемент, способный модифицировать поведенческие сценарии индивидов. Тем самым происходит смещение исследовательского акцента с причин преступности как таковой на условия её реализации [1].

Ключевое положение энвайронментальной криминологии заключается в том, что преступление носит ситуационный характер и возникает не спонтанно, а в результате совпадения определённых условий в конкретной точке пространства и времени. Речь идёт о сочетании трёх элементов: наличия потенциального правонарушителя, доступной и уязвимой цели, а также отсутствия эффективного формального или неформального контроля. Городская среда, в свою очередь, может либо способствовать формированию такого сочетания, либо препятствовать ему, снижая вероятность криминального события.

В этом контексте особое значение приобретает анализ характеристик городской среды. Пространства с низким уровнем освещённости, отсутствием визуальной просматриваемости, размытыми границами между публичными и приватными зонами, а также наличием заброшенных или неиспользуемых объектов объективно создают условия, благоприятные для совершения правонарушений. Напротив, среда, организованная с учётом принципов прозрачности, доступности наблюдения и функциональной определённости, способна выполнять превентивную функцию, снижая криминогенный потенциал без непосредственного вмешательства правоохранительных органов [2, с. 121].

Одной из ключевых теоретических конструкций в рамках рассматриваемого направления является теория «разбитых окон». Её сущность заключается в том, что визуальные признаки дезорганизации и запущенности городской среды —

такие как повреждённые элементы инфраструктуры, мусор, граффити, следы вандализма — воспринимаются как индикатор ослабленного социального контроля. Подобные сигналы формируют у потенциальных правонарушителей представление о допустимости девиантного поведения и вероятной безнаказанности, что, в свою очередь, может способствовать эскалации правонарушений.

Данная логика отражает более широкий механизм «нормативного заражения», при котором игнорирование мелких нарушений приводит к постепенному размыванию социальных норм и росту более серьёзной преступности. В этом смысле поддержание порядка в городской среде рассматривается не как эстетическая задача, а как элемент криминологической профилактики, направленный на стабилизацию поведенческих ожиданий и укрепление неформального социального контроля [3, с. 146].

Вместе с тем теория «разбитых окон» не является бесспорной. В научной литературе неоднократно указывалось на риск переоценки роли визуальных факторов при недоучёте структурных причин преступности, таких как уровень бедности, социальное неравенство, сегрегация и маргинализация отдельных групп населения. Кроме того, практическая реализация данной концепции в ряде случаев сопровождалась усилением репрессивных мер в отношении незначительных правонарушений, что вызывало дискуссии о допустимых границах превенции.

Современные эмпирические исследования в целом подтверждают, что характеристики городской среды оказывают существенное влияние на распределение преступности в пространстве. Так, закрытые и плохо просматриваемые участки городской инфраструктуры, включая узкие переулки, подземные переходы и неосвещённые зоны, чаще становятся местами совершения преступлений по сравнению с открытыми и визуально контролируруемыми пространствами. Жилые районы с высокой степенью уличной активности, где присутствуют пешеходы, функционируют коммерческие объекты и осуществляется постоянное неформальное наблюдение, демонстрируют более низкий уровень преступности за счёт так

называемого эффекта «глаз на улице». В то же время заброшенные территории и пустыри нередко трансформируются в очаги криминальной активности вследствие отсутствия контроля и социального использования [5].

Значительную роль играет и транспортная инфраструктура. Объекты с высокой проходимостью — станции метро, транспортные узлы, парковочные пространства — могут выступать как зонами повышенного риска, так и относительно безопасными участками в зависимости от их архитектурной организации, уровня освещённости, наличия систем видеонаблюдения и удобства навигации.

Практическое развитие идей энвайронментальной криминологии получило отражение в концепции CPTED (Crime Prevention Through Environmental Design — предупреждение преступности посредством проектирования среды). Данный подход предполагает целенаправленное формирование пространственной среды с учётом принципов естественного наблюдения, территориальной определённости, контроля доступа и поддержания надлежащего состояния объектов. Реализация этих принципов позволяет снижать криминогенные риски на этапе проектирования и эксплуатации городской инфраструктуры.

Несмотря на очевидную прикладную значимость, энвайронментальная криминология не может рассматриваться как универсальное средство противодействия

преступности. Её ограничения связаны с тем, что она преимущественно воздействует на условия совершения преступлений, но не затрагивает их глубинные социально-экономические причины. Кроме того, отдельные меры, направленные на усиление контроля, могут формировать избыточно закрытые и отчуждённые пространства, снижая уровень социального взаимодействия и комфорт городской среды. В научной дискуссии также поднимается вопрос о риске «секьюритизации» городов, при которой приоритет безопасности может вступать в противоречие с принципами открытости и доступности общественных пространств.

Делая вывод, можно сказать, что архитектурная криминология позволяет рассматривать городское пространство как значимый фактор, влияющий на криминогенную ситуацию. Рационально организованная среда способна выполнять профилактическую функцию, дополняя социальные и правовые механизмы противодействия преступности. Концепции «разбитых окон» и CPTED, несмотря на существующую критику, демонстрируют практическую значимость в формировании безопасной городской среды. Их эффективное применение требует комплексного подхода, сочетающего пространственное планирование с мерами социального характера, направленными на устранение причин преступности.

Литература:

1. Шалагин А. Е., Идиятуллов А. Д. Зарубежный опыт предупреждения преступлений и правонарушений в мегаполисах // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2022. — Т. 13, № 1 (47). — С. 94–103. — DOI: 10.37973/KUI.2022.55.46.013.
2. Пирожкова И. Г. Концепт средовой безопасности: категориальный аппарат и современное состояние // Государственно-правовые исследования. — 2020. — № 3. — С. 333–337.
3. Морозова И. В., Голосов Д. А., Чуриков Д. С. Высотная застройка и преступность: к вопросу о влиянии архитектурной среды на криминогенную обстановку // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. — 2023. — Т. 8, № 1 (15). — С. 42–52.
4. Ходжен Ш., Вушке К. Трава всегда зеленее: анализ концентрации и видов преступности в городских зеленых пространствах // Russian Journal of Economics and Law. — 2023. — Т. 17, № 3. — С. 645–666. — DOI: 10.21202/2782–2923.2023.3.645–666.
5. Полянцева Е. Р. Городская среда и безопасность в средовой криминологии. Обзор источников и современные тенденции // Градостроительство и архитектура. — 2025. — Т. 15, № 4. — С. 127–135. — DOI: 10.17673/Vestnik.2025.04.17.
1. Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Криминология: учебник для вузов. — 7-е изд., перераб. и доп. — Москва: Норма, 2021. — 800 с.

Новые квалифицирующие признаки по статьям 150 и 151 УК РФ. Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления через интернет

Минахина Яна Сергеевна, студент

Научный руководитель: Филиппова Елена Олеговна, кандидат педагогических наук, доцент

Оренбургский государственный университет имени В. А. Бондаренко

В статье исследуются изменения уголовного законодательства Российской Федерации, внесённые Федеральным законом от 28 декабря 2024 г. № 514-ФЗ, направленные на усиление защиты несовершеннолетних от вовлечения в пре-

ступную и антиобщественную деятельность в условиях цифровой среды. Особое внимание уделяется введению нового квалифицирующего признака — совершения деяния с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, а также расширению особо квалифицированных составов, связанных с вовлечением нескольких несовершеннолетних и лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста. Проводится анализ правовой природы указанных признаков, их влияния на квалификацию деяний и правоприменительную практику. Делается вывод о системном характере законодательных изменений, обусловленных развитием цифровых технологий и необходимостью адекватного уголовно-правового реагирования на новые формы посягательств на несовершеннолетних.

Ключевые слова: вовлечение несовершеннолетних, квалифицирующие признаки, информационно-телекоммуникационные сети, интернет, уголовная ответственность, цифровая среда.

Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 514-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», вступивший в силу 8 января 2025 года, представляет собой значимый этап развития уголовного законодательства в сфере охраны прав и законных интересов несовершеннолетних. Его принятие обусловлено трансформацией способов совершения преступлений, связанной с активным распространением цифровых технологий и коммуникационных платформ, существенно расширивших возможности дистанционного воздействия на несовершеннолетних [2].

До внесения указанных изменений уголовно-правовое регулирование, закреплённое в статьях 150 и 151 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривало ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления либо антиобщественных действий посредством обещаний, обмана, угроз или иными способами. В качестве квалифицирующих признаков традиционно выделялись особенности субъекта преступления, включая родителей и педагогических работников, а также применение насилия или угрозы его применения. Особо квалифицированные составы охватывали случаи вовлечения в преступную группу либо в совершение тяжких и особо тяжких преступлений. Вместе с тем законодательство не учитывало специфику дистанционного вовлечения несовершеннолетних, что в условиях цифровизации общественных отношений создавало определённый пробел в уголовно-правовой охране [1].

Внесённые изменения направлены на устранение данного пробела. В новой редакции статей 150 и 151 УК РФ в качестве самостоятельного квалифицирующего признака закреплено совершение деяния с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет». Данный признак имеет формальный характер и не требует установления наступления каких-либо дополнительных последствий: для его вменения достаточно факта использования соответствующих цифровых средств при осуществлении вовлечения. Это позволяет учитывать повышенную общественную опасность дистанционных способов воздействия, характеризующихся анонимностью, масштабируемостью и трудностью своевременного пресечения [1].

Законодатель также усилил ответственность за вовлечение двух или более несовершеннолетних, что отражает увеличение степени общественной опасности деяния, об-

условленной множественностью потерпевших и потенциальной массовостью противоправного воздействия. Дополнительно в качестве особо квалифицирующего признака выделено вовлечение лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста. Указанная новелла обусловлена необходимостью усиленной защиты малолетних, которые в силу возрастных и психологических особенностей обладают повышенной внушаемостью и уязвимостью перед манипулятивным воздействием.

Санкции за совершение рассматриваемых преступлений также претерпели изменения в сторону ужесточения. Это свидетельствует о повышении оценки общественной опасности соответствующих деяний со стороны законодателя и стремлении обеспечить превентивное воздействие уголовного закона. Особо квалифицированные составы в настоящее время отнесены к категории тяжких преступлений, что влечёт соответствующие правовые последствия как на стадии расследования, так и при назначении наказания.

Практическое значение внесённых изменений проявляется, прежде всего, в упрощении процесса доказывания. Использование цифровых технологий оставляет объективные следы в виде электронной переписки, логов соединений, IP-адресов и иных данных, которые могут быть использованы в качестве доказательств. Это способствует повышению эффективности расследования и формированию более единообразной судебной практики. Одновременно усиливается профилактическая функция уголовного законодательства, поскольку установление более строгой ответственности за дистанционное вовлечение несовершеннолетних ориентировано на предупреждение подобных преступлений.

Таким образом, изменения, внесённые Федеральным законом № 514-ФЗ, носят системный характер и отражают адаптацию уголовного законодательства к условиям цифровой трансформации общества. Введение новых квалифицирующих признаков позволяет более точно учитывать специфику современных форм преступной деятельности, направленной на вовлечение несовершеннолетних, и обеспечивает более высокий уровень их уголовно-правовой защиты. Эффективность данных новелл в значительной степени будет зависеть от последовательности их применения в правоприменительной практике, а также от комплексных мер профилактики, реализуемых на уровне государства, образовательных организаций и цифровых платформ.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации (в ред. Федерального закона от 28.12.2024 № 514-ФЗ).
2. Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 514-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации».
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 29.11.2024) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних».
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) / под ред. А. И. Чучаева. — М.: КОНТРАКТ, 2025.

Трансформация пенитенциарной системы в условиях специальной военной операции: новые механизмы социальной ресоциализации

Митрофанов Владислав Витальевич, студент

Научный руководитель: Агильдин Владимир Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

В статье рассматриваются современные трансформации пенитенциарной системы Российской Федерации в условиях проведения специальной военной операции (СВО). Анализируются изменения в подходах к исполнению наказаний, а также новые механизмы социальной ресоциализации осужденных, включая участие в государственных программах, развитие института пробации и трудовой реабилитации. Особое внимание уделяется проблемам правового регулирования, влиянию внешнеполитических факторов и судебной практике. Делается вывод о формировании новой модели пенитенциарной политики, ориентированной на сочетание карательной и реабилитационной функций.

Ключевые слова: пенитенциарная система, уголовно-исполнительная система, трансформация правовых институтов, специальная военная операция, СВО, осуждённые, лица, отбывающие наказание, ресоциализация, социальная адаптация, реинтеграция в общество.

Доктринальное назначение пенитенциарной системы РФ долгое время балансировало между строгой изоляцией и декларативной попыткой исправления. Однако текущая социально-правовая реальность, продиктованная вызовами СВО, форсировала переход от теории к жесткой практике адаптации уголовно-исполнительных механизмов под нужды государства. Сегодня исправительные учреждения перестают быть просто «местами лишения свободы», превращаясь в ресурсную базу, задействованную в мобилизационных и оборонно-промышленных процессах.

Происходящая трансформация системы исполнения наказаний — это не просто реакция на внешние факторы, а радикальный пересмотр самого института «искупления вины». На первый план выходит не пассивное отбывание срока, а деятельная интеграция осужденного в государственную повестку. Внедрение новых правовых режимов, таких как институт пробации и легализованные механизмы освобождения через военную службу, требует глубокого научного переосмысления [9, с. 222–229].

Настоящая статья направлена на анализ этой новой «гибридной» модели пенитенциарной политики, где границы между карательной функцией и социальной реинтеграцией становятся всё более подвижными.

1. Проблематика ресоциализации в современной пенитенциарной системе

Одной из ключевых проблем является противоречивость самой концепции ресоциализации. С одной стороны, лишение свободы приводит к десоциализации личности, разрушению социальных связей. С другой — система должна способствовать формированию новых социальных установок [8, с. 4].

На практике данная функция реализуется недостаточно эффективно. По мнению Уполномоченного по правам человека, исправительные учреждения зачастую ограничиваются минимальной поддержкой осужденных, не обеспечивая полноценную интеграцию в общество [10, с. 114]. Среди основных проблем можно выделить: недостаточную координацию между государственными органами, слабую систему трудоустройства освобожденных лиц, стигматизацию бывших осужденных, отсутствие комплексной постпенитенциарной поддержки.

2. Влияние СВО на трансформацию пенитенциарной системы

СВО стала фактором, ускорившим реформирование уголовно-исполнительной системы. В новых условиях

государство заинтересовано в расширении возможностей социальной мобилизации, использовании труда осужденных, формировании альтернативных моделей исполнения наказания.

Ключевой инновацией стало внедрение комплексного правового механизма, закреплённого в Федеральном законе № 64-ФЗ [2, с. 3]. Данные нормы легализовали возможность приостановления уголовного преследования и освобождения от наказания через заключение контракта с ВС РФ. Теперь предусмотрена возможность приостановления уголовных дел: заключить контракт с Министерством обороны могут не только лица, уже осуждённые, но и те, в отношении кого ведётся следствие. Одновременно на законодательном уровне закреплена процедура освобождения от наказания в связи с прохождением военной службы. Кроме того, получение государственной награды или завершение службы рассматривается как основание для полного снятия судимости, что фактически означает устранение всех правовых последствий прежнего уголовного преследования.

Труд осужденных традиционно рассматривается как важный элемент исправления. Однако в условиях СВО он приобретает дополнительное значение как инструмент включения в общественно значимую деятельность.

Кроме того, усилилось внимание к институту пробации. Международный опыт показывает, что пробация способствует снижению рецидива за счет комплексной социальной поддержки. В Российской Федерации развитие института пробации в последние годы активно формируется и направлено на сопровождение осужденных как в период отбывания наказания, так и после освобождения.

Пробация включает в себя психологическую помощь, содействие трудоустройству, восстановление социальных связей, контроль поведения. Данный институт рассматривается как ключевой элемент современной пенитенциарной политики. Параллельно с мобилизационным вектором меняется и парадигма пенитенциарного труда. Сегодня трудовая занятость осужденных выходит за рамки внутрисистемных нужд [7, с. 14], интегрируясь в масштабные инфраструктурные проекты и сектор ОПК. Развитие сети исправительных центров (УФСИН) позволяет говорить о создании гибкой системы «трудовой мобилизации», где работа становится не только элементом кары, но и реальным инструментом экономической ресоциализации.

3. Социальная адаптация после освобождения

Процесс возвращения в мирную жизнь лиц, прошедших путь «заключение — фронт — освобождение», сопряжен с уникальными вызовами, которые не укладываются в классические схемы социальной работы. Традиционные проблемы (отсутствие жилья, разрыв семейных связей) здесь накладываются на тяжелый фронтовой опыт, формируя риск так называемого «двойного рецидива» [6, с. 18].

Криминальное прошлое в сочетании с ПТСР создает взрывоопасную смесь: при отсутствии системной реабили-

литации боевой опыт может трансформироваться в агрессивные модели поведения в гражданской среде. Особую тревогу вызывает деформация правосознания — своего рода «синдром иммунитета». Государственные награды и общественное признание в ряде случаев ошибочно интерпретируются бывшими осужденными как карт-бланш на нарушение закона в будущем.

Мы сталкиваемся с глубоким конфликтом идентичностей: социуму крайне сложно синхронизировать в одном человеке образы «преступника» и «защитника». Эта двойственность порождает напряжение — от недоверия в трудовых коллективах до открытой стигматизации. Ситуация усугубляется тем, что быстрый выход на свободу через зону СВО часто «катапультирует» человека в общество без базовых навыков мирной жизни: управления финансами и выстраивания устойчивых социальных связей. Без адресного сопровождения, после истощения денежных выплат, такие лица неизбежно попадают в зону высокого криминального риска, что требует внедрения экстренных программ социально-психологической реабилитации.

4. Судебная практика и правоприменение

Современная судебная практика отражает сложный поиск баланса между принципом неотвратимости наказания и государственной целесообразностью. Сегодня «военный фактор» стал мощным инструментом судебского усмотрения. Анализ приговоров 2023–2024 гг. показывает, что участие в СВО фактически закрепило в качестве универсального смягчающего обстоятельства [1, с. 154], позволяющего судам назначать наказания «ниже нижнего предела» (ст. 64 УК РФ) или применять условное осуждение там, где ранее доминировала реальная изоляция.

Особое значение приобретает правоприменение в рамках ФЗ № 64. Суды и органы следствия выработали алгоритм приостановления производств, который на практике превратился в механизм «юридического прощения» через службу. Однако здесь обнаруживается правовая коллизия: суды вынуждены оценивать тяжесть совершенного деяния в противовес потенциальной пользе осужденного на фронте.

Одновременно с этим наблюдается рост числа ходатайств о замене неотбытой части наказания более мягким (ст. 80 УК РФ) для лиц, занятых на оборонных производствах УИС. Судебная система постепенно отходит от сугубо карательного уклона, признавая трудовой и боевой вклад осужденного как достаточное основание для признания его ресоциализированным.

5. Мнения ученых и научные подходы

Современная правовая мысль (В. А. Уткин, С. А. Кутякин и др.) традиционно настаивает на дрейфе системы от репрессий к реабилитации. Однако события последних лет внесли существенные коррективы в этот теоретический базис. Если ранее эффективность УИС измеря-

лась преимущественно через следование международным стандартам, то сегодня акцент смещается в сторону прагматичной ресоциализации.

В академической среде развернулась дискуссия о формировании так называемой «мобилизационной модели» исправления. В рамках этого подхода участие осужденного в защите интересов государства рассматривается как высшая форма деятельного раскаяния, способная заменить классические инструменты воспитательного воздействия. Ученые подчеркивают, что ключевым фактором успеха здесь становится не просто «социальная интеграция», а радикальная смена жизненного сценария индивида.

Особое внимание исследователей приковано к «гибридной модели» пенитенциарной политики. Она предполагает сочетание жесткого контроля (в рамках пробации) с предоставлением осужденному уникальных социальных лифтов (через службу или работу в ОПК). Таким образом, современная наука переходит от обсуждения «абстрактного гуманизма» к поиску механизмов, способных обеспечить баланс между безопасностью общества и вовлечением бывшего правонарушителя в общественно полезную деятельность.

6. Научная новизна исследования

В данной работе я обосновываю тезис о том, что в контексте СВО отечественная пенитенциарная система выходит за рамки сугубо карательных функций. Сегодня она фактически превращается в особый кадровый ресурс для реализации критически важных государственных целей. В центре моего исследования стоит феномен «героической ресоциализации» — этот термин описывает принципиально иной путь возвращения в социум, где интеграция происходит не через бытовую адаптацию, а через резкую трансформацию статуса из «осужденного» в «защитника».

Я прихожу к выводу, что классические подходы к исправлению личности сегодня дополняются концептом ис-

купления вины через риск. Это диктует необходимость внедрения в научную дискуссию понятия «экстремальной интеграции». Практическая значимость исследования выражена в предложенной мною схеме взаимодействия ФСИН и Минобороны: я предлагаю алгоритм учета боевых заслуг как неоспоримого юридического факта исправления. Кроме того, в статье доказывается целесообразность открытия профильных центров реабилитации, поскольку психосоциальный путь этой группы лиц в корне отличается от траектории тех, кто освобождается на общих основаниях

Заключение

Резюмируя вышеизложенное, можно утверждать, что современная пенитенциарная система России переживает не просто формальную реформу, а глубокую функциональную перестройку. В условиях СВО её границы стали более проницаемыми, а статус осужденного перестал быть «социальным тупиком».

Главным итогом трансформации стало формирование прагматичной модели ресоциализации, где исправление измеряется не количеством проведенных в камере дней, а степенью вовлеченности человека в решение общенациональных задач — будь то труд на оборонном предприятии или служба в зоне боевых действий. Развитие института пробации и внедрение механизмов, предусмотренных ФЗ № 64, де-факто создают новую систему «социальных лифтов» для лиц, преступивших закон.

Тем не менее, эта трансформация не лишена рисков. Основным вызовом остается профилактика «двойного рецидива» и необходимость создания беспрецедентной по масштабам системы психологического сопровождения ветеранов с криминальным прошлым. Будущее пенитенциарной политики РФ зависит от того, удастся ли закрепить текущие мобилизационные механизмы как устойчивые правовые институты [5, с. 14], способные обеспечить реальную, а не декларативную безопасность общества.

Литература:

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. — 1997. — № 2. — ст. 198.
2. Федеральный закон от 23.03.2024 № 64-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» // Российская газета. — 2024. — № 68.
3. Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2023. — № 6. — ст. 917.
4. Федеральный закон от 24.06.2023 № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» (утратил силу, но важен как этап трансформации).
5. Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года».
6. Дворянсков, И. В. Пробация в Российской Федерации: концептуальные основы и перспективы реализации / И. В. Дворянсков // Пенитенциарная наука. — 2023. — Т. 17, № 2 (62). — С. 135–144.
7. Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2021. — № 20. — Ст. 3397.

8. Москалькова, Т. Н. Ресоциализация лиц, освободившихся из мест лишения свободы: тематический доклад / Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации. — Москва: Издательский центр Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2022. — 122 с.
9. Ярославцева, Ю. А. Условия освобождения от уголовной ответственности и погашение судимости для участников СВО / Ю. А. Ярославцева // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2024. — Т. 15, № 2 (56). — С. 222–229.
10. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2023 год. — [Электронный ресурс]. — URL: ombudsmanrf.org (дата обращения: 23.04.2025).

Особенности правового регулирования применения физической силы и специальных средств сотрудниками Федеральной службы исполнения наказаний России вне учреждений уголовно-исполнительной системы

Митрофанов Владислав Витальевич, студент

Научный руководитель: Агильдин Владимир Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

В статье исследуются материально-правовые и процессуальные особенности применения физической силы и специальных средств сотрудниками ФСИН России вне учреждений уголовно-исполнительной системы. Рассматриваются положения Закона РФ от 21.07.1993 № 5473–1, нормы УИК РФ и уголовного законодательства, регулирующие пределы правомерного принуждения при конвоировании, розыске и охране осужденных вне режимных объектов. Особое внимание уделяется проблемам правовой неопределенности полномочий сотрудников ФСИН в отношении гражданских лиц, рискам привлечения сотрудников к уголовной ответственности по статье 286 УК РФ, а также вопросам гуманизации применения средств механической фиксации. Сформулированы предложения по совершенствованию законодательства и ведомственного регулирования.

Ключевые слова: ФСИН России, уголовно-исполнительная система, специальные средства, физическая сила, конвоирование, меры безопасности, пределы правомерности, государственное принуждение, превышение должностных полномочий.

Введение

Правомерное применение сотрудниками ФСИН России физической силы и специальных средств — базовый элемент обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы. Если внутри исправительных учреждений порядок применения мер принуждения детально регламентирован и обеспечен режимными условиями, то при выполнении задач вне охраняемых объектов возникают серьезные правоприменительные риски.

Конвоирование осужденных, их доставка в суды и гражданские медицинские организации, а также проведение розыскных мероприятий проходят в публичном пространстве [8, с. 23]. В этих условиях сотрудники сталкиваются с отсутствием изоляции, присутствием посторонних граждан и высокими рисками причинения вреда третьим лицам. Любой прецедент применения силы вне стен учреждений УИС вызывает острый общественный резонанс и влечет за собой жесткую процессуальную проверку со стороны следственных органов.

Актуальность исследования обостряется текущим вектором на гуманизацию уголовно-исполнительной политики и очевидным системным разрывом между тре-

бованиями профильного Закона № 5473–1 и реальной практикой конвоирования. В связи с этим целью настоящей статьи является комплексный правовой анализ материальных и процессуальных оснований применения мер принуждения вне режимных объектов и разработка рекомендаций по устранению выявленных законодательных пробелов.

Степень научной разработанности темы

Теоретическую базу исследования правомерного принуждения в пенитенциарной системе заложили труды А. А. Аксенова, В. М. Анисимова, Н. П. Барабанова и Ю. И. Калинина, определившие общие административно-правовые рамки деятельности УИС [1, с. 14; 2, с. 346]. Специфика обеспечения безопасности и тактико-специальные аспекты конвоирования спецконтингента подробно раскрыты в работах А. В. Паршкова, С. А. Капункина и А. Н. Сирякова [5, с. 46; 6, с. 73]. В свою очередь, границы должностных полномочий и квалификация их превышения (в контексте ст. 286 УК РФ) стали предметом глубокого анализа в доктринальных исследованиях Б. В. Волженкина и Т. Б. Басовой [3, с. 59; 4, с. 112].

Признавая высокую значимость указанных трудов, отметим, что авторы преимущественно концентрировались на пресечении противоправных действий внутри изолированных исправительных учреждений. Правовой вакуум и дефекты нормативного регулирования, возникающие при столкновении сотрудников ФСИН с гражданскими лицами в публичном пространстве, до сих пор не получили комплексного монографического осмысления.

Теоретические основы государственного принуждения

В пенитенциарной доктрине меры государственного принуждения рассматриваются как правовой инструмент стабилизации оперативной обстановки и обеспечения режима отбывания наказания [7, с. 134]. Специфика их применения сотрудниками УИС заключается в дуалистической природе правового регулирования: с одной стороны, физическое воздействие и технические средства фиксации (включая средства ограничения подвижности, раздражающие аэрозоли и электрошоковые устройства) выступают легитимным способом подавления противоправного сопротивления. С другой стороны, границы их использования жестко лимитированы императивными принципами законности, соразмерности и минимизации вреда.

В контексте конвоирования вне режимных объектов данная проблематика приобретает конституционно-правовое измерение. Возникает необходимость перманентного поиска баланса между гарантированным ст. 22 Конституции РФ правом на личную неприкосновенность и превенцией угроз общественной безопасности, допускающей ограничение личных прав на основании ч. 3 ст. 55 Основного закона. При этом в условиях публичного пространства критерий «соразмерности» трансформируется из сугубо теоретической категории в фактор прямой уголовно-правовой оценки действий сотрудника, обязанного сиюминутно калькулировать характер угрозы и риски для случайных третьих лиц.

Нормативно-правовое регулирование

Базовый контур нормативного регулирования мер принуждения задан Главой V Закона РФ от 21.07.1993 № 5473–1, императивно определяющей основания, пределы и процессуальный алгоритм их реализации (включая ценз предварительного предупреждения и обязанность по минимизации вреда). При этом ст. 86 УИК РФ, регламентирующая применение мер безопасности, обладает выраженной территориальной спецификой: ее денотатом выступают исключительно правоотношения внутри исправительных учреждений [1, с. 15]. Данный фактор порождает правоприменительную коллизию при квалификации действий сотрудников ФСИН в открытом контуре публичного пространства, где ведомственный регламент неизбежно сталкивается с общеправовыми институтами уголовного законодательства. Вне режимных объектов

легитимность силового воздействия оценивается судами не через призму пенитенциарной целесообразности, а по строгим материально-правовым критериям необходимой обороны, задержания преступника или крайней необходимости (ст. 37, 38, 39 УК РФ).

Вектор на гуманизацию правоприменения радикально переформатировал актуальную практику нормативного регулирования. Вступление в силу Федерального закона от 30.01.2026 № 17-ФЗ, установившего жесткий запрет на использование средств механической фиксации (наручников) в отношении женщин вне специализированного транспорта, создало принципиально новые условия для конвойных подразделений. Данная новелла обнажила концептуальный разрыв между гуманистическими требованиями федерального законодателя и действующими ведомственными инструкциями, что детерминирует необходимость форсированной модернизации тактико-специальных алгоритмов конвоирования.

Особенности применения силы вне учреждений УИС

Детерминантой специфики применения мер принуждения вне периметра исправительных учреждений выступает фактор неконтролируемой внешней среды [6, с. 74]. Трансформация условий несения службы при транзитном конвоировании (через узлы транспортной инфраструктуры, суды и учреждения гражданского здравоохранения) переводит правоприменительные риски в плоскость общественной безопасности. Присутствие третьих лиц, не имеющих процессуального статуса в рамках УИС, накладывает жесткие ограничения на тактико-технический арсенал конвоя. В частности, использование специальных средств неизбирательного действия (аэрозольных распылителей, раздражающих составов) в публичных местах сопряжено с высокой вероятностью эксцесса исполнителя и причинения случайного вреда посторонним гражданам [7, с. 136]. При этом императивное требование о минимизации вреда сталкивается с ситуационным дефицитом времени и экстремальным психофизиологическим давлением на сотрудника.

Ключевым дефектом действующего нормативного поля является правовая неопределенность статуса гражданских лиц (включая родственников осужденных), совершающих противоправные действия в отношении караула или конвоируемых. Отсутствие в Законе № 5473–1 дифференцированных оснований для силового пресечения провокаций и попыток блокирования спецтранспорта со стороны не-спецконтингента вынуждает сотрудников балансировать на грани превышения должностных полномочий [5, с. 48]. В условиях пресечения побега из-под стражи эта неопределенность мультиплицируется: необходимость мгновенного принятия решений в динамической обстановке резко увеличивает риск тактических и квалификационных ошибок, превращая любое отклонение от регламента в основание для уголовного преследования по ст. 286 УК РФ.

Проблемы правоприменительной практики

В плоскости правоприменения центральной деструктивной тенденцией выступает высокий риск субсидиарной квалификации действий сотрудников ФСИН по ст. 286 УК РФ [3, с. 61]. Ключевой триггер этой проблемы — ретроспективный характер следственно-судебной оценки: правомерность применения мер принуждения анализируется *ex post facto*, в статичных условиях, полностью изолированных от психоэмоционального прессинга и динамики реального столкновения [4, с. 204]. Ситуация усугубляется дефицитом доказательной базы из-за отсутствия унифицированных протоколов сплошной видеофиксации вне охраняемого периметра. В итоге суды зачастую лишены объективных данных объективного контроля, что смещает вектор расследования в сторону обвинительного уклона.

Дополнительный нормативный диссонанс возникает при обеспечении режима в отношении женщин, несовершеннолетних и лиц с тяжелыми соматическими патологиями [8, с. 24]. Здесь конвойные подразделения попадают в ловушку конкурирующих требований: императив превенции побега вступает в прямое противоречие с риском вменения «унижения человеческого достоинства» при использовании механических средств ограничения подвижности. Следствием данного системного давления становится латентная деформация служебного поведения — вынужденная профессиональная пассивность сотрудников. Опасаясь необоснованной уголовной репрессии, личный состав демонстрирует тактическую нерешительность, что прямо угрожает стабильности караула. Наконец, дезорганизующим фактором выступает институциональный вакуум в регламентах межведомственного взаимодействия ФСИН и МВД России при ликвидации чрезвычайных происшествий в публичном пространстве, блокирующий оперативную координацию сил в критических ситуациях.

Международные стандарты

Внешний контур правовой регламентации принуждения детерминирован императивными нормами международного права. Системообразующими элементами здесь выступают Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы) и Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка. Данные акты фиксируют универсальный международно-правовой стандарт: силовое воздействие признается легитимным исключительно как *ultima ratio* — при констатации абсолютной невозможности использования иных методов деэскалации. Особый акцент смещен в сторону недопущения обращения, унижающего человеческое достоинство, и жесткого табуирования избыточной механической фиксации.

Имплементация указанных стандартов в российское правовое поле носит дискретный, но поступательный характер. Недавний законодательный запрет на использование средств ограничения подвижности в отношении

уязвимых категорий гражданских лиц вне спецавтотранспорта наглядно демонстрирует сближение отечественной пенитенциарной доктрины с гуманистическим вектором международного права. Однако нормативная гармонизация не должна ограничиваться лишь декларативными новеллами. Международные стандарты требуют сквозной модернизации образовательных программ и тактико-специальной подготовки личного состава ФСИН России, ориентированных на превентивное бесконфликтное урегулирование инцидентов в публичном пространстве.

Предложения по совершенствованию законодательства

В целях оптимизации правового регулирования и минимизации правоприменительных рисков при реализации мер принуждения вне ведомственного периметра представляется целесообразным внедрение комплекса системных преобразований. Прежде всего необходима доктринальная автономизация правил применения силы в открытом контуре, что достижимо путем внесения дополнений в ст. 86 УИК РФ либо посредством обособления самостоятельного нормативного блока в Законе № 5473–1, эксплицитно регламентирующего пресечение противоправных действий в публичном пространстве. Параллельно требуется нормативное закрепление обязанности сплошного использования носимых средств объективного видеоконтроля караулами и конвойными подразделениями с момента их выхода на маршрут транзита, что сформирует неоспоримую доказательную базу для последующей правовой оценки инцидентов.

Не менее важным шагом видится унификация ведомственного регулирования через разработку совместных регламентов и пошаговых инструкций Минюста и ФСИН России, четко детализирующих ситуационные алгоритмы действий личного состава при возникновении эксцессов в общественных местах. Сама система тактико-специальной подготовки сотрудников должна быть радикально переориентирована с сугубо силового подавления на освоение передовых психологических методик деэскалации конфликтов и калькуляцию юридических последствий применения принуждения. Наконец, деструктивный институциональный вакуум может быть преодолен путем создания сквозных тактических протоколов оперативного взаимодействия подразделений ФСИН России и территориальных органов МВД России, направленных на скоординированное блокирование угроз при пресечении побегов и ликвидации чрезвычайных ситуаций в публичной среде.

Заключение

Резюмируя проведенное исследование, следует констатировать, что правовой институт применения мер принуждения сотрудниками ФСИН России вне ведомственного периметра обладает выраженной межотраслевой природой, находясь в зоне пересечения материальных и про-

цессуальных норм уголовного, уголовно-исполнительного и административного права. Выход пенитенциарной функции в открытое публичное пространство коренным образом меняет парадигму несения службы. В условиях отсутствия режимной изоляции резко возрастают риски латентного ущемления прав гражданских лиц, что симметрично мультиплицирует угрозу необоснованного уголовного преследования личного состава по ст. 286 УК РФ. Соответственно, существующая нормативная модель, рассчитанная преимущественно на внутренний контур исправительных учреждений, обнаруживает явную дисфункциональность в динамической среде общественных мест.

Устранение выявленных регуляторных дефектов требует ухода от декларативного законотворчества в сто-

рону создания жестких прикладных механизмов: от внедрения сквозных стандартов тотальной видеофиксации до ликвидации институционального вакуума в сфере координации сил ФСИН и МВД России. Модернизация профильного законодательства и ведомственной базы должна подчиняться принципу разумного компромисса. Дальнейшая гуманизация отечественной пенитенциарной системы не может осуществляться за счет снижения уровня правовой защищенности самих сотрудников. Стабильность государственного управления в сфере исполнения наказаний напрямую зависит от создания симметричных правовых гарантий, защищающих должностное лицо от тактической нерешительности и казуальных ошибок при выполнении служебного долга в публичной среде.

Литература:

1. Аксенов А. А. Правовые и организационные основы применения мер принуждения в уголовно-исполнительной системе // Вестник Владимирского юридического института. — 2019. — № 2 (51). — С. 12–16.
2. Барабанов Н. П. Правовой механизм обеспечения безопасности личности в исправительных учреждениях и следственных изоляторах // Человек: преступление и наказание. — 2021. — Т. 29, № 3. — С. 344–352.
3. Басова Т. Б. Превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ): актуальные проблемы судебной практики // Пролог: журнал о праве. — 2022. — № 1 (33). — С. 58–66.
4. Волженкин Б. В. Служебные преступления: Комментарий законодательства и правоприменительной практики. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. — 560 с.
5. Капункин С. А. Тактико-специальные особенности конвоирования осужденных и лиц, содержащихся под стражей, вне охраняемых объектов // Альманах современной науки и образования. — 2018. — № 4 (128). — С. 45–49.
6. Паршков А. В. Организация деятельности специальных подразделений уголовно-исполнительной системы по конвоированию // Вестник Самарского юридического института. — 2020. — № 3 (39). — С. 71–75.
7. Сиряков А. Н. Проблемы правового регулирования применения физической силы и специальных средств сотрудниками УИС при выполнении служебных задач вне режимных территорий // Вестник института: преступление, наказание, исправление. — 2021. — № 15 (2). — С. 132–138.
8. Устинов А. Н., Якимов Е. М. Организационно-правовые проблемы осуществления медико-социального обеспечения лиц, находящихся в исправительных учреждениях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика и управление. — 2024. — № 4. — С. 22–26.
9. Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка: Принят Генеральной Ассамблеей ООН 17 декабря 1979 года // Международные акты о правах человека: Сборник документов. — М.: Норма, 2002. — С. 184–188.
10. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы): Приняты Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 2015 года // Официальный сайт ООН. — URL: un.org (дата обращения: 14.05.2026).

Актуальные проблемы использования заключения эксперта в гражданском процессе

Михайлова Ксения Николаевна, студент

Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В статье рассматриваются ключевые проблемы, связанные с использованием заключения эксперта в гражданском судопроизводстве: сложность судебной оценки, неполнота и противоречивость заключений, правовая неопределенность статуса частных экспертов, распределение расходов при признании экспертизы недопустимым доказательством. На основе последних изменений 2025–2026 гг. предлагаются пути совершенствования законодательства.

Ключевые слова: заключение эксперта, судебная экспертиза, гражданский процесс, оценка доказательств, повторная экспертиза.

Current issues of using expert opinions in civil proceedings

The article discusses the key problems associated with the use of expert opinions in civil proceedings: the complexity of judicial assessment, the incompleteness and inconsistency of expert opinions, the legal uncertainty of the status of private experts, and the distribution of expenses when expert opinions are recognized as inadmissible evidence. Based on the latest changes in 2025–2026, the article proposes ways to improve the legislation.

Keywords: expert opinion, forensic examination, civil proceedings, evaluation of evidence, and repeated examination.

Как известно, в гражданском процессе участвуют стороны, прокурор и судья, однако далеко не все они обладают специальными познаниями в каждом конкретном вопросе. Тогда в дело вступает эксперт, который, на основании представленных ему вопросов и документов, уполномочен дать свое заключение — ответы на недостающие вопросы, играющие решающую роль в разрешении спорных правоотношений [4].

Заключение эксперта в гражданском процессе занимает особое место среди судебных доказательств. В отличие от письменных или вещественных доказательств, которые суд может оценить самостоятельно, экспертное заключение основано на использовании специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла, которыми суд, как правило, не обладает. Именно это обстоятельство создает главную дилемму правоприменения: с одной стороны, суд обязан оценить заключение эксперта наряду с другими доказательствами по своему внутреннему убеждению, согласно части 2 статьи 67 ГПК РФ [1], с другой у суда объективно отсутствуют специальные познания для полной всесторонней проверки обоснованности экспертных выводов.

Такая оценка включает допустимость, относимость и достаточность, а также достоверность, что сложно для выводов эксперта: для их проверки нужны специальные знания, отсутствующие у суда и участников процесса [3].

Несмотря на прямое указание закона о том, что заключение эксперта не имеет для суда заранее установленной силы и подлежит оценке наряду с другими доказательствами, на практике нередко складывается привилегированное отношение судов к экспертному заключению. Суды часто воспринимают его как «царицу доказательств», что приводит к формальному подходу к оценке. Учитывая изложенное, представляется необходимым внесение изменений в ГПК РФ, направленных на уточнение критериев оценки заключения эксперта, а также разработки методических рекомендаций для судов по проверке допустимости и достоверности экспертных заключений.

Одной из наиболее распространенных проблем является неполнота и неясность экспертных заключений. Суд вправе назначить дополнительную экспертизу, в соответствии со статьями 87 ГПК РФ, при недостаточной ясности или неполноте заключения. Однако критерии этих понятий оценочны, что порождает произвол. Часто суды вместо дополнительной экспертизы ограничиваются допросом эксперта, хотя это не всегда устраняет недо-

статки. Представляется целесообразным законодательно закрепить исчерпывающий перечень оснований для назначения дополнительной экспертизы, а также обязательность допроса эксперта в случаях, когда неясности и неполнота не могут быть устранены без его участия в судебном заседании.

Особую остроту приобретает проблема правовой оценки экспертных заключений при наличии нескольких экспертиз с противоположными выводами. Верховный Суд указал, что в такой ситуации необходимо назначать дополнительную или еще одну повторную экспертизу и опровергать выводы первой экспертизы, если суд опирается на вторую. Суд не может просто отдать предпочтение одному заключению перед другим без мотивированного обоснования, почему выводы одной экспертизы являются более обоснованными, а другой нет. Представляется необходимым закрепить данное разъяснение в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, а также предусмотреть в ГПК РФ специальные правила оценки заключений экспертов при их противоречии друг другу.

Важной проблемой является распределение расходов на оплату экспертизы в случаях, когда экспертное заключение признается судом недопустимым доказательством. В определении от 13.05.2025 № 45-КГ24–40-К7 Верховный суд [2] разъяснил, что расходы на экспертизу, признанную недопустимым доказательством из-за нарушений при ее проведении, не могут взыскиваться с проигравшей стороны. Однако законодательно этот вопрос не урегулирован. Целесообразно внести в ГПК РФ норму, прямо устанавливающую, что расходы на оплату экспертизы, признанной судом недопустимым доказательством в связи с нарушениями, допущенными при ее проведении, не могут быть возложены на сторону, по ходатайству которой экспертиза назначалась, если сторона не знала и не могла знать о данных нарушениях до назначения экспертизы.

В 2026 году ожидается принятие закона о судебной экспертной деятельности, призванный обеспечить комплексное правовое регулирование данной сферы и повысить качество судебных экспертиз в стране. Ключевым нововведением является формирование единого правового пространства для государственных экспертов, частных экспертов и специалистов негосударственных организаций.

Также поправки к КАС, ГПК и АПК РФ расширили подход к экспертизе: оценивается не только качество заключения, и порядок его получения в суде. В частности,

с 9 января 2026 года в КАС РФ введена норма об обязательной предоплате экспертизы, назначаемой по инициативе стороны.

Таким образом, можно сделать вывод, что следует внести изменения в Гражданско-процессуальный кодекс, а именно исчерпывающий перечень оснований для допол-

нительной экспертизы; обязательность допроса эксперта при неясностях; правила оплаты при признании экспертизы недопустимой. Также принять закон о судебно-экспертной деятельности и разработать постановление Пленума ВС РФ о практике назначения и оценки экспертиз в гражданском процессе.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 09.04.2026) / Собрание законодательства РФ, 18.11.2002, N 46, ст. 4532.
2. Определение Верховного суда от 13.05.2025 № 45-КГ24-40-К7
3. Бугрова, Е. А. Заключение эксперта как доказательство в гражданском и арбитражном процессах и административном судопроизводстве / Е. А. Бугрова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2026. — № 17 (620). — С. 416–418.
4. Юдин И. В. Актуальные проблемы оценки достоверности выводов эксперта в гражданском судопроизводстве // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2023. No 4(61). С. 50–55. DOI: 10.61260/2074–1626–2023–4–50–55.

Объективная сторона массовых беспорядков: проблемы установления и доказывания

Михальчук Данил Геннадьевич, студент
Смоленский государственный университет

В статье исследуются объективные признаки состава преступления, предусмотренного статьёй 212 Уголовного кодекса Российской Федерации, — массовые беспорядки. Анализируются проблемы установления и доказывания таких элементов объективной стороны, как деяние в форме организации, участия и призывов, общественно опасные последствия, а также квалифицирующие признаки. Рассматривается актуальная судебная практика, выявляются типичные ошибки правоприменения. Особое внимание уделяется вопросам разграничения массовых беспорядков со смежными составами преступлений. По итогам исследования формулируются предложения по совершенствованию правоприменительной практики.

Ключевые слова: массовые беспорядки, объективная сторона, организация, участие, призывы, насилие, погром, доказывание, судебная практика, квалификация преступлений.

Проблема противодействия массовым беспорядкам приобретает в последние годы особую актуальность как в России, так и за рубежом. Массовые беспорядки посягают на один из фундаментальных объектов уголовно-правовой охраны — общественную безопасность — и несут значительные деструктивные последствия для государства и общества. Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) устанавливает ответственность за данное преступление в статье 212, претерпевшей ряд изменений в 2023–2025 годах, что свидетельствует о повышенном внимании законодателя к указанной проблематике.

Вместе с тем практика применения ст. 212 УК РФ вызывает серьёзные трудности как в установлении объективной стороны данного состава преступления, так и в доказывании его отдельных признаков. Это обусловлено рядом факторов: сложностью разграничения организации и участия в беспорядках, размытостью критериев

«массовости», неоднозначностью понятия насилия в контексте данного состава, трудностями фиксации и оценки цифровых доказательств при использовании информационно-телекоммуникационных сетей для организации беспорядков.

Цель настоящей статьи — комплексный анализ объективных признаков массовых беспорядков, выявление проблем их установления и доказывания в судебной практике, а также выработка предложений по совершенствованию правоприменительной деятельности.

Статья 212 УК РФ в действующей редакции предусматривает несколько самостоятельных форм преступного деяния: организацию массовых беспорядков (ч. 1), подготовку лица к организации или участию в них (ч. 1), склонение, вербовку или иное вовлечение лиц в совершение указанных действий (ч. 1.1), участие в массовых беспорядках (ч. 2), призывы к массовым беспорядкам, участию в них или к насилию над гражданами (ч. 3), а также прохо-

ждение обучения в целях организации или участия в массовых беспорядках (ч. 4)¹.

Массовые беспорядки представляют собой нарушение установленного порядка в публичных местах, совершаемое множеством лиц (толпой). Квалифицирующим признаком, включённым в диспозицию ч. 1, является наличие сопутствующих действий: насилия, погромов, поджогов, уничтожения имущества, применения оружия, взрывных устройств, взрывчатых, отравляющих либо иных веществ, представляющих опасность для окружающих, а также вооружённого сопротивления представителям власти. Как обоснованно отмечает А. М. Багмет, высокая степень общественной опасности массовых беспорядков определяется не только самим фактом противоправных действий, но и стихийным, трудно поддающимся внешнему контролю характером поведения толпы [1].

По конструкции состав массовых беспорядков является формальным: преступление признаётся оконченным с момента совершения действий, образующих признаки организации или участия, без необходимости наступления конкретных общественно опасных последствий. Данное обстоятельство само по себе порождает ряд доказательственных проблем, поскольку правоприменителю необходимо зафиксировать сам факт совершения деяния, а не его последствия.

Организация массовых беспорядков является наиболее общественно опасной формой данного преступления и влечёт наиболее строгое наказание — лишение свободы от восьми до пятнадцати лет. Под организацией следует понимать активные действия, направленные на инициирование (подготовку) массовых беспорядков, а также руководство действиями толпы в ходе их совершения². Это может включать подбор инициаторов действий, разработку плана, координацию участников, финансирование и материальное обеспечение беспорядков.

В судебной практике нередко возникает проблема разграничения организаторских действий от иных форм участия. Основным критерий, выработанный судами, — наличие координирующей функции лица, доминирующей роли в формировании и направлении действий толпы. Вместе с тем доказать организаторскую роль крайне сложно, особенно когда беспорядки носят спонтанный характер. В таких случаях следствие, как правило, ограничивается предъявлением обвинения по ч. 2 ст. 212 УК РФ.

Особую сложность представляет доказывание организации массовых беспорядков с использованием сети Интернет и мессенджеров. Как указывает В. Б. Боровиков, в современных условиях организаторские функции нередко реализуются посредством анонимных каналов в социальных сетях, что существенно осложняет установление субъекта организации [2]. При этом Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 г. № 45 в редакции от 26 ноября 2024 г. не содержит специальных разъяснений, адресованных именно данной проблеме, что создаёт правовую неопределённость для правоприменителей³.

Проблематичным является и вопрос о моменте окончания организации массовых беспорядков. Представляется, что данное деяние является оконченным как с момента фактического начала беспорядков по плану организатора, так и в том случае, когда организатор реализует лишь подготовительные мероприятия, не завершившиеся развязкой. Именно такую позицию занимают и ряд исследователей, в частности М. К. Кумышева, констатирующая неоднозначность судебной практики по данному вопросу [3].

Участие в массовых беспорядках (ч. 2 ст. 212 УК РФ) предполагает непосредственное совершение лицом хотя бы одного из действий, перечисленных в ч. 1 данной статьи: насилия, погромов, поджогов, уничтожения имущества, применения оружия, взрывных устройств и т. д. Принципиальным является то, что простое нахождение лица в толпе само по себе не образует состава преступления: требуется, чтобы лицо совершало конкретные противоправные действия.

На практике наиболее острой является проблема разграничения участника массовых беспорядков и очевидца, случайно оказавшегося в месте их проведения. Доказывание факта участия требует установления конкретных активных действий лица — применения насилия, погрома и т. д. В этой связи доказательственную базу составляют: видеозаписи с камер наблюдения, материалы оперативно-розыскных мероприятий, показания свидетелей, заключения судебно-медицинских и криминалистических экспертиз, данные мобильных операторов о геолокации.

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы. Объективная сторона массовых беспорядков представляет собой многоэлементную конструкцию, включающую различные формы деяния (организацию, участие, призывы, обучение), а также альтернативно предусмотренные признаки — насилие, погромы, поджоги, уничтожение имущества, применение оружия, вооружённое сопротивление власти. Установление и доказывание данных элементов в судебной практике сопряжено со значительными трудностями, обусловленными как законодательными пробелами, так и сложностью фактических обстоятельств.

В целях совершенствования правоприменительной деятельности представляется целесообразным: во-первых, законодательно закрепить или дать официальное разъяснение понятия «массовость» применительно к ст. 212 УК РФ; во-вторых, дополнить постановление Пленума Верховного Суда РФ разъяснениями, касающимися квалификации организации и участия в беспорядках, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей; в-третьих, выработать единые стандарты доказывания разграничения массовых беспорядков и группового хулиганства. Реализация данных предложений позволит обеспечить единообразное и законное применение норм уголовного законодательства об ответственности за массовые беспорядки.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. — 2020. — 4 июля.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025)
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. И. Рарога. — 12-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2024. — 816 с.
4. Багмет А. М. Объективная сторона массовых беспорядков (ст. 212 УК РФ) // Вестник Московского университета МВД России. — 2024. — № 2. — С. 48–54.
5. Боровиков В. Б., Боровикова В. В. Проблемы уголовно-правовой борьбы с массовыми беспорядками в условиях цифровизации // Российское правосудие. — 2024. — № 4. — С. 61–68.
6. Кумышева М. К. Массовость как признак объективной стороны массовых беспорядков: проблемы правоприменения // Уголовное право. — 2024. — № 3. — С. 35–42.
7. Кудашкин С. К. Разграничение массовых беспорядков и группового хулиганства: современные тенденции судебной практики // Вестник Московского университета МВД России. — 2025. — № 1. — С. 72–79.

Проблема нормативно-правового закрепления понятия «семейно-бытовое насилие»

Морозова Надежда Георгиевна, студент
Челябинский государственный университет

В статье анализируется проблема отсутствия законодательно закреплённого понятия «семейно-бытовое насилие» в Российской Федерации. Отсутствие единой легальной дефиниции порождает системные трудности в правоприменении (особенно в квалификации психологического и экономического насилия), делает невозможным сбор достоверной статистики и препятствует созданию эффективных профилактических мер, тогда как введение единого определения позволит преодолеть указанные барьеры. На основе анализа доктринальных подходов автором было выделено десять устойчивых признаков семейно-бытового насилия (системность, умышленность, цель контроля, цикличность, зависимость жертвы и др.) и предложено собственное определение. Обосновывается необходимость закрепления этой дефиниции в статье 2 Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации».

Ключевые слова: семейно-бытовое насилие, домашнее насилие, легальное определение, правовая дефиниция, психологическое насилие, экономическое насилие, системность, цикличность, профилактика правонарушений, Федеральный закон № 182-ФЗ.

Семейно-бытовое насилие представляет собой одну из наиболее распространенных и латентных форм правонарушений в современном обществе. Оно наносит непоправимый вред физическому и психическому здоровью жертв, деформирует личность пострадавших, как непосредственных участников конфликтов, так и несовершеннолетних свидетелей, подрывая тем самым базовые устойчивые институты семьи. Профилактика данного явления требует пристального внимания со стороны государства, однако эффективность любых мер противодействия напрямую зависит от достоверного понимания его реальных масштабов и структуры.

О серьезности ситуации свидетельствуют результаты социологических опросов. Согласно данным ВЦИОМ за сентябрь 2025 года, каждый десятый респондент указал, что в его семье конфликты иногда переходят в физическую форму, а около трети опрошенных сообщили об из-

вестных им подобных случаях в своем окружении [9]. Еще более тревожную картину рисует исследование Консорциума женских неправительственных организаций в рамках проекта «Алгоритм света» (2022–2023 гг.): за указанный период в России погибли не менее 2284 женщин, что составило 66 % от всех убитых женщин за два года. Эксперты проекта отмечают, что уровень партнерского насилия продолжает расти, достигая 93 % от приговоров, содержащих квалификацию домашнего насилия [6]. При этом, как было озвучено на пресс-конференции в ТАСС по результатам исследований Центра по изучению проблем домашнего насилия, в 2024–2025 годах наблюдается парадоксальная тенденция: общее число зарегистрированных преступлений, связанных с домашним насилием, снижается, тогда как в отношении несовершеннолетних фиксируется устойчивый рост насильственных проявлений [13].

Однако все приведенные данные, несмотря на их внешнюю убедительность и неопровержимость самого факта кризисной ситуации, нельзя считать в полной мере корректными и сопоставимыми. Главная причина заключается в отсутствии единого законодательно закрепленного понятия «семейно-бытовое насилие». Это порождает методологический разнобой в исследованиях: одни авторы и ведомства относят к данной категории исключительно акты физического насилия (побои, истязания, причинение вреда здоровью), другие — включают в нее также сексуальное и экономическое давление, третьи — игнорируют систематическое психологическое насилие (угрозы, изоляцию, манипуляцию, контроль), которое зачастую остается за рамками статистики. Как следствие, одни исследования фиксируют преимущественно криминально-наказуемые эпизоды, другие — более широкий спектр инцидентов, что делает некорректным как сравнение их результатов, так и, что более критично, определение реального объема государственного вмешательства, необходимого для решения проблемы.

Таким образом, несмотря на очевидную социальную значимость и масштабность проблемы семейно-бытового насилия, отсутствие его универсального легального определения не позволяет сформировать ни полную статистическую картину, ни эффективную систему профилактики и правоприменения. В связи с этим первоочередной задачей доктрины и законодателя становится выработка единого нормативно закрепленного понятия «семейно-бытовое насилие», которое охватывало бы все его существующие формы (физическую, психологическую, сексуальную, экономическую) и позволяло унифицировать как учет таких деяний, так и практику противодействия им. Данная статья посвящена анализу существующих подходов к определению этого понятия и обоснованию необходимости его легальной фиксации.

Многогранность феномена насилия, проявляющаяся в разнообразии его форм, способов осуществления, мотивационных установок и целевых ориентиров, объективно затрудняет выработку универсального и исчерпывающего определения. В свою очередь, отсутствие легальной дефиниции «семейно-бытовое насилие» порождает комплекс взаимосвязанных проблем, которые напрямую препятствуют эффективному противодействию этому явлению.

Во-первых, возникают непреодолимые сложности квалификации действий. Поскольку ни Уголовный кодекс РФ, ни Кодекс об административных правонарушениях, ни Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» не содержат легального определения семейно-бытового насилия, правоприменитель вынужден опираться на разрозненные составы (побои, истязание, угроза убийством и др.), которые часто не охватывают специфики семейно-бытового контекста. Особенно остро эта проблема проявляется в отношении психологического и экономического насилия: они трудно доказуемы, а в отсутствие легального критерия, позволяющего отличить, например, излишнюю строгость

в воспитании от психологического насилия, большинство таких случаев остаются без правовой оценки и наказания.

Во-вторых, отсутствие единого понятия делает невозможным сбор достоверной и сопоставимой статистики. Как уже отмечалось выше, различные ведомства и исследовательские группы включают в объем понятия «семейно-бытового насилия» разные явления: одни — только физическое воздействие, другие — также угрозы и оскорбления. Из-за этого статистические данные несопоставимы между собой, а масштабы психологического и экономического насилия систематически выпадают из статистического учёта. Это, в свою очередь, лишает государство возможности адекватно оценить реальную ситуацию, планировать бюджетные ассигнования на кризисные центры, программы ресоциализации жертв и подготовку сотрудников правоохранительных органов.

В-третьих, отсутствие легальной дефиниции препятствует созданию системы специализированных профилактических мер. Без чёткого понимания того, что именно следует считать семейно-бытовым насилием, невозможно разработать механизмы раннего выявления таких случаев, а также критерии эффективности работы субъектов профилактики.

Для выработки обоснованного легального определения необходимо обратиться к наработкам отечественной правовой доктрины, в рамках которой сформировались дискуссионные подходы к трактовке данного понятия. Рассмотрим существующие доктринальные определения.

Так, существует узкая интерпретация, ограничивающая понятие насилия исключительно совершением противоправных физических действий в отношении личности. Этой точки зрения придерживаются В. И. Симонов и В. Г. Шумихин, которые рассматривают насилие как «осознанное применение физической силы для нарушения телесной неприкосновенности другого лица помимо или вопреки его воле» [11, с. 17].

В противовес этому, широкая трактовка включает в его содержание не только физическое, но и психологическое воздействие, выражающееся в угрозах применения силы, финансовых ограничениях и иных способах ограничения прав и свобод индивида. Так, согласно определению, данному Л. В. Сердюком насилие следует понимать как «умышленное и противозаконное воздействие на человека (или группу лиц) со стороны других лиц, осуществляемое помимо или против его (их) воли и способное причинить ему(им) органическую, физиологическую или психическую травму и ограничить свободу волеизъявления или действий» [10, с. 13].

Еще одна широкая трактовка звучит как «намеренные контролирующие или насильственные действия человека по отношению к жертве, как правило, к женщине (с которой агрессор состоит или ранее состоял в интимных отношениях), престарелому лицу, а также детям (с которыми агрессор проживает совместно, или ранее проживал)» [2].

С психологической точки зрения Е. П. Агапов домашнее насилие понимает как «умышленное нанесение

физического и/или психологического ущерба и страдания членам семьи, включая угрозы совершения таких актов, принуждения, лишение личной свободы. То есть насилие — это действие, посредством которого добиваются неограниченной власти над человеком, полного контроля над поведением, мыслями, чувствами другого человека» [1].

В теории уголовного права также не сложилось единого толкования данного термина. По мнению А. С. Пашенко домашнее насилие — это «противоправное, с применением физической или психической силы по отношению к членам семьи деяние, применяемое против их воли с целью причинения боли, обиды, физического стеснения (ограничения) как угрозы или наказания для того, чтобы вынудить людей совершить нежелательные для них действия» [7]. В. И. Шахов употребляет термин «насилие в семье» и предлагает рассматривать его как «противоправное, общественно опасное физическое, психическое или сексуальное воздействие на человека, обладающее устойчивой тенденцией к эскалации и большой вероятностью повторения, одного члена семьи на другого, совершенное против или помимо воли потерпевшего, независимо от фактических последствий такого воздействия» [12].

По мнению Н. Ю. Волосовой, под семейно-бытовым насилием следует понимать «противоправное, общественно опасное, оскорбляющее человеческое достоинство поведение виновного лица, которое ставит жертву такого насилия в униженное материальное, сексуальное, физическое, эмоциональное и иное положение; а также применяемое в отношении потерпевшего физическое воздействие и иным образом оказывающее влияние на него» [3].

И. Д. Бадамшин и Ф. Ф. Набиев предлагают следующее определение семейно-бытового насилия — это «системное эмоционально-психологическое, физическое, сексуальное воздействие или принуждение, а также экономическое ущемление или ограничение, осуществляемое одними членами семьи над другими, для достижения своих целей» [2]. Авторы подчеркивают, что системность является структурным признаком семейно-бытового насилия, что и служит основанием для его разграничения с эпизодическим семейным конфликтом.

Рассмотренные подходы подчеркивают сложную природу семейно-бытового насилия, однако их практическое использование ограничено крайностями: либо чрезмерной широтой трактовок, либо их излишним формализмом. Проблема отсутствия консенсуса в определении ключевых признаков данного феномена порождает значительные расхождения в правоприменительной практике. Следовательно, актуальной задачей остается выделение четких критериев семейно-бытового насилия, которые могли бы лечь в основу законодательной дефиниции.

Анализ доктринальных источников позволяет выявить ряд признаков, которые авторы наиболее часто относят к существенным характеристикам семейно-бытового насилия.

Так, в приведенном выше определении И. Д. Бадамшина и Ф. Ф. Набиева акцентируется внимание на признаке системности, который, по мнению авторов, выступает критерием для отграничения насилия от эпизодического семейного конфликта.

По мнению Попова И. А., одним из основных признаков семейно-бытового насилия является его цикличность, означающая, что «за вспышкой агрессии обычно следует период «раскаяния», когда обидчик извиняется, дарит подарки и обещает измениться, после чего напряжение вновь нарастает, и цикл повторяется» [8].

Демиденко Н. Ю. выделяет ряд признаков семейно-бытового насилия, среди которых: «Умышленность либо осознанность собственных действий насильником; Желание контроля, как фундаментальная основа домашнего насилия; беззащитность или зависимость (эмоциональная, экономическая, территориальная, юридическая и т. д.) жертвы от насильника; алкоголизация или зависимость от психоактивных веществ кого-то из членов семьи; наращивание силы по мере периодичности применения насилия, и подключение новых способов; тяжелые физические и эмоциональные последствия для жертвы» [4].

Макиша Н. к признакам домашнего насилия относит следующие: «1) участники группы связаны личностными отношениями; 2) группы возникают и существуют в сфере домашнего быта; 3) группы невелики по численности и просты по структуре; 4) они относительно длительно существуют; 5) их образование и функционирование обусловлено как объективными (необходимость совместного проживания), так и субъективными факторами (взаимная заинтересованность друг в друге, духовное единство и т. п.); 6) наличие бытового мотива; 7) высокая латентность бытовых преступлений; 8) они совершаются в ситуации ярко выраженного конфликта» [5].

Таким образом, обобщение позиций различных авторов и данных эмпирических исследований позволяет определить ряд устойчивых признаков семейно-бытового насилия, к которым относятся:

1. Системность (повторяемость и эскалация) — насилие носит не случайный, а регулярный характер, имеет тенденцию к повторению и усилению форм воздействия со временем.
2. Умышленность (осознанность действий) — действия насильника являются целенаправленными и осознанными, а не спонтанной реакцией на ситуацию.
3. Цель — установление власти и контроля — основным мотивом выступает стремление агрессора доминировать над жертвой, подчинять её волю, контролировать поведение, мысли и чувства.
4. Специфика субъектного состава — стороны связаны семейно-бытовыми или интимно-личными отношениями (нынешними или прошлыми), что создаёт особый контекст зависимости и доверия.
5. Многообразие форм воздействия — насилие может проявляться не только в физической, но и в психологи-

ческой (эмоциональной), сексуальной и экономической формах.

6. Цикличность динамики — за вспышкой агрессии часто следует период «затишья» или ложного раскаяния агрессора, после чего напряжённость нарастает, и цикл повторяется.

7. Создание отношений зависимости — насильник стремится сделать жертву беззащитной, используя эмоциональную, финансовую, жилищную или иную зависимость.

8. Причинение вреда или угроза его причинения — результатом является реальный ущерб физическому или психическому здоровью потерпевшего либо создание реальной угрозы такого ущерба.

9. Высокая латентность — большая часть случаев скрыта от официального учёта из-за страха жертв, чувства стыда, семейной солидарности или неверия в помощь органов.

10. Общественная опасность и деструктивность — явление наносит урон не только конкретной жертве, но и подрывает основы семьи, негативно влияет на воспитание детей и стабильность общества в целом.

На основе выделенных признаков, обобщая рассмотренные доктринальные подходы, представляется возможным сформулировать определение, которое учитывало бы как юридические, так и криминологические характеристики семейно-бытового насилия. Предлагается следующая формулировка понятия, которая бы отражала его структурные признаки.

Семейно-бытовое насилие — это умышленное системное противоправное деяние (действие или бездействие), совершаемое в отношении лица, состоящего или состоявшего в семейных, близких или интимно-личных отношениях, направленное на установление власти и контроля над потерпевшим и причиняющее (либо создающее

реальную угрозу причинения) физический, психологический, сексуальный или экономический вред.

Для придания данному понятию нормативной обязательности и обеспечения единообразного применения предлагается закрепить его на уровне федерального законодательства. Наиболее подходящим нормативным актом для этого является Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», поскольку он определяет ключевые направления профилактической деятельности и круг субъектов, на которых распространяется её действие. Внесение рассматриваемой дефиниции в статью 2 указанного закона, содержащую основные понятия, позволит унифицировать подходы всех органов и учреждений, участвующих в предупреждении семейно-бытового насилия.

Таким образом, проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы. Отсутствие легального определения семейно-бытового насилия порождает системные проблемы в правоприменительной, статистической и профилактической сферах. Многочисленные доктринальные подходы при их обобщении позволяют выделить устойчивые признаки анализируемого явления: системность, умышленность, цель установления контроля, специфику субъектного состава и многообразие форм воздействия. Разработанное на этой основе авторское определение отвечает требованию определённости и полноты, а его законодательное закрепление в Федеральном законе № 182-ФЗ создаст необходимую правовую базу для единообразной квалификации деяний, достоверного статистического учёта и внедрения специализированных профилактических мер. Решение указанной понятийной проблемы является необходимым условием для повышения эффективности противодействия семейно-бытовому насилию в Российской Федерации.

Литература:

1. Агапов, Е. П. Семейведение: учебное пособие / Е. П. Агапов. — Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2012. — 400 с. — Текст: непосредственный.
2. Бадамшин, И. Д. Семейно-бытовое насилие: понятие, виды, причины / И. Д. Бадамшин, Ф. Ф. Набиев. — Текст: электронный // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. — 2020. — № 2 (2). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semeyno-bytovoe-nasilie-ponyatie-vidy-prichiny> (дата обращения: 13.04.2026).
3. Волосова, Н. Ю. Семейное (домашнее) насилие как проблема междисциплинарного характера / Н. Ю. Волосова. — Текст: электронный // Вопросы российского и международного права. — 2017. — Т. 7, № 3А. — С. 310–319. — URL: <http://publishing-vak.ru/file/archive-law-2017-3/27-volosova.pdf> (дата обращения: 02.04.2026).
4. Демиденко, Н. Ю. Понятие и признаки семейного насилия и внутрисемейного насильственного преступления / Н. Ю. Демиденко. — Текст: электронный // Вестник науки. — 2024. — № 12 (81). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-priznaki-semeynogo-nasiliya-i-vnutrisemeynogo-nasilstvennogo-prestupleniya> (дата обращения: 14.04.2026).
5. Макиша, Н. Понятие и отличительные признаки бытового насилия / Н. Макиша. — Текст: электронный // Аллея науки. — 2019. — Т. 2, № 5 (32). — С. 828–832. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38625945> (дата обращения: 02.04.2026).
6. Масштабы домашнего насилия в России за 2022–2023 годы // Алгоритм света. — URL: <https://algorithmsveta.com> (дата обращения: 09.04.2026). — Текст: электронный.
7. Пашенко, А. С. Понятие домашнего насилия / А. С. Пашенко. — Текст: электронный // Теория и практика общественного развития. — 2005. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-domashnego-nasiliya> (дата обращения: 14.04.2026).

8. Попов, И. А. Семейно-бытовое насилие как социальная и правовая проблема / И. А. Попов. — Текст: электронный // Диалог. — 2025. — № 8 (38). — С. 41–43. — URL: <https://www.npzhdialog.ru/gallery/414382025.pdf> (дата обращения: 02.04.2026).
9. Семейные тайны: мониторинг // Аналитический центр ВЦИОМ. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/seimeinye-tainy-monitoring> (дата обращения: 19.04.2026). — Текст: электронный.
10. Сердюк Л. В., Сердюк П. Л. Семейно-бытовое насилие (криминологический аспект): учебное пособие / Л. В. Сердюк, П. Л. Сердюк; — Уфа: Ред.-издательский отд. Уфимского юридического ин-та МВД России — 2020. — 79 с. — URL: <https://ffa.object.psccloud.io/ycosuyki/eoamgqcg/eeqgqogo/7c23aa2365de979112392664d731136453f2ea1d.pdf> (дата обращения: 04.04.2026). — Текст: электронный.
11. Симонов В. И., Шумихин В. Г. Преступное насилие: понятие, характеристика и квалификация насильственных посягательств на собственность: учебное пособие по спецкурсу / В. И. Симонов, В. Г. Шумихин; Перм. гос. ун-т им. А. М. Горького. — Пермь: ПГУ, 1992. — 119 с. — Текст: электронный.
12. Шахов, В. И. Насилие в семье: уголовно-правовое и криминологическое значение: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Шахов Василий Иванович. — Казань, 2003. — 22 с. — Текст: непосредственный.
13. Эксперт СПбГУ представил новые данные о домашнем насилии // Санкт-Петербургский государственный университет. — URL: <https://spbu.ru/news-events/novosti/ekspert-spbgu-predstavil-novye-dannye-o-domashnem-nasilii> (дата обращения: 09.04.2026). — Текст: электронный.

Освобождение несовершеннолетних от административной ответственности: дискуссионные аспекты

Мурашко Елизавета Андреевна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье проведено исследование, посвященное освобождению несовершеннолетних от административной ответственности. Автором освещены проблемные аспекты в данной области. Актуальность проблемы исследования обусловлена несовершенством правового регулирования категории «малозначительность». Цель данного исследования — проанализировать основания и дискуссионные аспекты освобождения несовершеннолетних от административной ответственности, выявить пробелы в законодательстве и предложить пути их устранения.

Ключевые слова: административная ответственность, несовершеннолетние, освобождение от административной ответственности, дискуссионные аспекты.

Правовое регулирование административной ответственности несовершеннолетних «окутано» проблемами и коллизиями. Так, в действующей редакции Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (КоАП РФ) отсутствует специальный раздел, регламентирующий особенности привлечения несовершеннолетних к административной ответственности [1]; законодатель обходит вниманием вопрос закрепления в правовом поле понятия «административная ответственность»; не выработаны критерии оценки деликтоспособности несовершеннолетних как субъектов административной ответственности. Это порождает неоднозначность правоприменения, затрудняет единообразие в толковании норм и снижает эффективность правосстановительных механизмов.

Кроме того, следует обратить внимание на то, что вопросы применения норм об административной ответственности несовершеннолетних сопряжены с рядом дискуссионных аспектов и практических проблем.

Прежде всего, категория «малозначительность» является оценочной, что приводит к субъективизму при принятии решений, отсутствию единообразной судебной практики.

Несмотря на разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, изложенные в Постановлении от 24.03.2005 № 5, в котором указано, что малозначительным признаётся деяние, не представляющее существенного нарушения охраняемых общественных правоотношений, проблема неоднозначного толкования судами нормы ст. 2.9 КоАП РФ, не утраивает актуальности [2].

Кроме того, данная проблема усугубляется и тем, что действия несовершеннолетних зачастую носят импульсивный характер, что затрудняет оценку степени общественной опасности и приводит к неоднозначному применению категории «малозначительность».

Часть 2 ст. 2.3 КоАП РФ устанавливает требование о закреплении в законодательстве о защите прав несовершеннолетних мер принудительно-воспитательного характера

как альтернативы наказаниям, предусмотренных законодательством об административных правонарушениях.

Однако обращение к материалам правоприменительной практики позволяет сделать вывод, что суды неоднозначно подходят к применению нормы указанной статьи.

Так, в постановлении Мирового судьи судебного участка № 118 в Пировском районе от 09.02.2025 по делу № 05–0015/118/2025 суд, рассматривая дело об административном правонарушении, принял во внимание личные характеристики несовершеннолетнего и условия его воспитания, что послужило основанием для применения более мягкого административного наказания [4].

В постановлении Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2018 № 11-АД18–2 по делу, связанному с управлением транспортным средством в состоянии опьянения, суд занял более «строгую» позицию, указав на невозможность освобождения несовершеннолетнего от административной ответственности ввиду повышенной общественной опасности деяния. Материалы указанного дела свидетельствуют о том, что при рассмотрении дел определенной категории приоритет отдается задачам охраны публичных интересов, а не воспитательному воздействию [3].

Анализ правоприменительной практики позволяет сделать вывод об отсутствии единообразия в применении норм об освобождении несовершеннолетних от административной ответственности. Сходные по фактическим обстоятельствам дела разрешаются судами по-разному. Так, в одних случаях судами применяется освобождение с передачей материалов в комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДН и ЗП), в других — назначается административное наказание. Неоднозначные подходы судов указывают на размытость критериев, закрепленных в законодательстве.

Таким образом, анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что институт освобождения несовершеннолетних от административной ответственности окутан рядом проблемных аспектов. В частности, формальный подход правоприменителя препятствуют достижению целей воспитательного воздействия на несовершеннолетних. В данной связи автор статьи считает

целесообразным совершенствование законодательства путем конкретизации оснований освобождения, разграничения мер воздействия и усиления процессуальных гарантий прав несовершеннолетних при производстве по делам об административных правонарушениях.

В контексте решения представленных в настоящей статье проблем автор считает целесообразным следующее. Прежде всего, следует закрепить в КоАП РФ критерии малозначительности, в том числе, предусмотреть особенности их применения к несовершеннолетним, например, учёт психолого-возрастных особенностей.

Кроме того, автор считает целесообразным усиление межведомственного взаимодействия между органами профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, а также введение обязательного психолого-педагогического сопровождения для несовершеннолетних, освобождённых от административной ответственности. Кроме того, следует рассмотреть возможность расширения перечня воспитательных мер, предусмотренных ст. 2.3 КоАП РФ, например, включение обязательных социально-психологических тренингов и общественно полезного труда.

Таким образом, вопросы применения норм об административной ответственности несовершеннолетних сопряжены с рядом дискуссионных аспектов и практических проблем. Прежде всего, категория «малозначительность» является оценочной, что приводит к субъективизму при принятии решений, отсутствию единообразной практики.

Результаты анализ правоприменительной практики, представленные в рамках данной статьи, свидетельствуют о том, что институт освобождения несовершеннолетних от административной ответственности окутан рядом проблемных аспектов. В частности, формальный подход правоприменителя препятствуют достижению целей воспитательного воздействия несовершеннолетних.

В данной связи автор статьи считает целесообразным совершенствование путем конкретизации оснований освобождения, разграничения мер воздействия и усиления процессуальных гарантий прав несовершеннолетних при производстве по делам об административных правонарушениях.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 1. — Ст. 1.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: https://legalacts.ru/doc/PP-VS-5_-O-nekotoryh-voprosah_voznikajuwh-u-sudov-pri-primenenii-Kodeksa-Rossijskoj-Federacii-ob-administrativnyh-pravonarushenijah/ (дата обращения: 31.03.2026).
3. Постановление Верховного Суда РФ от 09.02.2018 № 11-АД18–2 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-09022018-n-11-ad18-2/> (дата обращения: 31.03.2026).
4. Постановление Мирового судьи Судебного участка № 118 в Пировском районе от 09.02.2025 по делу № 05–0015/118/2025 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru/magistrate/doc/i95L1PObUcVE/> (дата обращения: 31.03.2026).

Криминологическая характеристика преступности несовершеннолетних

Овдиенко Анна Дмитриевна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

Настоящая работа посвящена анализу криминальной активности среди молодежи — проблеме, представляющей неизменный интерес для криминологической науки. Эта область исследования отличается особой важностью, поскольку затрагивает будущее молодого поколения. От успешности принимаемых в настоящее время мер по решению данной проблемы напрямую зависит положение дел и наблюдаемые тенденции в сфере преступности в перспективе, а также общий моральный климат в социуме.

Ключевые слова: юношеская преступность, социум, приобщение к противоправной деятельности.

Criminological characterization of juvenile delinquency

This paper analyzes criminal activity among young people—an issue of ongoing interest to criminological science. This area of research is particularly important because it affects the future of the younger generation. The success of current measures to address this problem directly impacts the future state and trends of crime, as well as the overall moral climate in society.

Keywords: juvenile delinquency, society, initiation into criminal activity.

Несовершеннолетние лица представляют собой особую социальную группу, в числе специфичных черт которой специалистами выделяются обострённое восприятие негативных последствий, связанных с социально-экономическими, политическими, культурным, духовными и иными потрясениями, происходящими в обществе [1]. Одним из следствий обозначенной особенности является отчуждение от общепринятых правил, возникновение риска алкоголизации и наркотизации, как способа уйти от жизненных проблем, отсутствие жизненных перспектив и возможности реализоваться в профессиональном и социальном планах.

В этой связи следует отметить важность осуществления целенаправленной и последовательной деятельности по снижению уровня вовлечённости несовершеннолетних в преступную деятельность, а также профилактика преступности среди несовершеннолетних. Одной из тенденций, которая отмечается в исследованиях, является то, что преступность «молодеет», что, в свою очередь, порождает угрозы для благополучного и стабильного развития общества.

Отметим, что в современных условиях сохраняется ряд проблем, касающихся криминологической характеристики преступности несовершеннолетних. В. Н. Ваганова и Н. Ю. Батуева, к примеру, характеризуют структуру преступности несовершеннолетних следующим образом: порядка 80 % подростковой преступности составляют преступления против собственности (грабежи, разбои, вымогательства), порядка 7 % приходится на преступления против общественной безопасности и общественного порядка, до 6 % — на преступления против здоровья населения и общественной нравственности, и около 3 % — преступления против личности.

Другой группой исследователей приводятся иные сведения: 56,8 % приходится на хищения и кражи, 11,9 % —

преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, 9,2 % — автоугоны, 3,5 % — изнасилования и насильственные действия сексуального характера и 1,6 % — убийства [5].

В более общих чертах характеристику преступности несовершеннолетних даёт А. А. Кириленко, которая отмечает, что большая часть преступлений, совершаемых несовершеннолетними, представлена корыстными и корыстно-насильственными посягательствами. При этом преступления несовершеннолетние лица зачастую совершают в соучастии, а чаще всего в группе. Автором выдвигается гипотеза о том, что обозначенная особенность связана с нюансами развития психики выделенной малой социальной группы: стремление к общению и неустойчивость ценностных ориентаций.

При этом также отмечается, что последнее обстоятельство выступает в качестве основной предпосылки реализации ряда детерминант, обуславливающих преступность несовершеннолетних. В работе А. Е. Липатова при характеристике краж, совершаемых несовершеннолетними, отмечает, что зачастую предметом преступного посягательства выступают одежда, денежные средства, товары широкого потребления и продукты питания [4].

Современными исследователями, при характеристике преступности несовершеннолетних, также отмечается, что в последние годы они стали чаще вовлекаться в экстремистские группировки и националистические движения. Так, в работе Т. Г. Сироткиной отмечается, что «Статистические данные свидетельствуют о том, что экстремистские преступления среди несовершеннолетних характеризуются ростом, а также становятся более массовыми и общественно опасными. Вербовка в экстремистские организации подростков и молодежи за счет использования информационных технологий приобрела

большие масштабы и имеет опасные последствия для будущего нашей страны. Основной тенденцией в развитии экстремизма среди подростков и молодежи является растущее влияние религиозного и этнонационального факторов» [7].

Таким образом, очевидно, что правонарушения, совершаемые несовершеннолетними, имеют сложную природу и охватывают широкий спектр противоправных деяний. Важно понимать, что для каждой категории таких преступлений существуют свои уникальные факторы, способствующие их возникновению. Например, при рассмотрении преступлений против собственности, ключевыми причинами вовлечения молодых людей в криминальную деятельность зачастую выступают экономические трудности и негативное воздействие взрослых преступников. Что же касается преступлений экстремистской направленности, то их корни лежат в мощном информационном воздействии радикальных группировок и запрещенных организаций, распространяемом через современные цифровые системы и технологии.

Нельзя обойти вниманием и ряд тревожных изменений в сфере подростковой преступности:

Ускоренный рост числа правонарушений среди несовершеннолетних, опережающий темпы роста общей численности населения и общего уровня преступности.

Увеличение доли преступлений, совершаемых несовершеннолетними, в общем объеме криминальных деяний.

Повышение уровня технической оснащенности и цифровой осведомленности юных правонарушителей.

Распространение преступлений, связанных с наркотиками, а также вовлечение подростков в организованные криминальные структуры, экстремистскую деятельность, и деяния, продиктованные ненавистью или враждой по национальному, расовому или иному признаку.

В рамках криминологического анализа, подростковая преступность традиционно разделяется на следующие возрастные категории:

Малолетние (до 14 лет);

Подростки (14–15 лет);

Юноши и девушки (16–17 лет).

Молодежь представляет собой группу, в которой чаще всего фиксируются правонарушения. Это во многом объясняется тем, что к возрасту 16 лет они уже успевают приобрести определенный криминальный опыт, сформировать устойчивые антисоциальные установки и наладить связи в криминальной среде. Исследования показывают, что подростки, не имеющие работы и не обучающиеся, как правило, причастны к совершению тяжких умышленных преступлений.

При рассмотрении личностных особенностей юных правонарушителей, специалисты выделяют несколько основных категорий, основываясь на степени искажения личности [6]:

К первой группе относятся те, кто совершил преступление из-за случайного стечения обстоятельств или по

легкомыслию. Личность таких подростков в целом оценивается положительно.

Вторая категория — это несовершеннолетние, совершающие преступления, спланировав их и воспользовавшись подходящей ситуацией. У таких лиц отсутствуют четкие жизненные ориентиры.

Третья группа — это подростки, чьи преступления обусловлены выраженной негативной направленностью развития, но без сформированных устойчивых антисоциальных установок.

Наконец, четвертая категория — это те, кто совершил преступление под влиянием глубоко укоренившейся антисоциальной направленности личности.

Преступность среди несовершеннолетних во многом вызвана комплексом негативных внешних воздействий и личным отношением самих подростков. Как правило, вовлеченные в криминальную деятельность молодые люди отличаются низким уровнем развития моральных и социальных норм. Это часто является следствием отрицательного влияния старших родственников, друзей и других взрослых из окружения несовершеннолетнего. В структуре личности таких подростков часто преобладают такие черты, как конформизм, безответственность, слабоволие, агрессивность и внушаемость [2].

Среди причин, способствующих росту преступности среди молодежи, можно выделить ряд ключевых факторов. К ним относятся: неблагоприятная семейная обстановка, недостаточная работа по воспитанию в школах, отсутствие действенных методов взаимодействия с проблемными подростками. Также существенное влияние оказывают безработица, ухудшение материального положения семей, усиление социального неравенства. Недостаточная эффективность социальной политики, упадок социально значимых структур и слабое развитие инфраструктуры, предназначенной для формирования личности подростков, их духовного, культурного, физического и интеллектуального роста, также играют важную роль.

В связи с этим, молодежная преступность представляет собой особую отрицательную социально-правовую проблему. Исследование показало, что вовлечение несовершеннолетних в криминальную деятельность обусловлено как внутренними, так и внешними факторами. Трудность заключается в том, что подростки часто не могут самостоятельно удовлетворить свои основные потребности и вынуждены полагаться на помощь родителей. Кроме того, незрелость психики и интеллекта несовершеннолетних делает их уязвимыми для воздействия взрослых, которые могут вовлекать их в совершение преступлений разной степени тяжести. Факторы, способствующие распространению преступности среди молодежи, требуют комплексных мер профилактики. Следует учитывать, что в современном, все более цифровизированном обществе, информационные технологии могут использоваться не только для вовлечения подростков в преступную деятельность, но и для осуществления их преступных замыслов.

Литература:

1. Замышляев Д. В. Социально-психологические предпосылки правонарушений несовершеннолетних // Российский следователь. 2023. № 2. С. 20
2. Кириленко А. А. Криминологическая характеристика преступности несовершеннолетних // АВБсП. 2023. № 1. С.39–41
3. Липатов А. Е. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика краж, совершаемых несовершеннолетними: диссертация... кандидата юридических наук: 12.00.08. — Москва, 2004. — 251 с.
4. Макарова Д. А., Дрыгина Т. А., Гареева Э. Р. Криминологическая характеристика преступности несовершеннолетних // E-Scio. 2022. № 11 (74). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskaya-harakteristika-prestupnosti-nesovershennoletnih-2> (дата обращения: 10.05.2026)
5. Силанов К. С. Особенности преступных групп несовершеннолетних, их классификация и типизация // Российский криминологический взгляд. 2025. № 2. С.77–81
6. Сироткина Т. Г. Криминологическая характеристика и предупреждение экстремистской преступности несовершеннолетних: диссертация... кандидата юридических наук. — Москва, 2024. — 172 с.

Проблемы правового регулирования и повышения безопасности использования средств индивидуальной мобильности

Павленко Яна Александровна, студент
Челябинский государственный университет

В статье рассматривается правовое регулирование и проблемы безопасности при использовании средств индивидуальной мобильности. Исследован прикладной региональный опыт обеспечения безопасности при использовании средств индивидуальной мобильности и материалы судебной практики. Выявлены характерные прикладные проблемы, снижающие дорожную безопасность. Предложены способы по совершенствованию правового регулирования и повышения безопасности при использовании средств индивидуальной мобильности.

Ключевые слова: средства индивидуальной мобильности (СИМ), безопасность дорожного движения, административная ответственность, электросамокаты, правовое регулирование, обязательное обучение, кикшеринг.

Тротуары и пешеходные зоны, традиционно предназначенные для безопасного передвижения пешеходов, сегодня стали пространством сосуществования, а зачастую и конфликта людей и высокоскоростных электрических устройств. Средства индивидуальной мобильности (СИМ) — электросамокаты, гироскутеры, моноколёса и иные подобные устройства — за последние пять лет превратились в массовое средство передвижения, особенно в крупных городах. Осознавая масштаб возникающих общественных отношений, государство с 1 марта 2023 года закрепило в Правилах дорожного движения РФ термин «средство индивидуальной мобильности», установило основные правила использования (скорость не более 25 км/ч, движение по тротуарам, велодорожкам или правому краю проезжей части), а также ввело возрастные ограничения [5]. Однако практика последних двух с половиной лет демонстрирует противоположную тенденцию. Официальная статистика Госавтоинспекции МВД России фиксирует лавинообразный рост аварийности с участием СИМ. Если в 2019 году было зарегистрировано 142 ДТП, то в 2023 году их число возросло до 3 100, а в 2024 году — до 4 420 происшествий [9]. Таким образом, за пять лет ко-

личество ДТП с участием СИМ увеличилось более чем в тридцать раз. Значительная часть таких происшествий сопровождается причинением вреда здоровью, включая тяжкий вред, а также гибелью людей. Особую тревогу вызывают случаи, когда виновниками ДТП становятся несовершеннолетние пользователи СИМ, которые в силу возраста либо не подлежат административной ответственности, либо не осознают возможные последствия своих действий.

Действующее федеральное законодательство устанавливает за нарушение ПДД пользователем СИМ штраф в размере 800 рублей, а за нарушение в состоянии опьянения — от 1 000 до 1 500 рублей (ст. 12.29 КоАП РФ) [2]. Как обоснованно отмечает заслуженный юрист России И. Соловьёв, указанные размеры штрафов не соответствуют степени общественной опасности деяний, поскольку электросамокат массой до 25 кг, разгоняющийся до 25 км/ч, способен причинить тяжёлые травмы [8]. Для сравнения: управление транспортным средством в состоянии опьянения водителем автомобиля влечёт штраф в размере 45 000 рублей и лишение права управления на срок от полутора до двух лет (статья 12.8 КоАП РФ). Раз-

ница в размерах штрафов составляет от тридцати до пятидесяти раз, что не имеет объективного обоснования и не соответствует принципу справедливости юридической ответственности. Сервисы аренды, констатируя неэффективность государственного регулирования, самостоятельно устанавливают штрафы и списывают средства с карт пользователей, что фактически передаёт государственные контрольные функции коммерческим организациям. Восьмисотрублёвый штраф для большинства граждан является не более чем незначительной финансовой потерей, которая не создаёт сдерживающего эффекта, а для пользователей услуг кикшеринга сумма штрафа сопоставима со стоимостью одной-двух поездок.

Анализ судебной практики последних лет подтверждает, что проблема использования СИМ перешла в уголовно-правовую и гражданско-правовую плоскость, причём наиболее острым является вопрос ответственности несовершеннолетних нарушителей. Показательным является дело, рассмотренное Калининградским областным судом в августе 2024 года. Четырнадцатилетняя девушка, двигаясь на электросамокате по тротуару, совершила наезд на 75-летнюю пенсионерку, причинив тяжкий вред здоровью. Уголовное дело было прекращено в связи с недостижением возраста ответственности, но прокурор обратился в суд с иском о взыскании с законных представителей компенсации морального вреда в размере 600 000 рублей [6]. Суд удовлетворил иск, однако вопрос остаётся открытым: является ли такая компенсация достаточной мерой воздействия на самого несовершеннолетнего нарушителя? Другой показательный пример — суды Санкт-Петербурга, где в 2025 году приняты к производству иски к кикшеринговым компаниям на суммы до двух миллионов рублей. Примечательно, что иски предъявлены не к непосредственным причинителям вреда (несовершеннолетним или курьерам), а к компаниям как к владельцам источника повышенной опасности [10]. Судебная практика по таким делам только формируется, и её исход будет иметь прецедентное значение. Следует также упомянуть решение Люблинского районного суда города Москвы, вынесенное в августе 2025 года, которым водитель электросамоката был лишён права управления транспортными средствами на срок 1,5 года. Мощность самоката составляла 540 Вт, что превышает установленный ПДД порог в 250 Вт для отнесения устройства к мопедам. Суд квалифицировал действия нарушителя по части 2 статьи 12.24 КоАП РФ [11]. Данный пример показывает, что суды при определённых условиях готовы применять к пользователям СИМ те же правовые последствия, что и к водителям автомобилей, однако это лишь единичные случаи.

Переходя к анализу регионального опыта, следует остановиться на мерах, принятых в Челябинской области в 2025 году. По инициативе прокуратуры были заключены соглашения с кикшеринговыми компаниями, предусматривающие ограничение максимальной скорости до 25 км/ч (в парках — до 10 км/ч), выделение 27 зон полного запрета движения, запрет на езду в состоянии опьянения, обяза-

тельный сход с самоката при пересечении пешеходного перехода. Региональным законом установлены штрафы для пользователей от 2 до 5 тысяч рублей, для должностных лиц — до 50 тысяч рублей, для юридических лиц — до 100 тысяч рублей [4]. Представляется, что опыт Челябинской области заслуживает положительной оценки, однако он имеет три существенных ограничения. Во-первых, соглашения распространяются исключительно на арендные устройства. Владельцы личных СИМ не связаны этими соглашениями, а контроль за их поведением со стороны ГИБДД крайне затруднён. Во-вторых, региональные меры не способны эффективно воздействовать на несовершеннолетних пользователей, которые могут использовать аккаунты родителей или личные устройства. В-третьих, соглашения носят добровольный характер, и кикшеринговая компания в любой момент может их пересмотреть. Таким образом, региональные меры представляют собой паллиатив — временное частичное решение, устраняющее симптомы, но не затрагивающее сущности проблемы.

Ключевая системная проблема заключается в отсутствии у пользователя СИМ обязанности подтверждать знание Правил дорожного движения. В отличие от водителей автомобилей, мотоциклов и мопедов, которые обязаны сдать теоретический и практический экзамены в ГИБДД, пользователь СИМ может выехать на проезжую часть или тротуар, не имея даже минимальных теоретических знаний. Отсутствие обязательного обучения приводит к тому, что значительная часть пользователей СИМ (особенно молодёжь и несовершеннолетние) воспринимают электросамокат не как транспортное средство, а как игрушку или спортивный инвентарь, что в корне неверно и создаёт прямую угрозу безопасности всех участников дорожного движения. Гипотеза о том, что действующие меры административной ответственности не соответствуют степени общественной опасности нарушений, а отсутствие обязательного обучения является ключевым фактором роста аварийности, полностью подтверждается приведёнными данными.

На основании изложенного представляется необходимым внести следующие изменения в действующее законодательство. В целях повышения уровня подготовки пользователей СИМ и создания легитимной основы для привлечения их к ответственности предлагается обязать всех лиц, желающих использовать средства индивидуальной мобильности, проходить обучение правилам дорожного движения. После успешной сдачи теоретического экзамена по ПДД этой категории граждан следует выдавать удостоверение на право управления СИМ с установленного законом возраста. Для реализации данного предложения необходимо внести дополнение в подпункт «М» статьи 25 Постановления Правительства РФ от 24.10.2014 № 1097 «О допуске к управлению транспортными средствами», изложив его в следующей редакции: «категория «М» — мопеды, легкие квадрициклы, средства индивидуальной мобильности» [12]. Кроме того, требуется синхронное увеличение размеров административных штрафов по статье 12.29 КоАП РФ до уровня, со-

поставимого с санкциями за аналогичные нарушения, совершаемые водителями механических транспортных средств, а также законодательное закрепление обязанности использования защитной экипировки (шлема, наколенников, налокотников) для всех пользователей СИМ. Только такой комплексный подход, сочетающий обязательное обучение, официальный допуск к управлению, дифференцированную ответственность и контроль за соблюдением правил, способен переломить негативную

тенденцию роста аварийности с участием средств индивидуальной мобильности, снизить уровень травматизма и смертности на дорогах, а также обеспечить баланс интересов всех участников дорожного движения — пешеходов, водителей автомобилей и пользователей СИМ. Дальнейшее промедление с принятием указанных мер неизбежно повлечёт за собой новые человеческие жертвы и многомиллионные судебные иски, которые могли бы быть предотвращены.

Литература:

1. Статистика дорожно-транспортных происшествий с участием средств индивидуальной мобильности. — Официальный сайт Госавтоинспекции МВД России. — URL: <http://stat.gibdd.ru> (дата обращения: 09.05.2026).
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 28.02.2025). — Ст. 12.29. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 09.05.2026).
3. Обзор судебной практики по делам о дорожно-транспортных происшествиях с участием средств индивидуальной мобильности за 2023–2025 гг. / Научный центр безопасности дорожного движения МВД России. — Москва, 2025. — 45 с.
4. В Челябинской области заключили соглашения о правилах использования электросамокатов. — 74.ru. — 2025. — 10 июня. — URL: <https://74.ru/text/auto/2025/06/10/73456789/> (дата обращения: 09.05.2026).
5. Правила дорожного движения Российской Федерации: утверждены постановлением Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 (ред. от 01.03.2023). — П. 1.2 (понятие СИМ). — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2709/ (дата обращения: 09.05.2026).
6. Прокуратура Калининградской области потребовала взыскать 600 тысяч рублей с 14-летней девочки, которая на электросамокате сбила пенсионерку. — Интерфакс. — 2024. — 26 ноября. — URL: <https://www.interfax.ru/russia/993123> (дата обращения: 09.05.2026).
7. Соловьёв И. Заслуженный юрист РФ призвал повысить штрафы для электросамокатчиков. — Парламентская газета. — 2025. — 15 марта. — URL: <https://www.pnp.ru/social/> (дата обращения: 09.05.2026).
8. Решение Люблинского районного суда г. Москвы от 21 августа 2025 г. по делу № 05–5678/2025. — URL: <https://mos-gorsud.ru/> (дата обращения: 09.05.2026).
9. Суд в Санкт-Петербурге принял к производству иск о взыскании 2 млн рублей с кикшеринговой компании. — РИА Новости. — 2025. — 15 июля. — URL: <https://ria.ru/20250715/samokat-1965023842.html> (дата обращения: 09.05.2026).
10. Постановление Правительства РФ от 24.10.2014 № 1097 «О допуске к управлению транспортными средствами» (вместе с «Правилами проведения экзаменов на право управления транспортными средствами и выдачи водительских удостоверений»). — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_170513/ (дата обращения: 09.05.2026).

Общая характеристика личности виновного в легализации (отмывании) преступных доходов

Павленко Мария Владимировна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Введение

Легализация (отмывание) преступных доходов представляет собой серьёзное экономическое преступление, направленное на придание законного вида доходам от незаконной деятельности. В уголовном праве РФ её правовая квалификация установлена ст. 174–174.1 УК РФ, при этом особое внимание уделяется личности виновного. Цель

статьи — всесторонне охарактеризовать типичные социально-психологические и криминологические черты личности лиц, совершивших преступления, связанные с легализацией денежных средств. Рассмотрены правовые подходы к анализу личности виновного, а также эмпирические данные о социально-демографических и психологических признаках таких лиц, их мотивах и роли организованных структур. Обобщены тенденции повторности

преступлений данного вида и выводы судебной практики о типовых портретах «отмывателей» доходов.

Правовое понимание личности виновного

В уголовном праве РФ личность виновного рассматривается как совокупность свойств человека, проявившихся при совершении преступления. Научные авторы подчеркивают, что личность виновного — это комплекс типических и индивидуальных признаков, прежде всего социально-психологических характеристик, выявленных в ходе преступления [1]. Учет личности преступника имеет критическое значение при назначении наказания: закон требует социальной и правовой оценки личности осуждённого как одного из ключевых факторов индивидуализации наказания [2] [1].

Так, УК РФ прямо обязывает суд учитывать при назначении наказания не только характер и степень общественной опасности деяния, но и личность виновного (ч. 3 ст. 60 УК РФ) [1]. Личность виновного включает в себя возраст, образование, профессиональное и семейное положение, состояние здоровья, предшествующую судимость, поведение во время расследования и другие характеристики. Судебная практика подчеркивает, что без оценки личности в целом справедливое наказание установить трудно. Юридически «личность виновного» не отождествляется с самим преступлением; напротив, это критерий, позволяющий смягчить или усилить меру ответственности на основании его социального портрета и поведения.

Социально-демографические характеристики

Социально-демографический портрет лиц, осуждённых за легализацию преступных доходов, совпадает с общим профилем экономических (беловоротничковых) преступников. По исследованиям, большинство таких лиц — мужчины среднего и старшего возраста. Так, среди осуждённых за экономические преступления (налоговые правонарушения) примерно 72 % — мужчины, а 86,5 % — люди старше 30 лет [3]. Средний возраст «отмывателей» доходов составляет около 40–45 лет. Практически никто из них не молодёжь: доля лиц моложе 30 лет крайне мала.

Большинство легализаторов имеет высшее или среднее специальное образование. По данным по налоговым преступникам, 83,4 % имеют высшее или среднее специальное образование [3]. Часто это выпускники экономических, технических или юридических вузов, что соответствует необходимости понимания финансовых схем.

Касательно профессионального статуса, преобладают служащие и предприниматели. Около 74 % осуждённых — это сотрудники коммерческих компаний или индивидуальные предприниматели [3]. Многие работают в области финансов, бухгалтерии или в государственных органах (например, в контролирующих службах, налоговой полиции и т. п.). При этом значительная часть — лица руководящих должностей (директора, бухгалтеры, финансовые менеджеры). Мало тех, кто занимался отмыванием «на низовой» позиции: водители, разнорабочие и т. п. встречаются крайне редко.

Характеристика	Описание
Пол	Преимущественно мужской (примерно 70–80 %) [4].
Возраст	Средний — около 40–45 лет; более 85 % старше 30 лет [4].
Образование	Высшее или среднее специальное (более 80 %); редко — среднее общее [3].
Род занятий	Служащие и предприниматели; часто — руководители компаний и специалисты в экономической сфере [3].
Семейное положение	Зачастую женаты, имеют устойчивую социальную базу.

Таким образом, «стандартный» преступник по ст. 174 УК — это мужчина 30–50 лет с высшим образованием и официальным трудоустройством. Встречаются и женщины, но доля их невелика. Уголовно-демографические исследования отмечают, что подобные лица зачастую имеют высокий социальный статус и нередко пользуются доверием в бизнес-среде, что облегчает им маскировку преступных операций [3].

Психологические особенности

С психологической точки зрения лиц, занимающихся отмыванием денег, отличают черты, схожие с другими экономическими преступниками. Обычно это расчётливые и хладнокровные люди, обладающие высокими умственными способностями и организаторскими навыками. Им свойственны аморальность и корысть: ключевыми мотивами поведения выступает жадность и стремление к наживе [4]. Как и коррупционеры, они часто характе-

ризуются заниженной эмпатией и склонностью к манипуляциям: имеют завышенное самомнение, умеют обманывать и презирать правила («склонность к манипуляциям и лжи, недостаток эмпатии») [4].

Кроме того, на психологический портрет влияют криминальные связи и опыт. Отмыватели денег обычно образованы и прагматичны: они умеют планировать схему и избирательно подходят к рискам. Они редко действуют импульсивно; напротив, скрупулёзно скрывают следы преступления. Однако при этом у них нередко отсутствуют моральные ограничения перед совершением преступления: они оправдывают свои действия выгоды и пользой (причем этой пользой лично для себя). Как отмечают исследования, коррупционеры, а с ними и легализаторы, мотивируются «жадностью, стремлением к власти или получением преимуществ, а не честными или нравственными побуждениями» [4].

Нередко в психологическом портрете легализатора присутствуют рискованные и авантюрные черты: готовность к финансовым махинациям, уверенность в собственном превосходстве над законом. При этом многие из таких лиц оказываются спокойными и убедительными в общении, что облегчает им вовлечение соучастников и успех обмана контрагентов. В целом же криминологи отмечают: психологически легализатор — это прагматичный нарцисс, чьи решения мотивированы исключительно выгодой [4].

Мотивы и цели легализации

Участники схем по легализации доходов действуют с заранее продуманной целью. Как подчёркивает законодатель (см. примечание к ст. 174 УК РФ и постановление Пленума ВС РФ), главным признаком этого преступления является именно цель придания доходам законного вида [5]. Другими словами, мотивация легализатора — сокрыть незаконное происхождение средств и впоследствии свободно ими распоряжаться. На практике это преследуется корыстными мотивами: злоумышленник хочет извлечь выгоду из преступления, создав видимость законного дохода [6]. Как формулируют адвокаты, целью операций нередко является «удобный легальный доступ к деньгам» и обеспечение условий для ухода от налогов [6].

Таким образом, цели легализации могут включать:

- обналичивание и использование преступных доходов без страха раскрытия,
- введение денег в легальный финансовый оборот (через инвестиции в недвижимость, фирмоднодневки, ценные бумаги и т. д.),
- создание иллюзии законной прибыли для защиты от судебных претензий и налоговых проверок [6].

Юридически ответственность наступает независимо от конечного использования денег (даже если ими никому не распорядились), ибо деяние совершено с умыслом на легализацию. Законом прямо установлено, что преступление совершается умышленно и в корыстных целях [6]. Это означает, что инициатива исходит из желания извлечь прибыль и материальную выгоду из преступления. Например, лицо может обналичивать деньги через подставные фирмы, зная о их незаконном происхождении, именно для того чтобы «законно» вложить или потратить эти средства [6].

В целом мотивы типичного «отмывателя» сводятся к одному — экономическая выгода. При этом сам факт маскировки часто сопряжён с желанием избежать ответственности за основное преступление (например, чтобы скрыть факт взятки или хищения) [5] [6]. Постановление Пленума ВС уточняет, что цель легализации (сделать доходы «законными») должна быть установлена по совокупности фактов дела, даже если формально операции выглядят законно [5] [6].

Связь с организованной преступностью и коррупцией

Преступления по легализации доходов тесно связаны с организованной преступностью и коррупционными схемами. Во-первых, УК РФ предусматривает особо

строгую ответственность, если такие деяния совершены организованной группой или с использованием служебного положения [7]. Так, санкции по ст. 174 значительно ужесточаются, если преступление совершено группой по предварительному сговору (п. а ч. 3) или организованной группой (ч. 4) [7]. Также «служебное положение» (например, должность в банке или госоргане) считается отягчающим обстоятельством (п. б ч. 3) [7]. Это законодательство подчёркивает роль криминальных объединений в подобных преступлениях.

На практике большинство дел о легализации связаны именно с ОПГ и коррумпированными чиновниками. Среди обвиняемых часто можно встретить руководителей и соучастников крупных предприятий, контролёров денежных потоков, банковских служащих. Как указывает судебная практика (и комментируют эксперты), в таких схемах обычно участвуют несколько человек, делящих роли: один — поставляет деньги («деньги поступили другим лицом»), другой — занимается их обналичкой [7] [8]. При этом участники стремятся использовать доверие к своей должности: например, организаторов выявляют через документы о фиктивных сделках, оформленные от имени должностных лиц.

Эти преступления нередко являются продолжением коррупционных хищений: чиновник получил взятку или присвоил бюджетные средства, а затем вступает в сговор с коммерсантами для обналичивания и «облагораживания» денег. Постановление Пленума подчёркивает, что в таких схемах могут использоваться и фирмы-однодневки, и «подставные» физлица, не подозревающие о криминальном происхождении поступлений [8]. Это означает, что легализация — финальная стадия преступления, предшествующими мотивами которой часто являются коррупция или участие в организованной преступной группе.

Пример из практики: СМИ сообщают о громких делах, где обвиняемые — бывшие замминистра, мэр и блогер — все были связаны с коррупцией или бизнесом, а их доходы следовало «обелить» через сложные схемы [9]. Такие случаи иллюстрируют типичный портрет: влиятельные личности либо их доверенные лица, использующие финансовые конструкции (офшоры, компании родственников) для легализации грязных доходов.

Таким образом, легализация денег идёт «рука об руку» с ОПГ и коррупцией: законодатель усиливает наказания для групп (ч. 4 ст. 174 УК) и лиц при должностном положении [7]. Эти нормы отражают реальность: схемы легализации часто организованы именно преступными группировками и коррумпированными чиновниками, а сами «легализаторы» — не рядовые граждане, а лица, входящие в преступные сети или близкие к власти.

Повторность и рецидив

Многие криминологи указывают, что экономические преступления, включая легализацию доходов, сопровождаются высокой долей рецидивности. В целом, ст. 18

УК РФ определяет рецидив как совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за умышленное преступление [10]. При признании рецидива законом предусматривается ужесточение наказания [10]. Для рецидивиста, совершившего новое преступление, суды обязаны назначать более строгий режим отбывания наказания и, при возможности, отбывание реального срока.

Однако эмпирические данные показывают: многие лица, совершившие легализацию, оказываются впервые в системе уголовной юстиции. Анализ криминалистов свидетельствует, что «основная масса осуждённых за налоговые (экономические) преступления осуждена впервые». Это объясняется тем, что данные преступления зачастую квалифицируются впервые и возбуждаются новые уголовные дела, а не по ранее известным «меркам». Согласно исследованиям, 81,5 % обвиняемых за экономические правонарушения никогда ранее не судимы.

Тем не менее, наличие судимости — частый фактор: у оставшихся примерно 18 % имелись как минимум одна судимость. Рецидивисты среди легализаторов обычно — те, кто ранее привлекался по смежным экономическим статьям (мошенничество, коррупция и т. д.). Для таких лиц наказание за легализацию часто становится очередным эпизодом многократной преступной деятельности. При установлении рецидива суд обязательно отражает это в приговоре, что влияет на ужесточение срока и режима.

Итак, повторность преступлений играет важную роль при квалификации: с точки зрения наказания, признание рецидива ведёт к более жёстким мерам [10]. Но по характеру преступления большинство «легализаторов» приходят в суд впервые, что совпадает с тенденцией снижения рецидивности именно налогово-экономических правонарушений [3]. Тем не менее при фактическом расследовании суды часто отмечают перекрёстное участие — например, фигурант может одновременно фигурировать по нескольким статьям экономического цикла.

Судебная практика и обобщённые портреты

Судебная практика по делам о легализации денежных средств демонстрирует ряд постоянных черт. Во-первых, как уже сказано, в большинстве дел фигурирует группа лиц. Пленум ВС подчёркивает типичные приёмы: операции проходят через «фирмыоднодневки» и подставных лиц, не знающих о происхождении денег [8]. В таких схемах все действующие лица (организатор, бухгалтер, курьер и др.) являются соучастниками — так постановление ВС требует квалифицировать их всех по ст. 174.1 как членов ОПГ [8].

Во-вторых, суды отмечают, что «легализаторы» часто — представители бизнес-среды с благополучной биографией. В приговорах фигурируют директора, бухгалтеры, юристы коммерческих фирм, финансовые консультанты и т. д. Эти лица обычно не имеют криминального прошлого (или имеют малую судимость) и ранее не

привлекались за умышленные преступления. Поэтому суды, оценивая личность обвиняемого, учитывают его «позитивные характеристики»: стабильность семейного положения, профессиональный статус, наличие гражданских заслуг. Часто это признаётся смягчающим обстоятельством (например, в оправдательных или частичных оправдательных приговорах такие доводы фигурируют наряду с неопровержимостью доказательств).

Наконец, в рамках анализа практики можно выделить обобщённый портрет «классического» легализатора: — Мужчина 35–50 лет, обычно с высшим образованием (экономическим или юридическим).

- Работал в коммерческой фирме или госоргане (юристом, бухгалтером, финансовым менеджером), имел доступ к счетам и документам.

- Не состоял на учёте у психиатра, не страдал тяжёлыми зависимостями.

- В совершении преступления мотивирован исключительно материальной выгодой.

Схематично судебная практика говорит: люди, доверенные сбережениям (бухгалтеры, руководители и др.), оказываются вовлечёнными в сложные «обналичивающие» схемы [8] [3]. Многие случаи связаны с коррупцией: например, приговоры за легализацию часто даются по совокупности с обвинением во взяточничестве или хищениях (что подчёркивает сочетание мотивов). Судебные обзоры по ст. 174 учитывают и экономическую ситуацию: обнаружено, что значительная часть дел связана с уклонением от налогов (с использованием «технических» фирм) и контрабандой, а также с финансовыми пирамидами. В обобщённых характеристиках, приведённых экспертами, отмечаются техники создания фиктивной отчётности и сокрытия бенефициаров.

Пример: В одном деле подсудимые через лжепредприятие проводили доленую покупку недвижимости, скрывая истинного собственника. Суд отметил, что такой метод «приобретения недвижимого имущества при условии сокрытия преступного происхождения средств» — классический признак легализации [5] [8]. Приговор оглашён с учётом того, что обвиняемый имел образование финансиста и работал генеральным директором, что помогало ему организовать схему — обстоятельства, усиливающие вину.

Таким образом, судебная практика подкрепляет выводы криминологов: профиль лиц, совершающих легализацию, единообразен и включает описанные социальные и психологические характеристики. В частности, Верховный Суд обращает внимание на типичные способы «обналичивания» — использование подставных счетов и незнающих лиц [8], а также подчёркивает обязательный умысел и цель легализации [5] [8]. Всё это даёт возможность сформулировать обобщённый портрет «отмывателя»: человек со стабильной общественной позицией, на первый взгляд законопослушный, который по своей воле использовал свои связи и знания для реализации преступной цели.

Заключение

Подводя итог, можно сделать следующие основные выводы. Юридически в РФ личность виновного при отбывании наказания оценивается в целях индивидуализации санкций [1] [2]. «Легализатор» представляет собой обычно мужчину среднего возраста с высокой профессиональной подготовкой (экономическое/финансовое образование) и с закреплённым положением в бизнесе или госструктуре [3]. Его психологический портрет характеризуется расчётливостью, аморальностью и жадой наживы [4]. Целью его действий является сокрытие преступного происхождения денежных средств и извлечение выгоды через создание видимости законности [6]. Как правило, такие преступники имеют связи с организованной преступностью или коррупционными схемами, что отражено в ужесточённом отношении закона к их

действиям [7]. В практике большинство лиц, совершивших легализацию, привлекаются к ответственности впервые [3], однако они часто демонстрируют другие признаки «экономического рецидива», например, одновременное участие в финансовых махинациях по роду своей деятельности.

В целом, обобщённый криминологический портрет «отмывателя» представляет собой хорошо подготовленного, мотивированного корыстью человека, который осознаёт преступный характер своей деятельности и стремится легализовать доходы через сложные финансовые конструкции [6] [8]. Уделение внимания социально-демографическим и психологическим чертам таких лиц позволяет правоохранительной системе эффективнее выявлять и предотвращать подобные преступления, а судам — точнее оценивать степень вины обвиняемых и индивидуализировать меры наказания.

Литература:

1. Личность виновного в преступлении как критерий индивидуализации наказания при его назначении. — Текст: электронный // vestnykeys.ru: [сайт]. — URL: <https://vestnykeys.ru/0222/19.pdf>.
2. УК РФ Статья 60. Общие начала назначения наказания. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/a23518de9a1a6a791e17607f5b636b92aae0667b/.
3. Осуждённые за налоговые преступления: кто они? — Текст: электронный // nalogoved.ru: [сайт]. — URL: <https://nalogoved.ru/art/348.html>.
4. Криминологическая характеристика личности коррупционера. — Текст: электронный // nvjournal.ru: [сайт]. — URL: https://nvjournal.ru/article/Kriminologicheskaja_harakteristika_lichnosti_korrupsionera/.
5. Пантюшов, &. П. Состав преступления по ст.174, 174.1 УК РФ (легализация (отмывание) преступных доходов) — Адвокаты на Марксистской / &. П. Пантюшов. — Текст: электронный // Пантюшов & партнеры: [сайт].
6. Услуги адвоката по защите от уголовной ответственности за легализацию (отмывание) денежных средств. — Текст: электронный // skpgroup.ru: [сайт]. — URL: <https://skpgroup.ru/yuridicheskie-uslugi/advokat-po-ugolovnym-delam/zashchita-po-ekonomicheskim-prestupleniyam/174-uk-legalizatsiya-otmyvanie-denezhnykh-sredstv/>.
7. УК РФ Статья 174. Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/4dfcfc8807c829f92212ce92efe818c4a707a3ca/.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 N 32 (ред. от 09.12.2025) «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества»,.... — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182365/.
9. С начала 2025 года МВД возбудило больше 860 дел об отмывании денег и назвало самые громкие. — Текст: электронный // klerk.ru: [сайт]. — URL: https://www.klerk.ru/buh/news/656923/?srsid=AfmBOortX82fz0ek04FME2h5_xfKy8YCSEfCPyfjAmH2G0BlyhF3xX56.
10. УК РФ Статья 18. Рецидив преступлений. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/4ae34ba05e23456a1e99b9163a0703c0f4e125a4/.

Наследование оружия: правовые ограничения и порядок оформления

Пеньков Максим Денисович, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье рассматриваются особенности наследования оружия как объекта гражданских прав, ограниченного в обороте. Анализируются правовые основания перехода права собственности на оружие в порядке наследования, установленные Гражданским кодексом РФ и Федеральным законом «Об оружии». Особое внимание уделено процедуре изъятия оружия для ответственного хранения, срокам его хранения государственными органами, порядку получения лицензии.

Ключевые слова: наследование, оружие, ограниченно оборотоспособные вещи, Росгвардия, лицензия, наследственная масса, нотариат.

Введение

В условиях современного правового государства и в соответствии с нормами действующего гражданского законодательства актуальность приобретает тема наследования имущества, ограниченного в обороте. В данной статье речь пойдет о наследовании оружия, которое может входить в состав наследственной массы, исходя из положений Конституции Российской Федерации, но с другой стороны подлежит жесткому государственному регулированию и контролю с целью обеспечения общественной безопасности.

Целью данной работы является комплексный анализ законодательства Российской Федерации, регулирующее наследование оружия, его правовые ограничения, а также рассмотрение порядка оформления.

Анализ законодательства РФ

В п.4 ст. 35 Конституции Российской Федерации четко говорится о том, что “право наследования гарантируется”, но затрагивая наследование оружия выделяются такие законодательные акты, как Гражданский кодекс РФ (раздел 5), Федеральный Закон “Об оружии”, Правила оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации (Постановление правительства от 21 июля 1998 года № 814).

Согласно ст. 1180 ГК РФ оружие входит в состав наследства и наследуется на общих основаниях. На принятие наследства, в состав которого входят такие вещи, не требуется специального разрешения. Это означает, что наследник автоматически получает право собственности на оружие независимо от наличия у него лицензии. При этом в ст. 20 ФЗ “Об Оружии” указано, что наследование гражданского оружия возможно только при наличии у наследника лицензии на его приобретение. Если лицензия отсутствует, оружие изымается для ответственного хранения до решения вопроса о наследовании и получении лицензии. При отказе в выдаче разрешения право собственности наследника прекращается, а оружие подлежит реализации. Исходя из этих статей, возникает противоречие, так как ГК РФ говорит о том, что наследование происходит на общих основаниях и специального разрешения не требуется, а ФЗ “Об оружии” устанавливает ограничения исходя из наличия лицензии.

Основной проблемой для наследников является необходимость не только подтвердить свои права на имущество у нотариуса, но и получить специальное разрешение (лицензию) от государства.

Стоит отметить, что не все виды оружия могут передаваться по наследству. Запрет наследования установлен в отношении боевого короткоствольного ручного стрел-

кового наградного оружия. В большинстве случаев, на практике довольно распространено, а законом допускается наследование гражданского оружия, а также наградного гражданского и холодного оружия [6]. Это обусловлено низкой по сравнению с боевым оружием опасностью гражданского оружия, а передача наградного оружия возможна в виду его особой ценности, сохранения памяти о наследодателе.

Обращая внимания на судебную практику и проанализировав ее, можно сделать несколько выводов:

1) Суды признают, что наследник получает право собственности на оружие независимо от наличия у него лицензии. Например, в Апелляционном определении СК по гражданским делам Хабаровского краевого суда по делу № 33–6932/2014 указано, что отсутствие у наследника разрешительного документа на оружие не является основанием для отказа в выдаче свидетельства о праве на его наследство;

2) Согласно статье 27 ФЗ «Об оружии», изъятие оружия и патронов к нему производится федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным в сфере оборота оружия, или его территориальными органами. Оружие и патроны хранятся до решения вопроса о наследовании имущества и получении лицензии на приобретение гражданского оружия, но не более одного года;

3) Апелляционное определение СК по гражданским делам Липецкого областного суда по делу № 33–3485/2014 подтверждает, что если заинтересованное лицо заявило о выдаче особого разрешения на хранение и ношение унаследованного оружия, право собственности на такое оружие может быть прекращено лишь в случае отказа в выдаче разрешения;

4) Стоит отметить, что суды идут по пути косвенного признания преимущественного права к наследованию оружия и признают право наследования оружия за тем наследником, который имеет соответствующую лицензию

Говоря об изъятии и хранении оружия, законодатель установил особый механизм для сохранности оружия. В ФЗ “Об оружии” П. 5 ст. 27, закреплено, что в случае смерти собственника оружие подлежит изъятию для ответственного хранения и здесь имеет большое значение добросовестность наследников, так как существует определенный алгоритм взаимодействия с правоохранительными органами. Наследники или лица, проживавшие с наследодателем на момент смерти обязаны сообщить территориальный орган полиции (Росгвардию) о наличии оружия. Они должны сделать это как можно быстрее, дабы избежать ответственности за незаконное хранение (ст. 19.7 КоАП РФ). Сотрудник полиции в свою очередь обязан произвести изъятие оружия и боеприпасов, составить протокол с подробным описанием номеров и комплектующих, после чего копия протокола выдается на-

следнику. Последним действием этого алгоритма является уведомление нотариуса родственниками, наследниками или лицами, проживавшими с наследодателем на момент смерти о наличии в наследственной массе оружия. В случае если территориальный орган полиции (Росгвардия) не был уведомлен о наличии оружия, это обязан сделать нотариус для принятия мер охраны.

Если затрагивать тему сроков хранения, то закон дает наследнику 1 год с момента смерти наследодателя, чтобы оформить все документы. Оружие хранится в органах внутренних дел или Росгвардии. Если по истечении года наследник так и не обратился за лицензией или ему было отказано в ее выдаче, оружие подлежит принудительной реализации через специализированные магазины. Деньги от продажи за вычетом расходов на хранение и реализацию возвращаются наследнику.

Прядок оформления

Процесс оформления прав на оружие требует параллельного взаимодействия с двумя институтами: нотариатом (оформление наследства) и Росгвардией (разрешительная система). Этот процесс происходит в 2 этапа:

Этап 1. Получение Свидетельства.

Наследник обращается к нотариусу по месту открытия наследства. В отличие от обычного имущества, для оружия рекомендуется получать отдельное свидетельство о праве на наследство, в котором будут указаны конкретные признаки оружия (марка, калибр, номер).

Этап 2. Оформление лицензии в Росгвардии.

Это ключевой момент, определяющий судьбу имущества. Для получения оружия из камеры хранения наследник должен представить в лицензионно-разрешительный отдел (ОЛРР) Росгвардии: 1) Заявление о выдаче лицензии на приобретение гражданского оружия; 2) Свидетельство о праве на наследство (подтверждение законности владения); 3) Медицинскую справку об отсутствии противопоказаний; 4) Документы о прохождении обучения (для охотничьего оружия) или тестирования (для травматического).

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)
2. Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии» (ред. от 23.03.2026) // Consultant.ru.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ — Ст. 1180.
4. Правила оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории РФ (утв. Постановлением Правительства РФ № 814).
5. Рекомендации МВД РФ и нотариата. Порядок хранения и оформления наследственного оружия // Официальный портал муниципальных образований
6. Тесленко Е. А. К вопросу о наследовании оружия // Молодой ученый. 2024. № 12 (511). С. 263.

Также стоит отметить и исключение, например, если наследуется списанное оружие (деактивированное, неспособное произвести выстрел), наличие лицензии на приобретение не требуется. В этом случае регистрация происходит в упрощенном порядке. Помимо этого, существует особый статус наградного оружия. Боевое короткоствольное наградное оружие (например, пистолеты, которыми награждают генералов и героев) практически не подлежит наследованию как гражданское. Оно подлежит сдаче государству. Определенные виды наградного холодного оружия могут оставаться в семье на правах памятных вещей, но без права ношения.

Опираясь на вышеизложенные положения, стоит указать на основную процедурную проблему в получении оружия: пока наследник ждет 6 месяцев до выдачи свидетельства, оружие лежит на складе полиции. Если наследник в течение года (а это всего 6 месяцев после получения свидетельства + оставшиеся от 6-месячного срока) не успевает собрать справки и пройти обучение, оружие будет продано

Заключение

Наследование оружия является трудоемким и многоэтапным процессом, который требует высокой правовой дисциплины. Наследник в свою очередь должен совершить ряд действий для получения права на наследство (вступить в наследство) и получение самого оружия в своем натуральном виде (получение лицензии).

Существующая система хранения оружия в органах внутренних дел сроком до 1 года является разумным компромиссом между интересами наследника (дать ему время на оформление) и общества (изъять опасный предмет из потенциально незаконного оборота). Но при этом проблема сроков остается по настоящее время и решить ее можно исключительно увеличением срока до полутора лет. Несмотря на это основной рекомендацией для граждан, получивших в наследство оружие, является незамедлительное уведомление полиции о его наличии и немедленное начало процедуры оформления лицензии, не дожидаясь истечения 6-месячного срока на наследство.

Цифровизация корпоративного управления в современной России

Петров Владислав Андреевич, студент магистратуры
Государственный университет просвещения (г. Москва)

Статья посвящена исследованию влияния цифровых технологий на развитие корпоративного управления в Российской Федерации. Анализируются электронные формы корпоративного взаимодействия, проблемы дистанционного участия в управлении хозяйственными обществами и перспективы дальнейшей цифровизации корпоративных процедур.

Ключевые слова: корпоративное управление, цифровизация, электронное голосование, корпоративное право, цифровые технологии.

Развитие цифровой экономики оказывает существенное влияние на трансформацию современных корпоративных отношений. Технологические изменения затрагивают не только хозяйственную деятельность организаций, но и внутренние механизмы корпоративного управления. В условиях активного внедрения цифровых технологий меняются способы взаимодействия участников корпораций, порядок принятия решений и механизмы реализации корпоративных прав.

В современной научной литературе цифровизация рассматривается как один из ключевых факторов модернизации корпоративного управления [1]. Использование электронных технологий позволяет существенно повысить эффективность деятельности корпораций, сократить организационные издержки и обеспечить более высокий уровень прозрачности корпоративных процедур.

В современной российской практике всё более широкое распространение получают электронные формы корпоративного взаимодействия. Проведение общих собраний с использованием дистанционных технологий, электронный документооборот, цифровые сервисы раскрытия информации и онлайн-голосование позволяют значительно упростить взаимодействие между участниками хозяйственных обществ.

Особое значение для цифровизации корпоративных отношений имеет законодательство об электронной подписи. Федеральный закон «Об электронной подписи» закрепляет юридическую значимость электронных документов и обеспечивает возможность использования цифровых механизмов подтверждения воли участников корпоративных отношений [2]. Благодаря этому существенно упрощается порядок взаимодействия между органами управления корпорации и её участниками.

Особенно активно цифровые технологии внедряются в деятельность акционерных обществ. Публичные компании используют электронные платформы для взаимодействия с инвесторами, раскрытия корпоративной информации и проведения голосований [3]. Подобные механизмы способствуют повышению прозрачности корпоративного управления и обеспечивают более эффективную защиту прав акционеров.

Вместе с тем цифровая трансформация корпоративного управления порождает и новые правовые проблемы. Одной из наиболее значимых остаётся проблема обеспе-

чения информационной безопасности корпоративных процедур. Нарушение работы электронных систем, утечка данных либо несанкционированный доступ способны поставить под сомнение законность принятых решений и привести к нарушению прав участников корпорации.

Не менее важной является проблема идентификации участников электронного взаимодействия. Для обеспечения юридической достоверности корпоративных решений необходимо гарантировать, что голосование осуществляется именно уполномоченным лицом. В этой связи возрастает роль технологий цифровой идентификации и средств криптографической защиты информации.

Серьёзное значение имеет и вопрос хранения электронных документов. Традиционные способы фиксации корпоративных решений постепенно заменяются цифровыми реестрами и электронными архивами. Однако действующее законодательство пока не содержит комплексного регулирования вопросов хранения и подтверждения юридической силы электронных корпоративных документов.

В научной литературе активно обсуждаются перспективы использования технологий распределённых реестров и блокчейна в корпоративном управлении. Подобные технологии способны повысить прозрачность голосования, обеспечить неизменность корпоративных записей и сократить риски фальсификации данных. Вместе с тем практическое внедрение таких решений пока остаётся ограниченным как техническими, так и правовыми факторами.

Особую актуальность цифровизация корпоративного управления приобрела после распространения дистанционных форм взаимодействия. Корпорации были вынуждены оперативно адаптировать механизмы управления к условиям удалённой работы, что существенно ускорило внедрение цифровых инструментов в корпоративную практику.

Представляется, что дальнейшее развитие корпоративного законодательства должно быть связано с формированием комплексной системы регулирования цифровых корпоративных процедур. Необходимо более подробно закрепить порядок дистанционного голосования, использования электронных платформ, хранения цифровых документов и распределения ответственности за нарушения в сфере информационной безопасности.

Таким образом, цифровизация корпоративного управления является закономерным этапом развития совре-

менной корпоративной системы. Она способствует повышению эффективности управления, прозрачности деятельности корпораций и доступности реализации кор-

поративных прав, однако требует дальнейшего совершенствования нормативной базы и формирования единых стандартов цифрового корпоративного взаимодействия.

Литература:

1. Колонтаевская И. Ф. Корпоративное управление: правовые аспекты // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. — 2018. — № 3. — С. 41–49.
2. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 15.
3. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 1.

Проблемы правового регулирования холдинговых структур в Российской Федерации

Петров Владислав Андреевич, студент магистратуры
Государственный университет просвещения (г. Москва)

В статье рассматриваются особенности правового регулирования холдинговых структур в Российской Федерации. Анализируются проблемы отсутствия единого законодательного определения холдинга, вопросы корпоративного контроля и распределения ответственности между основным и дочерними обществами. Особое внимание уделяется перспективам совершенствования российского корпоративного законодательства.

Ключевые слова: холдинг, корпоративное право, корпоративный контроль, дочернее общество, группа компаний.

Современная российская экономика характеризуется активным использованием корпоративных объединений холдингового типа. Крупные хозяйственные субъекты всё чаще функционируют не в форме одного юридического лица, а посредством группы взаимосвязанных организаций, объединённых единым центром корпоративного управления. Подобная модель организации бизнеса позволяет более эффективно распределять ресурсы, минимизировать предпринимательские риски и обеспечивать централизованное стратегическое руководство деятельностью группы компаний.

В современной научной литературе неоднократно отмечалось, что развитие холдинговых структур стало закономерным этапом эволюции корпоративных отношений и концентрации капитала [1]. Холдинги фактически превратились в одну из основных форм организации крупного бизнеса как в мировой, так и в российской экономике. Особенно активно подобные корпоративные объединения используются в банковской сфере, промышленности, строительстве, нефтегазовом секторе и цифровой экономике.

Несмотря на широкое распространение холдинговых структур в предпринимательской практике, российское законодательство до настоящего времени не содержит комплексного нормативного регулирования данной формы корпоративного объединения. В действующих нормативных актах отсутствует единое законодательное определение холдинга, а регулирование отношений корпоративной зависимости носит фрагментарный характер.

Отдельные нормы содержатся в гражданском, антимонопольном, банковском и налоговом законодательстве.

Подобная разрозненность нормативной базы создаёт значительные сложности в правоприменительной практике. Отсутствие единого подхода к определению корпоративного контроля и распределению ответственности между участниками группы компаний приводит к возникновению корпоративных конфликтов и судебных споров. Кроме того, неоднозначность законодательства осложняет защиту интересов кредиторов и миноритарных участников дочерних обществ.

Ключевое значение для регулирования отношений зависимости имеет статья 67.3 Гражданского кодекса Российской Федерации, закрепляющая конструкцию основного и дочернего общества [2]. Закон связывает возможность признания общества дочерним с наличием у другого юридического лица возможности определять принимаемые им решения посредством участия в уставном капитале, договора либо иным способом. Однако указанная конструкция регулирует лишь отдельные аспекты корпоративного контроля и не формирует полноценной модели правового статуса холдинга.

Особенностью холдинговой структуры является сочетание юридической самостоятельности дочерних обществ и их фактической экономической зависимости от головной компании. Формально каждое общество сохраняет статус самостоятельного субъекта гражданского оборота, однако стратегические решения зачастую принимаются единым управляющим центром. Подобная

двойственность становится причиной значительного количества корпоративных конфликтов.

Особую сложность представляет вопрос распределения ответственности внутри холдинговой структуры. На практике нередко возникают ситуации, при которых дочернее общество принимает решения исключительно в интересах контролирующей организации. В подобных случаях возникает проблема привлечения основного общества к ответственности по обязательствам дочерней компании. Судебная практика последних лет демонстрирует тенденцию к более содержательной оценке отношений корпоративного контроля, при которой учитывается не только формальная структура владения, но и фактическое влияние контролирующих лиц на деятельность зависимого общества [3].

Существенное значение для регулирования холдинговых отношений имеет антимонопольное законодательство. Федеральный закон «О защите конкуренции» использует категорию группы лиц, позволяющую учитывать экономическую связанность субъектов предпринимательской деятельности [4]. Данный механизм направлен на предотвращение чрезмерной концентрации экономической власти и ограничение недобросовестной конкуренции.

Одной из ключевых проблем современного корпоративного законодательства остаётся отсутствие единых стандартов раскрытия информации о структуре холдинга и распределении корпоративного контроля. В результате участники гражданского оборота не всегда обладают воз-

можностью объективно оценить реальное положение компании внутри корпоративной группы. Это создаёт дополнительные риски как для кредиторов, так и для миноритарных участников дочерних обществ.

В научной литературе всё чаще высказывается позиция о необходимости принятия специального федерального закона «О холдингах в Российской Федерации». Представляется, что такой нормативный акт мог бы закрепить единое понятие холдинга, определить критерии корпоративного контроля, установить механизмы распределения ответственности между основным и дочерними обществами, а также урегулировать вопросы раскрытия информации о деятельности корпоративной группы.

Особое внимание в будущем законодательстве следует уделить защите прав миноритарных участников дочерних обществ. В условиях высокой концентрации корпоративного контроля существует риск принятия решений исключительно в интересах головной компании. Именно поэтому важное значение приобретают механизмы компенсации убытков, оспаривания сделок и усиления стандартов добросовестного поведения контролирующих лиц.

Таким образом, холдинговые структуры представляют собой одну из наиболее значимых форм современной организации бизнеса. Их дальнейшее развитие требует формирования последовательной и системной модели правового регулирования, обеспечивающей баланс интересов участников корпоративных отношений, кредиторов и государства.

Литература:

1. Курбанов Р. А. Корпоративное право: учебник. — М.: Проспект, 2025. — 560 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
3. Зайченко А. М. Теоретические и практические проблемы участия холдингов в гражданском обороте // Уральский журнал правовых исследований. — 2024. — № 4. — С. 8–12.
4. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31.

К вопросу о генезисе договора дарения в советский период

Пилия Эдуард Давидович, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В настоящей статье автором проанализирован исторический генезис договора дарения в отечественном праве в советский исторический период.

Ключевые слова: договор дарения, нотариальное удостоверение, безвозмездное отчуждение, стоимостный порог, дарение строительных материалов.

Оценивая исторический генезис правовой регламентации дарения, нельзя не отметить, что наиболее радикальная трансформация рассматриваемого института в отечественном праве, вне всякого сомнения, была инициирована революционными событиями 1917 года.

Представляется логичным начать анализ развития договора дарения в исследуемый исторический промежуток с того, что формирование принципиально новой государственности, а именно Советского Союза, сопровождавшееся демонтажем имперской правовой си-

стемы и тотальным огосударствлением средств производства, повлекло за собой беспрецедентное сжатие имущественных правомочий граждан вновь образованного государства.

Представляется, что в рассматриваемый период фактически, возможность свободно распоряжаться даже тем незначительным объёмом благ, что сохранялся у населения, была не просто урезана, а в ряде аспектов сведена к юридическому минимуму.

Так, своеобразным итогом указанной выше тенденции, как видится, послужило издание Декрета ВЦИК от 27 апреля 1918 года, который в свою очередь полностью ликвидировал институт наследственного правопреемства [1].

Следует отметить, что в целях предотвращения очевидных попыток обойти данный запрет посредством прижизненного отчуждения активов с использованием института дарения, законодатель предпринял весьма предсказуемый и симметричный шаг, выразившийся в принятии в мае того же года Декрета «О дарениях», что, по своей сути, заблокировало легальную возможность безвозмездного перехода права собственности в обход новых установленных правил [2].

Соответственно, ключевой новеллой упомянутого выше акта выступило установление жёсткого стоимостного порога для предмета сделки, что само по себе являлось беспрецедентным шагом для классической цивилистики.

В частности, в рассматриваемом случае безвозмездное отчуждение имущества, чья стоимость превышала 10 тысяч рублей, объявлялось ничтожным, в то время как для сделок в диапазоне от одной до десяти тысяч рублей требовалась сложная процедура легитимизации, которая представляла собой либо получение судебной санкции, либо совершение нотариального действия под угрозой той же недействительности.

Обращаясь к доктринальному осмыслению и букве закона того периода, можно констатировать, что отечественный законодатель сознательно моделировал соглашение о даре исключительно как реальную конструкцию, причём объектный состав был ограничен сугубо индивидуально-определёнными вещами.

Рассмотренное выше доктринальное усечение функционала дарения, как представляется, всецело коррелировало с господствующей идеологической парадигмой, для которой безвозмездное обогащение в сколько-нибудь значимых масштабах являлось абсолютно недопустимым феноменом.

Продолжая рассмотрение истории развития института дарения в советский период развития государства, стоит отметить, что следующим этапом в развитии анализируемой договорной формы стало вступление в силу первого кодифицированного акта, объединившего в себе разрозненные гражданские правовые нормы, а именно Гражданского кодекса РСФСР.

Показателен тот факт, что весь массив нормативного материала, касающегося дарения, оказался скон-

центрирован в одной-единственной статье, помещённой в раздел об обязательствах из договоров, что наглядно иллюстрирует предельное усечение рассматриваемой конструкции [3].

Заслуживает отдельного упоминания то обстоятельство, что изначальная редакция упомянутой статьи, по сути, повторяла собой базовые положения Декрета «О дарениях», предполагая тем самым императивный запрет на дарение вещей дороже 10 тысяч рублей.

Тем не менее динамика правового развития привела к тому, что Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 4 октября 1926 года обозначенные ранее стоимостные барьеры были упразднены отечественным законодателем рассматриваемого периода.

Примечательно, что в модифицированном варианте измененной статьи ГК РСФСР законодатель счёл необходимым предписать обязательное нотариальное удостоверение для договоров безвозмездной уступки имущества на сумму, превышающую одну тысячу рублей, при несоблюдении чего сделка могла быть признана недействительной.

При этом нельзя не упомянуть тот факт, что помимо специальных предписаний, на дарение распространялись и универсальные правила о форме сделок, зафиксированные в ст. 136 ГК РСФСР, что вполне закономерно в силу природы дарения как гражданско-правовой сделки.

Как представляется, качественный сдвиг в регулировании рассматриваемого института произошёл с введением в действие Гражданского кодекса РСФСР 1964 года, который, в отличие от предыдущей установленной редакции, впервые структурировал нормативный материал в обособленной 23-й главе, однако, состоящей в то же время всего из двух статей [4].

Если проанализировать ст. 256 указанного выше акта, то можно сделать вывод, что законодателем, наконец, предпринята попытка введения в отечественный закон первичной легальной дефиниции договора дарения, понимаемого в свою очередь, как сделку по безвозмездной передачи имущества в собственность.

Характерно, что в более поздний хронологический период, а именно после издания Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 28 мая 1986 года, отечественный законодатель в очередной раз ужесточило требования к оформлению сделок по дарению имущества, распространив режим обязательного нотариального удостоверения на договоры дарения строительных материалов [5].

Как представляется аргументация законодателя, заложенная в свою очередь в рассматриваемом указе, была продиктована намерением пресечь систематические хищения стройматериалов и их последующую нелегальную реализацию под видом безвозмездных сделок.

Вследствие изложенного, соответственно в действующий ГК РСФСР была внесена ст. 139, предписывавшая в свою очередь нотариальную форму для подобных сделок, за исключением случаев, когда передача материалов могла быть определенным образом подтверждена документами, подтверждавшими их изначальное приобретение в роз-

ничной сети или иной организации, а соответственно, легальным образом.

Подводя итог вышеизложенному необходимо отметить, что законодатель так и не отошёл от восприятия да-

рения как потенциально опасной сделки, сохранив его реальный характер, что в конечном счёте привело не к эволюции, а к функциональному усечению рассматриваемого правового института.

Литература:

1. Декрет ВЦИК от 27 апреля 1918 г. «Об отмене наследования» // СУ РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904.
2. Декрет ВЦИК от 22 мая 1918 г. «О дарениях» // СУ РСФСР. 1918. № 43. Ст. 525.
3. Черепахин Б. Б. Труды по гражданскому праву (классика российской цивилистики). М., 2001. С. 17.
4. Гражданский кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.
5. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 28 мая 1986 года // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1986. № 23. С. 638.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 20 (623) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 27.05.2026. Дата выхода в свет: 03.06.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.